

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *Э.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

В.И. Лымарев

**Алексей Иванович
БУТАКОВ
1816 – 1869**

Ответственные редакторы:
доктор технических наук
А.В. ПОСТНИКОВ,
доктор географических наук
А.Ф. ПЛАХОТНИК

МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 910(092)
ББК 26.8г
Л88

Рецензенты:

доктор технических наук
Н.Н. Неронов,
кандидат исторических наук
В.Г. Смирнов

Лымарев В.И.

Алексей Иванович Бутаков, 1816–1869 / В.И. Лымарев ; отв. ред. А.В. Постников, А.Ф. Плахотник. – М. : Наука, 2006. – 182 с. : ил. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-034065-0 (в пер.).

В книге рассказывается о моряке-ученом А.И. Бутакове, который положил начало исследованиям Аральского моря и в середине XIX века впервые составил его гидрографическую карту, используемую до 50-х годов XX века. Собранные им научные материалы были высоко оценены отечественными и зарубежными географами, став исходными для современных исследователей Арала.

Книга предназначена всем читателям, которые интересуются историей географических открытий.

Темплан 2006-I-300

ISBN 5-02-034065-0

- © Лымарев В.И., 2006
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2006
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

В 1948 г. исполнилось сто лет со времени начала описи Аральского моря, произведенной лейтенантом (впоследствии контр-адмиралом) Алексеем Ивановичем Бутаковым. Поэтому следует помнить о жизни и деятельности этого замечательного моряка и выдающегося географа.

Л.С. Берг

От автора

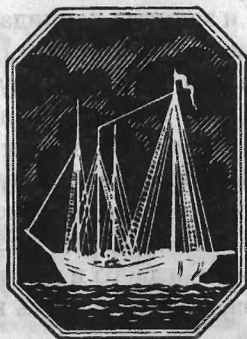
Эта цитата из очерка, опубликованного в книге академика, президента Географического общества СССР Л.С. Берга по истории русских географических открытий. Столь высокая оценка А.И. Бутакова как географа дана после того, как молодой Лев Семенович спустя полвека провел трехлетние географические исследования Аральского моря и убедился в огромном вкладе этого моряка-ученого в изучение все еще малоизвестного озера-моря.

В моей жизни случилось так, что в 1949 г., после окончания аспирантуры в МГУ и защиты кандидатской диссертации я был направлен в Ростовский университет, где наряду с педагогической работой собирался заняться изучением береговой зоны Азовского моря. Однако в значительно разрушенном в Отечественную войну городе меня ожидали тяжелые жилищные условия. Поэтому через три года я вынужден был принять предложение Алма-Атинского педагогического института занять должность заведующего кафедрой физической географии. Там предоставляли жильё. Тогда-то и решил начать изучение берегов Аральского моря, большая часть которых располагается в пределах Казахстана.

Ознакомившись с литературой, я выяснил, что комплексное географическое исследование этого моря было проведено двумя известными учеными – А.И. Бутаковым и Л.С. Бергом. Первому принадлежали опубликованные лишь в 1953 г. «Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне “Константин” для исследования Аральского моря в 1848–1849 гг.», второму – книга “Аральское море. Опыт физико-географической монографии”, вышедшая в свет в 1908 г. Кроме того, я прочел многие их статьи по аральской тематике, все более убеждаясь: эти исследователи своеобразного аридного озера-моря внесли в географическую науку большой вклад не только регионального, но и общегеографического значения. Как выяснилось впоследствии, оба ученых находились у истоков сформировавшейся уже в 70-е годы XX в.

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЛАВАНИЯ
А.И.БУТАКОВА

*по Аральскому морю
в 1848-1849 гг.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

ТАШКЕНТ-1953 г.

Титульный лист книги о плаваниях А.И. Бутакова
по Аральскому морю в 1848-1849 г.

комплексной географии океана (моря), которая впервые выделилась как самостоятельная наука именно в нашей стране.

По завершению экспедиционных береговых исследований Арала в 1954–1956 гг. я в течение нескольких лет вел работу по обобщению собранного материала. Мной написана и опубликована монография “Берега Аральского моря – внутреннего водоема аридной зоны” (1967), в которой подчеркнуто большое значение комплексных исследований А.И. Бутакова и Л.С. Берга для географической науки. До этого в 1957 г. вышла в свет моя статья, посвященная вкладу Алексея Ивановича в изучение берегов озера-моря. Кроме того, совместно с разными авторами был издан ряд публикаций и книг о Л.С. Берге, а также несколько статей о А.И. Бутакове и лишь одно книжное издание с кратким описанием его жизни и деятельности.

По этой причине еще в 90-х годах прошлого века я задумал написать более полную книгу об Алексее Ивановиче Бутакове – морском офицере, гуманисте, ученом-географе и общественном деятеле. Мною были найдены все его научные труды, а также воспоминания об этом человеке в разных, подчас редких изданиях. По мере чтения как литературных источников, так и архивных материалов все более зримо вырисовывался цельный образ замечательного моряка, добросовестно исполнявшего свой долг перед Родиной, морской службой и людьми, с которыми был непосредственно связан – офицерами, унтер-офицерами и матросами.

Я выражаю надежду, что жизнеописание выдающегося географа и патриота вызовет интерес читателя к одному из тех, кем гордились современники, ныне гордятся потомки. Хотелось бы, чтобы среди живущих в нашей морской державе нашлось немало молодых, ищущих свой путь в науке, какой может явиться ныне актуальная морская география. Несомненно, этому будет способствовать ознакомление с жизнью и деятельностью одного из первых в нашей стране ее зачинателей – Алексея Ивановича Бутакова.

Искренне благодарю за помощь, оказанную в работе над рукописью, докторов технических наук А.В. Постникова, Н.Н. Неронова, доктора исторических наук З.К. Соколовскую и кандидата исторических наук В.Г. Смирнова, а за содействие в подготовке текста рукописи к изданию Б.В. Ерохина.

Русские люди должны знать и помнить, что сделано славного предшествующими поколениями, гордиться этим и в свою очередь дать возможность и право потомкам так же относиться и к ним самим.

Ю.М. Шокальский

Введение

Эти слова океанографа с мировым именем полностью относятся к выдающимся морякам-ученым – Алексею Ивановичу Бутакову и Геннадию Ивановичу Невельскому, в середине XIX в. совершившим подвиги ради науки, в частности, ради новых географических открытий на Аральском и Охотском морях. Интересно, что в конце 20-х годов того же века оба почти одновременно поступили в Морской корпус, в один год его блестяще окончили. И тот, и другой совершили в 40-х годах кругосветное путешествие, куда назначались наиболее опытные во флотской службе моряки.

На свой риск, в нарушение установленного по дипломатическим соображениям правительственного запрета на исследования и освоение устьевых областей Аму-Дарьи и Амура, ими открыты и Аральское море с устьями Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, и Татарский пролив между островом Сахалин и материком, в устье Амура создан Николаевский пост. За это Алексей Иванович и Геннадий Иванович подверглись наказанию, но продолжали свое дело, доказав правильность содеянного во имя полезного служения Родине. Недаром посмертная книга Г.И. Невельского названа “Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России (1849–1855 гг.)”, а в некрологе, посвященном А.И. Бутакову, сказано о нем как о морском офицере, достойном народной гордости. Еще не раз жизненные пути этих моряков-ученых пересекутся, о чем будет сказано в дальнейшем.

Алексея Ивановича Бутакова – славного представителя военно-морской династии, служившей нашей стране с XVIII в., великий немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт назвал Магелланом Аральского моря за истинное, по его выражению, открытие в географической науке. Высокая гражданская и научная идейность была привита офицеру прежде всего знаменитыми учителями – директором Морского корпуса И.Ф. Крузенштерном и командиром Кронштадского порта Ф.Ф. Беллинсгау-

зеном, под началом которых он проходил учебу, а затем службу на Балтике.

А.И. Бутаков, отдавший изучению и освоению озера-моря и его рек 15 лет своей жизни и прошедший путь от лейтенанта до контр-адмирала, оставил на Арале светлую память о себе. Его помнил и отданный Николаем I в солдаты украинский поэт и художник Т.Г. Шевченко, которого Алексею Ивановичу удалось взять в Аральскую экспедицию в качестве рисовальщика береговых видов, облегчив тяжелую участь бесправного рядового. За это моряку был вынесен строжайший выговор, за ним установили надзор III отделения, а описание моря по результатам выполненных исследований опубликовали под именем сухопутного офицера – участника той экспедиции. Много хорошего о герое этой книги написано в воспоминаниях товарищей, служивших с ним на Арале и в Приаральском крае. Остался ученый и в памяти казахов, с которыми поддерживал дружеские отношения. Чтобы общаться с ними и оказывать помощь местному населению, он изучил казахский язык.

На формирование высоконравственной личности А.И. Бутова оказала немалое влияние семья, что видно, в частности, из его переписки с родителями, братьями и сестрами. О подробностях плаваний, интересных отцу адмиралу Ивану Николаевичу, Алексей Иванович пространно сообщает в письмах к родителям. Как старший среди братьев часто дает им советы – четверо младших Бутовых один за другим вслед за ним оканчивали Морской корпус. Наиболее близок старший брат был с Григорием, с которым поддерживал регулярную переписку, в особенности в период Крымской войны. В ряду других научных вопросов они обсуждали применение во флоте пароводов, чему оба уделяли первостепенное значение. Неудивительно, что именно А.И. Бутаков выдвинул идею создания Аральского пароходства и впоследствии реализовал ее.

Научным устремлениям офицера-ученого способствовали тесные связи с Русским географическим обществом, одним из старейших членов которого он являлся. За исключительные заслуги перед наукой Алексея Ивановича включили в состав Совета этого общества. Кроме того, он был избран почетным членом Берлинского географического общества, награжден медалью Королевского географического общества (Великобритания).

Таким образом, Алексей Иванович Бутаков приобрел всероссийскую и всемирную известность как исследователь дотоле неизвестного цивилизованным странам Аральского моря. О том, как это было достигнуто, – наш последующий рассказ.

Родословная

Историю рода Бутаковых можно проследить на протяжении почти двухсот лет. Согласно “Общему морскому списку” (т. 3, СПб, 1890) эта морская династия берет начало в 80-х годах XVIII в. По справке Костромского дворянского собрания ее родоначальник – корнет Николай Дмитриевич Бутаков. В 1785 г. он отправляет на учебу в Морской кадетский корпус двух старших сыновей Григория и Ивана, а через десять лет и младшего Александра. Трудно сказать, почему армейский офицер избрал для них данную стезю. Возможно, на этом настояли сами старшие дети, а младший пошел по их пути. В окружающих небольших поместьях родились и выросли многие видные морские деятели. Среди местных дворян были и представители известного морского рода Невельских, родоначальник которого служил еще у Петра I боцманом на флоте.

В том же томе “Общего морского списка” можно прочесть, что в свое время братья Бутаковы успешно закончили Морской корпус с последующим производством в первый офицерский чин мичмана, а завершили службу в разных званиях: Григорий Николаевич – капитан 2-го ранга, Александр Николаевич – генерал-майор, Иван Николаевич – вице-адмирал. Все они прошли суровую службу на морях Европейского континента.

Раньше других был уволен со службы Григорий Николаевич (1811 г.), не оставивший потомков. Морскую династию продолжили Александр Николаевич и Иван Николаевич. Их сыновья, внуки и правнуки служили России на морском флоте, а некоторые из них и на военно-морских кораблях СССР. Большинство стали адмиралами и капитанами 1-го ранга, занимали высокие флотские должности и прославили свой род в различных областях морского дела.

В энциклопедических словарях XIX–XX вв. встречаются три имени: Александр Николаевич, Алексей Иванович и Григорий Иванович Бутаковы – дядя и два племянника. Как сказано в

известной сводке С.А. Венгерова (“Источники словаря русских писателей”, т. 1, 1900) Александр Николаевич стал первым в роду морским писателем. Среди его сочинений наиболее известен англо-французско-русский “Словарь морских слов и речений” (1837). С.А. Венгеров называет также основные произведения Алексея Ивановича и Григория Ивановича, посвященные важным морским проблемам (в частности, книгу Г.И. Бутакова “Новые основания паровой тактики”, 1863).

В этой морской династии самое многочисленное потомство оставил Иван Николаевич, проживший более 90 лет. Из десяти его детей пять сыновей: Алексей, Григорий, Иван, Дмитрий, Владимир служили на флоте (шестой сын Константин умер еще в детстве). Все они, исключая Дмитрия, погибшего лейтенантом в Крымскую войну, стали адмиралами. В 1829 г. Иван Николаевич первым в династии был произведен в чин контр-адмирала. За его плечами более трех десятков морских компаний.

Начало суровой морской службы этого мужественного офицера относится к 1790 г., когда еще гардемарин (кадетом-старшекурсником) он принял участие в Красногорском и Выборгском сражениях со шведским флотом на Балтике. В 1792-ом, получив звание мичмана, Иван Николаевич направляется в плавание из Кронштадта в Архангельск, и обратно. Лейтенантом с 1795 г. на протяжении десяти лет снова служит на Балтике. В 1805-ом совершает переход из Кронштадта в Средиземное море (к острову Корфу). В течение десяти лет здесь несет боевую службу, сражаясь с французами и турками, командуя бригам.

В 1811 г., став капитан-лейтенантом, И.Н. Бутаков возвращается на Балтийское море и вскоре женится на дочери артиллерийского подполковника Каролине Карловне. Она не принесла с приданным крепостных крестьян, а за самим Иваном Николаевичем числилось 20 душ в Костромской губернии. До 1828 г. он успешно служит в Кронштадте и Риге, командуя фрегатом. В этот период за отличную службу ему были присвоены воинские звания капитана 2-го, а затем и 1-го рангов. Может быть так и остался бы офицер до конца своей службы капитаном, но его фрегат в составе эскадры контр-адмирала П.И. Рикорда направляется на театр военных действий с турками на остров Мальту в Средиземное море. Здесь И.Н. Бутаков блестяще проявляет себя в морских сражениях как командир и на следующий год становится контр-адмиралом, затем принимает командование Дунайской флотилией. С тех пор до самой отставки в чине вице-адмирала в 1848 г. служит на Черном море. Командовавший много лет Черноморским флотом прославленный адмирал М.П. Лазарев высоко

ценил Ивана Николаевича как морского офицера, близкого по духу, по праздникам бывал в семье Бутаковых, о чем известно из писем родителей к детям.

Михаил Петрович, в славном прошлом командир шлюпа “Мирный” в экспедиции Беллинсгаузена к неизвестному тогда материке Антарктиде, впоследствии будучи командующим Черноморским флотом воспитал немало образцовых офицеров, выделявшихся отличным знанием морского дела и высоким гуманизмом в отношениях с подчиненными. Эти качества Иван Николаевич Бутаков старался привить своим сыновьям, которых часто брал с собой в плавания по Балтийскому и Черному морьям. Много раз побывал в походах с отцом и первенец Алексей, а потом и Григорий и младшие братья. Любовь к морской стихии и привела мальчиков к учебе в Морском корпусе, сделав их превосходными офицерами. Алексей и Григорий вошли в ряд выдающихся морских деятелей России, прославивших Родину и за ее пределами.

В большой семье Бутаковых царил нежная любовь между родителями и детьми. В письмах к сыновьям и дочерям отец и мать до последних дней своей долгой жизни мало говорили о собственном здоровье, больше беспокоясь об их делах. Сообщали новости, иногда пересылали письма, полученные от одного члена семьи, к другому. Каждый год в Николаеве они ждали детей в отпуск, но планы часто не сбывались из-за непоседливой морской жизни. Иван Николаевич и Каролина Карловна тяжело перенесли смерть сыновей Константина и Дмитрия, а позднее, когда не стало отца, мать пережила новое горе: скончались еще двое детей – Анна в 1868 г., а Алексей в 1869 г.

Сыновья и дочери заботились о престарелых родителях, регулярно и обычно подробно сообщали о своих подчас нелегких делах. Так, в послании Алексея Ивановича от 3 января 1859 г. после поздравления с Новым годом и пожелания здоровья, веселья и счастья во всех деталях описывается проведенная летняя компания 1859 г. На 12 листах обстоятельно рассказывается о плавании на паровых судах по Аральскому морю и Аму-Дарье с приключениями на реке, находившейся тогда во владении хивинского хана. В семье Бутаковых старший среди сыновей выделялся своим юмором, прорывающимся в этом письме: “Ух!!!! – вот Вам длинная повесть, которую я давно собирался написать да все было некогда”¹.

---

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (Далее РГАВМФ). Фонд 4. Опись 1. Ег. тр. 18. Листы 1–12.

Братья и сестры переписывались, интересуясь жизненными перипетиями друг друга. Оживленным было общение старших братьев; которые делились сокровенными мыслями. Молодой мичман Григорий Бутаков пишет Алексею – новоиспеченному лейтенанту – 23 сентября 1838 г. из Одессы, что побывал в Николаеве у родителей, они живут в достатке. Сообщает о своей бурной морской жизни. В последующие годы он постоянно держит брата в курсе флотских событий. В свою очередь, в бытность в Приаральском крае в письме от 10 октября 1856 г. Алексей пишет ему: “я менее всего когда-нибудь помышлял о том, чтобы оставить здешний край..., когда мысль начала осуществляться, – и вдруг брошу все Бог знает зачем... от кого ты слышал о моем предполагаемом возвращении?”²

Обширную семейную переписку с братьями вела сестра Александра. Она сообщала им николаевские новости, пересказывала главные события, о которых писали в родной дом члены их большой семьи. Много в письмах Александры говорится о старшем брате, его успехах и бедах. В 1843 г. в одном из посланий к Григорию она рассказала о том, что на Пасху в гости приходил адмирал М.П. Лазарев, поддерживающий дружбу с их отцом Иваном Николаевичем. В другом выражала беспокойство об осложнившемся после возвращения из кругосветного плавания положении Алексея: начальство было недовольно тем, что он обвинил командира судна в казнокрадстве. В третьем письме спрашивала, каким образом достать журнал “Отечественные записки” со статьей Лели, как ласково звали родные старшего из сыновей Бутаковых.

В такой дружной морской семье складывался характер человека, которым гордились родители, братья и сестры.

---

² Там же.

В морском корпусе¹

Родившись 7 (19) февраля 1816 г. в Кронштадте, до 11-летнего возраста Алексей Бутаков рос в семейном кругу. О его детстве мало сведений. Известно, что морскому воспитанию своего первенца отец уделял большое внимание, для чего брал с собой в походы. Иван Николаевич приучал мальчика к морской стихии, повседневной жизни на палубе военного корабля. Еще тогда Алексей проникся уважением к тяжелому труду матросов, видел как споро они работали под началом его отца – знающего и справедливого командира. Мальчик все больше понимал: его жизненным призванием должна стать беспокойная, но интересная морская служба. Осознавал также, что нужно много трудиться, чтобы овладеть знаниями и стать похожим на своего отца – “просвещенного моряка в высшей степени” (по тогдашней аттестации). Благо природа наградила Алешу крепким физическим здоровьем. С нетерпением он ждал того времени, когда поступит в Морской кадетский корпус.

Это памятное событие произошло 7 ноября 1827 г. по приказу о зачислении Алексея Бутакова в кадеты, подписанному новым директором старейшего морского учебного заведения И.Ф. Крузенштерном. С его именем связана коренная перестройка обучения кадетов, начавшаяся в 1827 г. сразу же после прихода к руководству Морским корпусом прославленного адмирала – первого кругосветного мореплавателя нашей Родины. В многочисленных воспоминаниях бывших воспитанников рассказывается о новых веяниях. Н.А. Энгельгардт, спустя много лет пишет в журнале “Русская старина”: “Во всех отношениях этому знаменитому моряку и директору корпуса принадлежит честь довести корпус до того состояния, в котором он вскоре и оказался, как по наукам, так и по гуманному обращению с кадетами; наши желчные и суровые начальники вдруг испарились более десяти чело-

---

¹ Энгельгардт Н.А. Морской кадетский корпус/ 1822–1829 гг. С. 377.

век из них были переведены во флот”. О том же говорит в своих мемуарах М. Пещуров: “Ученая, гуманнейшая, высокая личность почтенного директора корпуса И.Ф. Крузенштерна имела громадное влияние на воспитанников; перед ним почти все остальные наши воспитатели стушевывались”. Но он же далее отмечает, что “Обучение фронту отнимало много времени и едва ли принесло какую-нибудь пользу”².

Эту ежедневную муштровку, которую в 1825 г. ввел Николай I через несколько месяцев после своего воцарения кадеты называли шагистикой. Он часто посещал Морской корпус, устраивал строевые смотры. На повседневных строевых учениях старшие кадеты усердно избивали подчиненных. Однако с разгулом применения розг по назначению офицеров было покончено при Иване Федоровиче Крузенштерне. В николаевское время нельзя было отменить полностью телесные наказания, поэтому розги применялись в крайнем случае и только с разрешения директора.

В один из фронтовых смотров царь остался недоволен строевой подготовкой и распорядился отменить все учебные занятия, чтобы кадеты целыми днями отработывали строевые приемы. Алексею Бутакову, как и многим другим воспитанникам, запомнился приезд Николая I в Морской корпус в 1829 г. после окончания войны с турками. В ней особенно себя проявили моряки, о чем лестно отзывался император. Бутаков I-й (так называли Ивана Николаевича на флоте) отличился в этой войне и удостоился адмиральского звания, что еще больше вдохновило его сына на особое усердие в освоении морского дела.

Интенсивные учебные занятия по 8 часов (с трехчасовым послеобеденным перерывом) проводились в 1–3-х кадетских ротах (по классам), в 4-й гардемаринской роте (выпускной) и 5-й резервной (самые младшие). В начале кадеты изучали закон Божий, физику и математику (арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию), словесность и историю, географию и артиллерию, а уже став гардемаринами – основы кораблестроения, навигацию, мореходную астрономию, кораблевождение, морскую съемку и морскую геодезию. Для будущих моряков особенно важны математические дисциплины, которым уделялось большое внимание.

Недаром многие однокашники Алексея Бутакова вспоминают в своих заметках о превосходном преподавателе математики Иване Васильевиче Кузнецове, имя которого не забыто его прежними учениками, занявшими впоследствии высокие должности во флотской иерархии. Любящим душой и сердцем, несмотря на

---

² Пещуров М. Очерк моей жизни. С. 29.

внешнюю суровость, знали своего инспектора классов капитана I-го ранга Марка Филипповича Горковенко. К этому времени он проработал воспитателем в Морском корпусе более четверти века, особое внимание в преподавании уделяя математике. По его мнению, она способствует развитию умственных способностей и поэтому является основанием морских наук. При участии М.Ф. Горковенко был составлен элементарный учебник математики, который на протяжении многих лет использовался учащимися Морского корпуса.

Летом кадеты отправлялись на каникулы, а гардемарины в плавание для прохождения практики на судах Балтийского флота. Поэтому производство в гардемарины, которым через год при успешной учебе после сдачи выпускных экзаменов присваивался офицерский чин мичмана, считалось началом морской карьеры. Приказ И.Ф. Крузенштерна о производстве Алексея Бутакова, достигшего хороших результатов в учебе, отличившегося похвальным поведением и знанием фрунтовой службы, в гардемарины, был издан 21 марта 1831 г. В этом же году гардемаринном стал и его товарищ по классу Геннадий Невельской, блестяще закончивший курс подготовки в кадетском корпусе.

Летом 1831 г. Алексей и Геннадий вместе с сокурсниками проходили практику на боевом корабле “Великий князь Михаил”. За трехмесячное плавание по Балтике Бутаков многому научился, участвуя в учениях флота; посетил также Ревель (Таллинн) и Либаву (Лиепая). Морская практика позволила освоить основные приемы проведения астрономических наблюдений, морской описи, судовождения, ведения артиллерийского огня. Летом 1832 г. для закрепления полученных навыков гардемаринны прошли последнюю практику. На этот раз Алексей оказался на фрегате “Беллона” – образцовом судне Балтийского флота. Здесь он многому научился у превосходно знающих морское дело офицеров. Это плавание запомнилось как одна из лучших летних компаний. Через четыре года на тот же фрегат получил назначение для прохождения офицерской службы Геннадий Невельской. У него также остались приятные воспоминания о плаваниях.

Год гардемарины усиленно изучали морские науки, уделяя много времени овладению иностранными языками – английским и французским. Юноши знали: в самом конце 1832 г. состоятся публичные выпускные экзамены, выдержав которые они станут морскими офицерами. Известно было и то, что лучших на три года оставят в Морском корпусе для дальнейшей учебы в Офицерском классе. В 1829 г. И.Ф. Крузенштерн открыл его, чтобы под-

нять уровень морских научных знаний и готовить преподавателей для старейшего учебного заведения.

Выпускные экзамены проходили в течение 10 первых дней декабря 1832 г., а 21-го числа гардемарины официально были произведены в мичманы. Бутаков получил распределение в 15-й, а Невельской в 27-й флотский экипаж с зачислением в офицерский класс. Туда они попали потому, что оказались в первой десятке из 68 выпускников, по сумме баллов заняв 4-е (Невельской) и 8-е (Бутаков) места. В приказе, где названы фамилии десяти лучших воспитанников, Иван Федорович подчеркивает: “По отличной их нравственности, по наукам, по знанию их иностранных языков и особенно по примеченной в них страсти к усовершенствованию себя в высших науках они подают несомненную надежду, что окажутся сего отличия весьма достойными...”. В научно-биографической книге А.И. Алексеева о Г.И. Невельском (1984) отмечается, что И.Ф. Крузенштерн не совершил ошибки, ибо “все избранные стали адмиралами флота, учеными, а двое – Г.И. Невельской и А.И. Бутаков – прославили Родину своими географическими открытиями”³.

Встретившись с родными, после первого мичманского отпуска Алексей Бутаков вместе со слушателями Офицерского класса начал постигать высшую морскую науку. По-прежнему занятия велись в стенах Морского корпуса на Васильевском острове, где сейчас находится Морской корпус им. Петра Великого. Новоиспеченные мичманы усердно занимались углубленным познанием общеобразовательных и теоретических дисциплин, основы которых им преподавали ранее. При этом в связи с изучением предметов морского дела математическим дисциплинам уделялось особое внимание. Перед слушателями выступали с лекциями известные академики М.В. Остроградский (математическая физика), В.Я. Буняковский (механика), П.В. Тарханов (астрономия), а также будущий академик, тогда молодой профессор Н.Г. Устрялов (история). Наряду с расширенным изучением теории кораблестроения, гидрографии, артиллерии, фортификации с мичманами занимались высшей математикой, химией, физической географией, русской литературой.

Летом молодые офицеры плавали на судах Балтийского флота, представляя отчет о выполнении намеченного объема практических работ. В период трехлетнего обучения в Офицерском классе Алексей Бутаков побывал на нескольких судах. Особенно ему запомнилось крейсирование по Балтике в 1835 г. на корвете

---

³ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. С. 33.

“Львица”, офицерский состав которого выделялся морской образованностью и высокой общей культурой. В плаваниях отрабатывались приемы ведения артиллерийской стрельбы и управления кораблем, а на последней практике – навыки морской описи и съемки.

Наконец, 28 марта 1836 г., успешно выдержав трудные экзамены, Бутаков оканчивает Офицерский класс и по распределению направляется нести морскую службу на полюбившийся корвет “Львица”. Перед началом летней компании юношу ждал отпуск в родительской семье, среди меньших братьев и сестер. Все гордились Алексеем радовались его приезду.

Начало службы на Балтике. Тяга к науке

На “Львице” офицеры приняли Бутакова радушно, уже зная его как любознательного и усердного моряка, близкого им по своим гуманистическим взглядам. На одном из образцовых судов флота проходила его морская служба в летние компании 1836 и 1837 гг. – корвет крейсировал по Балтийскому морю, Финскому и Ботническому заливам.¹ В послании к родителям из Кронштадта (от 25 ноября 1837 г.) Алексей Иванович Бутаков пишет: “Несмотря на одну звезду (положенную мичману – *В.Л.*), блестящую на моих эполетах, мною в 1836 году приходилось отправлять бумаги с великолепной подписью: за отсутствием командира корвета “Львица” Ваш покорный сын. Все же лучше быть лейтенантом: и денег, да и как-то и важности больше (лейтенантской важности???)”². Видно, что юмор не покидает его в годы нелегкой, довольно однообразной службы на Балтийском море с зимовками в Кронштадте, где главным командиром порта был выдающийся мореплаватель Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен.

В Российском государственном архиве ВМФ имеется несколько писем к родителям, в которых Алексей Иванович описывает времяпровождение зимой в довольно изолированных условиях Кронштадта 1837–1838 г. Военные моряки жили большой дружной семьей, по воскресеньям ее объединяющим центром становился дом адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, где любезнейшей хозяйкой была его жена Анна Дмитриевна. Бутаков сообщает, что на балу у главного командира она вспомнила Алексея Ивановича еще маленьким мальчиком. Как и многие сослуживцы, он посещал клуб и библиотеку, двери которых были всегда открыты, поэтому скучать не приходилось. Офицеры мечтали о дальних морских вояжах, но заграничные плавания тогда были нечасты.

---

¹ Лишь в компании 1835 года Бутаков выполнял мичманские обязанности подвахтенного офицера у лейтенанта, который правил вахту на корвете.

² РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ег. тp. 82.

А.С. Горковенко (1876), вспоминает почти через тридцать лет: “Чтобы попасть на эти суда нужно было пользоваться исключительной протекцией и даже репутация отличного моряка давала только надежду на звание старшего офицера”³.

На летнюю кампанию 1838 г. А.И. Бутаков назначается на так называемый “придворный” фрегат “Кастор”. В пространном письме родителям от 28 сентября 1838 г. он повествует о заграничном ближнем плавании с 11-летним главой русского флота – генерал-адмиралом Константином, сыном Николая I. Фрегат побывал в Свенемюде и Копенгагене. Фактически управлял флотом начальник Главного морского штаба “светлейший” князь А.С. Меншиков, не имевший морского образования. Отечественные военно-морские силы начали заметно отставать от английских и некоторых других, где парусные суда постепенно заменялись паровыми. Это не могло не волновать передовых русских моряков и Бутакова, в частности. В совершенстве овладев английским, французским и немецким языками, он читал современную иностранную литературу и решил, что надо добиваться скорейшего перевода на один из первых на Балтике пароходо-фрегатов “Богатырь”.

Эти планы он обсуждает в переписке с братом Григорием, который в 1837 г. мичманом окончил Морской корпус и был направлен на появившийся на Черноморском флоте пароход “Северная звезда”. В послании к родным от 28 сентября 1838 г. старший из сыновей сообщает некоторые подробности своей жизни. С восторгом описывает поездку по только что построенной железной дороге из Петербурга в Павловск, где было все: музыка, фейерверк, шампанское. Для трех номеров журнала “Сын отечества” 1838 г. он перевел с английского языка ряд статей на различную тематику – об испанском театре, путешествии по Нигеру, открытии Америки норманами. Говорит, что очень хочет побывать дома в Николаеве.

В письме из Кронштадта поздравляя родных с Новым 1839 годом А.И. Бутаков сообщает, что и его желание исполнилось – он назначен на пароход “Богатырь” для прохождения очередной летней компании. Рассказывает о новых знакомствах, в частности, с семейством кругозветного мореплавателя контр-адмирала Андрея Петровича Лазарева – брата близкого семейству Бутаковых знаменитого Михаила Петровича Лазарева. Однако отмечает, что у этих людей бывает изредка: трудно выбраться в столицу, хотя очень хочется посетить театр и т.п. В “скромном своем

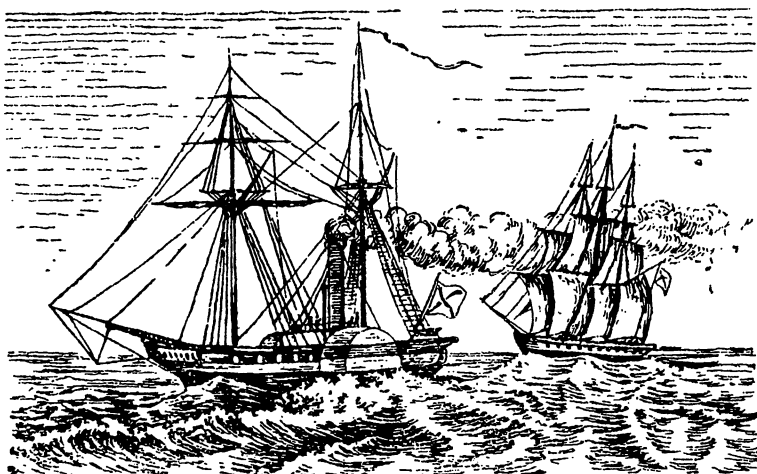
³ Горковенко А. С. Взгляд на прошедшее. С. 8.

Кронштадте” зимой усиленно занимается итальянским языком и продолжает писать статьи для “Сына отечества”.

В летнюю кампанию 1839 г. Алексей Иванович служил вахтенным офицером на пароходе-фрегате “Богатырь” и снова оказался на “придворном” судне: возили из Кронштадта наследника престола Александра в Пруссию (Свенемюнде). Затем побывали в портах Финского и Рижского заливов. В очередном письме родителям, как всегда на нескольких листах, описываются различные события, связанные с великокняжеским плаванием (о награждении офицеров червонцами и т. д.). Главным для офицера было то, что удалось освоить особенности морской службы на паровом судне. Это пригодилось впоследствии при создании Аральского пароходства.

Следующую зиму Бутаков проводит особенно активно. Сбылась его мечта – мечта всех морских офицеров: в самом начале 1840 г. Алексея Ивановича назначили старшим лейтенантом, т. е. старшим офицером (старшим помощником капитана судна в современном понимании). Несомненно, выбор его кандидатуры на столь ответственную на судне должность был не случаен. Как великолепного офицера этого человека знали авторитетные в столице адмиралы – И.Ф. Крузенштерн, Ф.Ф. Беллинсгаузен, А.П. Лазарев, с мнением которых считались в Морском министерстве. Однако на должность командира “Або” начальник Главного морского штаба А.С. Меншиков назначил капитан-лейтенанта А.Л. Юнкера, слабо подготовленного для кругосветного плавания и имевшего, как выяснилось, склонность транжирить казенные деньги.

“Командир”, который должен был в Кронштадте заниматься подготовкой судна к двухлетнему плаванию, оставался в Петербурге, где на экипажные деньги весело проводил время. Двойную работу за него и за старшего офицера пришлось выполнять Бутакову. А так как Алексей Иванович поставил себе задачу провести в “кругосветке” как можно больше научных наблюдений, то его рабочий день был перегружен до крайности. Весьма аккуратный в переписке с родителями сын долго не писал им по этой причине. Он просит за это прощения в послании от 21 января 1840 г., сообщая, что идет старшим лейтенантом в кругосветное путешествие. Рассказывает много интересного о том, чем приходится заниматься в связи с подготовкой длительного заграничного вояжа. Пишет, что ложится спать в 3 часа ночи, а то и позднее, поэтому встает в 11 часов. Принялся за изучение португальского языка, но дело застопорилось, так как во всем Петербурге нет соответствующего словаря, пришлось выписывать из-за границы.

Транспорт “Або” на заднем плане, перед ним пароходо-фрегат
“Геркулес”

Главная забота А.И. Бутакова связана с подготовкой к проведению в предстоящем плавании магнитных и барометрических наблюдений, а также вероятной описи островов в Тихом океане. Там сравнительно недавно русскими кругосветными экспедициями, в частности, Ф.П. Литке были открыты и нанесены на карты десятки неизвестных европейцам островов. По ночам офицер изучает теорию магнетизма и барометрических измерений. Днем же посещает обсерваторию Академии Наук, чтобы учиться у знаменитых академиком-физиков А.Я. Купфера и Э.Х. Ленца практике магнитных и барометрических наблюдений.

До самого начала сентября 1840 г. он, занимаясь наукой, одновременно обеспечивает снаряжение транспорта “Або” всем необходимым. Этим непосредственно был озадачен экипаж (кроме капитана-лейтенанта А.Л. Юнкера) в составе 83 человек: 8 офицеров, 13 унтер-офицеров и 62 матросов. Ближайшие помощники старшего офицера Бутакова – вахтенные лейтенанты – П.Н. Бессарабский, одного с ним выпуска из Морского корпуса, и П.Я. Шкот, который окончил это учебное заведение двумя годами позже. Офицеры уже тогда понимали, что кругосветное плавание с таким безответственным командиром, при всем их старании вряд ли будет благополучным. Об этом вспоминает в своих мемуарах, опубликованных в 1886 г., будучи уже вице-адмиралом П.Я. Шкот. А ведь пессимизм ему был несвойственен: все знавшие Павла Яковлевича отзывались о нем как о приветливом

человеке, обладавшем необыкновенно веселым нравом. О своих товарищах Алексей Иванович писал впоследствии брату Григорию, что “общество офицеров было у нас прекрасное – никаких раздоров в продолжении двух лет плавания”.

Приходится удивляться, что при ограниченной цели похода на “Або” – транспортировке грузов из Кронштадта в Петропавловск – Бутаков не только сделал все от него зависящее по подготовке транспорта к отплытию, но и усиленно готовился к проведению научных наблюдений, что называется и ночью, и днем. Тяга к географии стала проявляться еще в Морском корпусе, когда он с увлечением читал книги знаменитых отечественных и зарубежных мореплавателей, широко используя при этом иностранную литературу. Несомненно, этому интересу способствовало освоение нескольких языков, а также переводы с английского, в основном географического содержания. Устремленность офицера к научным наблюдениям поддерживало и желание принести пользу отечественной науке.

В кругосветном плавании. Первые научные наблюдения

Долгожданное отплытие из Кронштадта состоялось 2 сентября 1840 г. Спущенному с финляндской верфи на воду в самом начале года “Або”, военному транспорту в 800 тонн водоизмещением предстояло преодолеть огромный путь через Атлантический, Индийский, Тихий и снова Атлантический океаны, минуя зачастую печально известные морякам мысы – Доброй Надежды в Африке и Горн в Южной Америке. Представление об экспедиции можно получить по краткому отчету А.И. Бутакова, помещенному в “Записках гидрографического департамента”. Подробное научно-художественное описание путешествия было опубликовано автором в 1843–1844 гг. в “Отечественных записках”. Позднее о плавании кратко рассказал по судовому журналу “Або” Н.А. Ивашинцов в “Русских кругосветных путешествиях” (Записки гидрографического департамента). В “Полном послужном списке” А.И. Бутакова, об этом периоде его жизни лишь сказано: “При отправлении в кругосветную экспедицию Всемилостивейше награжден единовременным годовым окладом жалованья” (как делалось тогда при отправлении в плавание вокруг света)¹.

Экипаж расстался с родными берегами 5 сентября – после того, как подняли якорь на Малом Кронштадском рейде. За десять дней медленно пересекли Балтийское море и 15 сентября прибыли в Копенгаген. Из-за противных ветров берега Дании покинули лишь 1 октября, направившись через Северное море в Англию, которой достигли 11 октября. Здесь экспедиция осталась на месяц, при этом 1 ноября судно выдержало страшный шторм на Портсмутском рейде. Наконец-то завершили подготовку к довольно длительному переходу по Атлантике. Командир не торопился: прекрасно проводил время на берегу, тратя на свои удовольствия экипажные деньги. 13 ноября транспорт “Або” поки-

---

¹ РГАВМФ. Ф 406. Оп. 3. Ег. хр. 6.

нул Плимут в направлении губы Столовой у мыса Доброй Надежды. При спокойной погоде в конце ноября по пути зашли на несколько дней на остров Тенериф, тропическая природа которого покорила путешественников.

В «Отечественных записках» Алексей Иванович дает описание местами значительно измененной природы Тенерифа, его испанского населения, сообщает о племени гуанчей, истребленных к тому времени. «Хорош Божий мир!» – восклицает он, – Но отчего же человеку непременно надобно обращаться в ад места, где богатая и щедрая природа дает ему все»². Зная итальянский язык и используя его близость к испанскому, имеющему латинскую основу, Бутаков добавляет, что говорил по-испански. Это помогло установить контакты с местным населением.

Следующие два месяца прошли в Атлантике. Офицер-ученый красочно описывает ее величественные воды благородного темно-синего цвета, так заметно отличающиеся от зеленоватых Балтийских. 21 декабря пересекли экватор и великолепно провели праздник Нептуна. Старший лейтенант с офицерами помогли команде отметить его весело. Заранее готовились сказочные костюмы, выучивались торжественные речи, репетировался ход праздника. Прошло только три с половиной месяца после выхода транспорта из Кронштадта, впереди были динга, нехватка воды и пищи, смерть многих из веселящихся матросов.

Истекли два месяца непрерывного после Тенерифа плавания в Атлантике. 23 января 1841 г. около полудня раздался крик марсового о том, что виден берег. Вот как живописует об этом событии Бутаков: «Какая живительная гармония заключается для моряка в двух простых словах, после длинного перехода! Скука и однообразие двухмесячного плавания забыты; лица сияют радостью, все взоры устремляются на далекий, едва заметно в тумане обрисовывающийся берег; воображение украшает его всеми возможными прелестями; свежая пища, зелень, фрукты...»³. На следующий день бросили якорь в Столовой губе. Здесь у Капштата для проведения ремонтных работ судно простояло с 24 января до 18 февраля 1841 г.

Алексей Иванович находит время для экскурсий по городу, ближним и дальним окрестностям, обычно вместе с лейтенантом

---

² Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах (далее Записки русского морского офицера). Том XXIII. Отдел II. С. 4.

³ Бутаков А.И. «Записки русского морского офицера»... Том. XXIII. Раздел II. С. 11.

Бессарабским, “неизменным спутником в береговых крейсерствах”, давним его товарищем в юности. В Капштате он познакомился с известным во всем мире ботаником Лудвигом, оценивая это событие как “самое драгоценное мое знакомство в Капе, оставившее во мне глубокое впечатление... я никогда не забуду его умной, оживленной необыкновенным добродушием и занимательной беседы, которой я обязан многими любопытными сведениями о Южной Америке и состоянии колонии”. Впоследствии он часто гостил у ученого и посещал созданный им ботанический сад, известный в Европе.

Продолжая свои публикации о пребывании в Столовой губе в тех же “Отечественных записках”, Бутаков вкратце описывает особенности климата и почв, а также состояние торговли Капской колонии, основанной голландцами в середине XVII в. и завоеванной англичанами в начале XIX в. Он рассказывает о враждебных отношениях между ними; приводит основные данные о народах, живущих вне колонии. Офицера интересует злободневная проблема торговли неграми, перевозимыми в основном в Бразилию для невольнической работы на плантациях. В это время у мыса Доброй Надежды базировались быстроходные корабли, ведущие борьбу с работорговлей. С сочувствием к неграм и презрением к их владельцам описывает А.И. Бутаков случай, который наблюдал. В Капштат вернулся английский корабль с захваченным большим португальским судном, на котором находились 130 негров-невольников. Значительно больше их было выброшено за борт по приказанию капитана-работорговца, чтобы задержать преследующий корабль, экипаж которого пытался спасти негров. Многие рабы утонули или были съедены акулами.

В течение второй половины февраля и почти до конца марта 1841 г. “Або” преодолевал водное пространство Индийского океана. В ночь с 30-го на 31-е марта, в районе островов Св. Павла и Новый Амстердам, судно настиг ураган страшной силы, который продолжался до утра. В шканечном (судовом) журнале об этом было записано: “Во время самого урагана был сильный, почти параллельный дождь с беспрестанной грозой; но ударов грома, от жесткого шума и свиста, слышно не было”. За несколько часов были изодраны и превращены в лохмотья паруса, невероятно перепутаны снасти, обломан деревянный рангоут, несущий паруса; десятивесельный катер разломан. “Рассвет показал вполне бедственное состояние транспорта. Хаос и путаница были невероятны”⁴, отметит А.И. Бутаков в “Записках гидрографического де-

---

⁴ Бутаков А.И. «Описание плавания военного транспорта “Або” вокруг света». С. 172.

партамента”. Моряки приложили героические усилия и за пять суток устранили наиболее опасные повреждения.

После этой ночи “Або” проплыл по Индийскому океану более трех недель, 26 апреля достигнув расположенных к западу от Малаккского пролива Никобарских островов. Судно стало на якорь на рейде острова Нанкаури. Здесь две недели занимались ремонтными работами. В девственном тропическом лесу заготовили из мачтовых деревьев части нового рангоута. Срубленные деревья трудно было перетащить к берегу. В густой лесной чаще приходилось прокладывать просеки, тратя много сил и времени. Работа велась в условиях сырого и душного лесного воздуха, перемешанного с гнилыми испарениями. Алексей Иванович описывает никобарские леса, их состав, а также местные климатические особенности. По собственным промерам характеризует распределение глубин на рейде острова Нанкаури.

Много внимания он уделит этнографическим наблюдениям, в особенности связанным с жилищами, бытом никобарцев и описанием типа их лица (преобладает малайский тип). Вначале островитяне относились к морякам настороженно, что имело свои причины. В тех же “Записках гидрографического департамента” Алексей Иванович с возмущением описывает трагические события, произошедшие здесь за два месяца до прихода транспорта. Тогда на острова прибыло английское китобойное судно, вооруженная команда которого разграбила несколько деревень, напала на жен и дочерей местных жителей. До этого кроткие по своей природе никобарцы на следующий день совершили налет на корабль и перебили многих китобоев. Лишь часть экипажа сумела ускользнуть от расправы и на шлюпке добралась до Малакки. В отместку английский губернатор послал на Никобары военный бриг, подвергший прибрежные деревни артиллерийскому обстрелу и разрушивший их. Команда “Або” своим радушием расположила к себе местных жителей, которые зачастую на транспорт для обмена даров тропической природы на различные промышленные изделия.

10 мая судно покинуло рейд острова Нанкаури и направилось на восток, ко входу в Малаккский пролив. По пути на пять дней зашли на остров Пуло-Пенанг с небольшой английской крепостью Джорджтаун, оттуда двинулись в Сингапур, куда и прибыли 2 июня. Три недели перехода между Никобарскими островами и Сингапуром стали началом массовых заболеваний тропической малярией, умерли первые 5 человек.

В очерке “Записок гидрографического департамента” этому этапу экспедиции А.И. Бутаковым отведено несколько страниц, в

“Отечественных записках” свыше 40. Несмотря на то, что на Пуло-Пенанге находились всего несколько дней, Алексею Ивановичу удалось совершить несколько экскурсий по городу и окрестностям, искупаться в водопаде, понаблюдать за жизнью населения, познакомиться с обычаями. Автор сообщает, что остров считается первым в мире по необыкновенным природным богатствам. До колонизации англичанами Малакки и Сингапура он являлся центром торговли между Индией и Китаем. Путешественник подробно описывает эти богатства (мускатный орех, корица, гвоздика, перец, кокосы, индиго, кофе и др.).

Пленяет его научно-художественная манера изложения, вероятно, поэтому путевые очерки помещены в журнальном разделе “Наука и художества”. Недаром В.Г. Белинский в критическом обзоре “Русская литература за 1843 год” отметил: “Из замечательных статей учебно-беллетристических в прошлых годах журналов следующие: в “Отечественных записках”... Пуло-Пенанг, Сингапур и Манила (из записок русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840 году А.И. Бутакова)”⁵.

О научно-художественном содержании текста можно судить хотя бы по такому отрывку: “Ночь была лунная... часов около десяти небо начало подергиваться самыми зловещими тучами, и вскоре набежал довольно сильный шквал. Вся поверхность воды заискрилась зеленоватым фосфорическим светом, и на ней верхушки волн горели яркими, движущимися полосами белого огня. Волшебное освещение казалось тем сильнее, что небо было совершенно черно, и суда обрисовывались на этом светлом фоне большими темными пятнами. Через несколько минут полился сильнейший дождь; волны улеглись, и рейд представлял одну колеблющуюся массу фосфорического света”⁶.

Плавание по Малаккскому проливу на переходе к Сингапуру сопровождалось не только смертью нескольких матросов, но и появлением новых больных, которых стало более двадцати. Из строя вышло около трети личного состава. А.И. Бутаков пишет в “Записках гидрографического департамента”, что на переходе “Вся жилая палуба превратилась в лазарет, где днем и ночью раздавались стоны страдальцев, смешиваемые по времени с последними хрипениями умирающих”⁷. 2 июня по прибытию в Сингапур палубный лазарет был перенесен на берег, где и находился более

⁵ Белинский В.Г. “Полное собрание сочинений”. Т. 8. С. 414.

⁶ Приведено нами из отрецензированного В.Г. Белинским XXVII тома (с. 48).

⁷ Бутаков А.И. «Описание плавания военного транспорта “Або”»... С. 214.

месяца. Все старания доктора (штаб-лекаря по экипажному списку) Исаева, добросовестного и знающего свое дело человека, привели к выздоровлению лишь половины больных.

На стоянке Алексей Иванович неоднократно посещал китайские и малайские кварталы Сингапура, встречался с жителями, ездил верхом за город, побывал на приеме у губернатора. Все его интересовало. В “Отечественных записках” в присущей ему научно-художественной форме офицер обстоятельно описывает гидрографию Сингапурского рейда, климатические условия острова, этнографические особенности смешанного населения, а также историю создания здесь в начале XIX в. английской колонии. Между тем пришлось время отправляться на Манилы, куда “Або” вышел 6 июля.

На место прибыли через 10 дней плавания, которое проходило в довольно благополучных погодных условиях. Здесь простояли 6 дней, снявшись с якоря 22 июля. А.И. Бутаков провел на Манилах преимущественно этнографические наблюдения. В “Отечественных записках” он отмечает красоту и воспитанность местных представительниц прекрасного пола, подчеркивая, что “стройный стан, легкая походка и непринужденная грациозность движений – вот качества, неотъемлимые у здешних женщин даже самого простого звания”⁸. Приводятся также красочные описания города, петушиных боев, вечерних гуляний испанских колонистов.

Последний переход к конечному пункту путешествия – Петропавловскому порту – продолжался два месяца. Он описывается офицером в третьей, заключительной статье о кругосветном плавании, помещенной в “Отечественных записках”. Длительный переход совершался при переменных погодах: временами свирепствовали штормы, часто наступали противные штили, сопровождаемые сильной жарой и постоянной огромной зыбью. Так продолжалось почти полтора месяца и лишь со 2 сентября неделю дул попутный ветер. Он сменился снова переменными ветрами, поэтому только 15 сентября члены экипажа увидели величественные камчатские сопки. Из-за наступившего штиля только вечером 20 сентября бросили якорь в Авачинской губе. Полукругосветный вояж был закончен, но далеко неблагоприятно – на последнем переходе от тропической лихорадки умерло еще 13 человек.

Более чем на два месяца затянулась выгрузка привезенных материалов, загрузка судна каменным балластом и водой. Задержке

---

⁸ Приведено нами из отрецензированного В.Г. Белинским XXVII тома (с. 82).

транспорта в Петропавловскому порту почти до конца ноября способствовал капитан А.Л. Юнкер. Чтобы покрыть растрату экипажных денег, он пытался принудить доктора Исаева составить расходную ведомость на лечебные средства, якобы приобретенные для судового лазарета. За неподчинение капитан издал приказ о списании с транспорта всеми почитаемого штаб-лекаря. Сплотившиеся офицеры пригрозили покинуть “Або”, и мошеннику пришлось отказаться от своей затеи. Тогда он занялся новой “спасительной” операцией: на оставшиеся казенные деньги решил купить упряжку камчатских ездовых собак, чтобы подарить царю.

Бутакову же понадобилось организовать двухнедельные работы по пропилке льда, образовавшегося в Авачинской губе в ноябрьские холода, чтобы вывести судно в открытое море. 25 ноября началось плавание в Кронштадт.

Для Алексея Ивановича двухмесячное пребывание на Камчатке не пропало даром. Здесь он совершает поездки по ближним и дальним окрестностям Петропавловского порта. Вначале основательно знакомится с самим городом, представлявшим в то время скорее деревушку с постоянным населением из 500 служащих. Они жили в небольших деревянных домах, что связано с частыми землетрясениями. Трудности доставки продовольствия на отдаленный полуостров заставляли каждое семейство иметь огород и скот. В условиях бездорожья повсеместно действовало санное сообщение – использовали знаменитых камчатских собак.

Этнографические наблюдения среди коренных жителей А.И. Бутаков провел во время четырехдневной поездки верхом, посещая поселения камчадалов. Он знакомится с их обычаями, обращает внимание на физический тип, особенности одежды. Интересно, что уже в то время исследователем замечено: многие жители утратили родной язык, заменяя его русским. Всеми своими любопытными наблюдениями офицер и поделился с читателем в упомянутой последней статье о кругосветном путешествии в “Отечественных записках”.

На Камчатке А.И. Бутаков все чаще задумывается о науке, ее ценности и значении для человечества. В письме к брату Григорию из Петропавловского порта от 20 октября 1841 г. он сказал: “Если бы я имел независимый кусок хлеба, я занялся бы только естественными науками... Для меня наука никогда не будет дойной коровой, я ценю ее слишком высоко. Если бы мне пришлось идти вокруг света еще раз, я бы пошел бы не таким олухом”⁹.

⁹ РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 16.

Действительно, у Алексея Ивановича были основания для недовольства неполнотой своей научной деятельности: не удалось провести наблюдения за магнитной стрелкой вследствие перегруженности судовой службой старшего офицера при неквалифицированном командире. Однако А.И. Бутаков слишком строг к себе: было получено немало сведений по этнографии, естествознанию, гидрографии, климатологии, истории и экономике. Больше всего собрано этнографического материала о народах посещенных зарубежных и отечественных земель. По подробному научно-художественному описанию можно получить живое представление об обычаях, нравах туземцев, их своеобразной культуре, к которой автор относится с большим уважением.

С выходом “Або” в Тихий океан наступила пора штормовых испытаний, продолжавшихся до 2 января 1842 г. Этого можно было бы избежать, если бы капитан-лейтенант Юнкер поторопился с разгрузкой транспорта в Петропавловском порту. Положение усугубилось тем, что иногда по ночам наряду со штормами начиналась метель, а днем бывали шквалы, обрушивающиеся на судно с ураганной силой; затем появлялась сильная зыбь. Запомнилось 11 декабря, описанное старшим офицером Бутаковым в “Записках гидрографического департамента”, “когда ...рано утром вкатил к нам с кормы огромный вал. Сперва он ударил снизу в висевшую за кормой четырехвесельную гичку и переломил ее пополам... В то же время вал ударил в ...два 10-весельные катера; один разломило так, что его уже нельзя было починить, а другой мы кое-как исправили... Сходный люк был накрыт чехлом: масса воды ударила в него ...и влилась вниз ...в кают-компанейском люке разбило стекла, и внизу сделалось настоящее наводнение”¹⁰. При такой погоде на транспорте распространилась сырость, которая резко сказалась на здоровье экипажа. После же штормов 20 февраля, когда “Або” находился в южном полушарии, появились заболевшие цингой. Офицеры перешли на общее скудное питание, а свои продукты отдали им.

В этой обстановке было необходимо пополнить запасы продовольствия, а также дать отдохнуть изнуренной команде, для чего следовало зайти на Сандвичевы (Гавайские) острова. Однако А.Л. Юнкер, растранивший почти все экипажные деньги, не намеревался считаться с мнением офицеров. Попытка же остановиться у острова Питкерн не удалась из-за неблагоприятных переменных ветров. По приказанию капитана был взят курс на мыс Горн, чтобы обогнув его, прийти в Рио-де-Жанейро.

---

¹⁰ Бутаков А.И. «Описание плавания военного транспорта “Або”»... С. 212.

Еще более ухудшились личные отношения, став подчеркнуто служебными, между офицерами и командиром, который к тому же всячески издевался над матросами. Правда, телесные наказания на судне по настоянию старшего офицера не применялись, за что матросы особенно любили Бутакова.

Лишь 18 марта перешли параллель мыса Горн с западной его стороны. К этому времени число больных цингой достигло 30 человек – около половины оставшегося экипажа. Симптомы недуга появились и у Алексея Ивановича. Он пишет, что скорбут (цинга) “при недостатках всякого рода и беспрестанной сырости возрастал до ужасной степени и вскоре началась смертность”. На переходе от мыса Горн до Рио-де-Жанейро, до которого добрались только 10 апреля 1842 г., умерло четыре человека, а пятый скончался уже на стоянке. В город прибыли лишь с пятью здоровыми матросами; вынуждены были работать еще десять человек, которые едва передвигались по палубе.

Так печально закончился один из непрерывных переходов общей продолжительностью в 138 дней, за которые была пройдена 14521 миля. В истории русского кругосветного плавания известен переход между Рио-де-Жанейро и Сиднеем, совершенный до этого М.П. Лазаревым за тоже количество дней. Однако у него был исправен корабль и отсутствовали больные.

В течение двух с половиной месяцев продолжалась стоянка “Або” на рейде Рио-де-Жанейро. Капитан-лейтенант Юнкер был вынужден занять деньги в русском посольстве, чтобы приобрести провиант и выдать экипажу денежное довольствие. В этот затянувшийся период А.И. Бутаков с интересом наблюдал за жизнью населения, подробно описав впоследствии беспорядки в стране из-за вражды между португальцами и бразильцами. Он сообщает о торговле неграми-рабами, ненависти крупных землевладельцев к англичанам, крейсера которых преследовали суда с невольниками. В организации наблюдений Алексею Ивановичу была оказана помощь со стороны русского посла, к которому с соответствующей просьбой в письме обратился адмирал Ф.П. Литке. Офицера он не знал лично, но слышал о нем много хорошего. Тем самым подтверждается известность Бутакова в то время среди моряков.

26 июня наконец-то “Або” оставил за кормой порядком надоевший, хотя и прекрасный Рио-де-Жанейро. Нетерпение путешественников подогревалось наступившим штилем, который только через неделю сменился свежими западными ветрами. Временами они перемежались постоянными штилями и легкими противными ветрами, поэтому в Портсмут моряки прибыли более чем

через месяц. Только 16 сентября судно вышло с рейда, но после перемены погоды в ночь на 23 сентября отправилось в Северное море. Благополучно преодолев его, через 10 дней подошли к Копенгагену, который покинули утром 8 октября. Оставалось пройти хорошо знакомым Балтийским морем к родным берегам. 13 октября 1842 г. в 10 часов вечера стали на якорь на том же Малом Кронштадском рейде, откуда 2 года и 5 недель тому назад с радостными надеждами отправились в кругосветный вояж.

За это время “Або” находился под парусами 468 дней и прошел 44 105 миль (около 80 000 км), т.е. проделал путь в два раза превышающий диаметр Земли по экватору. Из 82 человек команды не вернулись 23 – без малого треть. Пришлось пройти через многочисленные жестокие штормы, временами терпеть нехватку пищи и воды, перенести массовое заболевание цингой. Все это при безрассудном командире, оказавшимся еще казнокрадом, который для собственного оправдания сразу же по возвращению подал начальнику Главного морского штаба рапорт о заговоре, возглавляемом старшим офицером.

На следствии А.И. Бутаков и все его сослуживцы приводили факты, бесстрашно раскрывая истинное лицо Юнкера, виновника смерти членов экипажа, растратчика казенных денег, замаравшего мундир русского военного моряка. Меншикову не хотелось признать свою ошибку в назначении бесчестного капитана-лейтенанта командиром “Або”. Все могло бы очень плохо закончиться для обвиняемых, посмевших выступить против власти предержавшей, если бы не поддержка со стороны нескольких видных адмиралов (Ф.П. Литке, Ф.Ф. Беллинсгаузена, А.П. Лазарева) и ряда других известных офицеров.

Дело о воровстве капитана закрыли, прекратили и следствие по обвинению в заговоре. Закончилось тем, что команде не были выданы награды, которые вручались экипажам, совершившим кругосветные плавания. Начальник Главного морского штаба покрыл прегрешения Юнкера, оставив его командиром “Або” и списав за казенный счет долги, сделанные в кругосветном плавании. Однако позже тот снова совершил казнокрадство и был с позором исключен из состава флота. Для него нашлось “теплое” место полицейского пристава в Петербурге, а офицеров из Кронштадта для прохождения дальнейшей службы отправили в разные места. А.И. Бутакова оставили на Балтийском море, в Свеаборге.

Продолжение службы на Балтике. Мысли о неизведанном море

Тяжелые переживания, связанные с “заговором” офицеров на “Або” не оставляли Алексея Ивановича и в Свеаборге. 21 марта 1843 г. он посылает письмо Григорию. В нем сообщает последние новости по делу, о котором рассказал брату прежде еще из Кронштадта. Началась трудная пора жизни А.И. Бутакова: боясь гнева “светлейшего” Меншикова, который пытался его очернить, командиры кораблей поневоле сторонились знающего морского офицера, имевшего опыт кругосветного плавания. Во время летних кампаний 1843–1844 годов на Финском заливе он выполняет обязанности вахтенного лейтенанта на кораблях “Бриен” и “Агамемнон”, хотя прошел службу старшего лейтенанта. В 1845 г. Алексей Иванович был откомандирован в распоряжение артиллерийского департамента Военного министерства, чтобы на купеческом судне доставить из Петербурга в Ригу порох. Самостоятельного командования военным судном ему все еще не доверяли.

В 1846 г. во время маневров в Финском заливе А.И. Бутаков снова находился на “Бриене”, но уже флаг-офицером у командующего эскадрой соединенных дивизий адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена.

В это трудное пятилетие, когда продолжалась опала со стороны всесильного А.С. Меншикова, офицер не падает духом. В письме Григорию от 25 января 1843 г. он пишет: “...у меня все есть надежда, что если когда-нибудь светлый перестанет у нас владычествовать или отправится к Данилычу (к своему предку А.Д. Меншикову, сподвижнику Петра I. – *В.Л.*), то я возьму свое, а главное может быть тогда науки не будут в таком гонении и новый министр, для прославления своего царствования, снарядит ученую экспедицию вокруг света, коюю может быть, мне бы и пришлось командовать...”¹.

---

¹ РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 16.

Именно в 1843–1844 гг. А.И. Бутаков занимается обобщением своих кругосветных наблюдений. В “Отечественных записках” публикуется его первый опыт научно-художественного описания результатов исследований, проведенных во время перехода от Пуло-Пенанга, через Сингапур до Манил с их изумительной тропической природой. Издатель А.А. Краевский не ошибся, поместив статью в своем журнале, весьма известном в то время в России. Проявленный к ней интерес воодушевил автора на публикацию в этом же журнале двух новых статей, в которых так же ярко описывается переход от Англии, через Генериф до мыса Доброй Надежды, и от Манил до Камчатки. Как упоминалось, кратко по содержанию «Описание плавания военного транспорта “Або” вокруг света», охватывающее, как известно, путешествие полностью, А.И. Бутаков напечатал в 1844 г. в “Записках гидрографического департамента”.

В письме к брату от 22 октября 1845 г. он сообщает о важном научном событии – организации адмиралом Ф.П. Литке Статистического географического общества под покровительством Константина Николаевича (сына царя, генерал-адмирала). Упоминает первых членов этого общества известных географов Чихачевых, кругосветных мореплавателей Рикорда и Врангеля. В этом же послании пересказывает содержание рапорта командира “Агамедона” – судна, на котором ему пришлось плавать в 1844 г.: докладывалось, что 9 августа 1845 г. на банке, расположенной к северу от острова Борнхольма, в полночь увидели над водой пламя. Алексей Иванович с точки зрения науки объясняет это природное явление как воспламенение горючих газов. Интерес морского офицера к науке расширяется, он осмысливает не только результаты собственных наблюдений, но и итоги работы других ученых.

В этом же письме А.И. Бутаков делится с братом впечатлениями о прочитанном научном труде А. Гумбольдта. В 1829 г. знаменитый ученый по приглашению русского правительства совершает путешествие от Урала, через юго-западную часть Сибири до Алтая. Собранные материалы были обобщены в двухтомнике “Фрагменты по геологии и климатологии Азии” (1837–1842 гг.). Алексей Иванович прочитал эту книгу, заинтересовавшись приведенными сведениями о Средней Азии. Он отметил, что об Аральском море имеются смутные представления, основанные преимущественно на расспросных данных – оно не стало объектом научного исследования и картографирования в целом. Обычно попутно экспедициями посещались лишь отдельные участки побережья Арала. Эта значительная водная часть Средней Азии оставалась неизведанной.

В новом капитальном труде “Центральная Азия”, опубликованном в 1843 г., Гумбольдт утверждал, что в сравнительно недавнее предысторическое время Арало-Каспийский бассейн занимал обширное пространство, соединяясь с Ледовитым океаном и Балхашем. Мало определенных сведений А.И. Бутаков находил и в трудах по естествознанию и истории, изучением которых занимался в этот период своей жизни. Неточность научных знаний об Арале не раз приводила его к мысли о необходимости прояснения вопроса с использованием научных методов исследования.

Только в марте 1847 г. “провинившийся” офицер Бутаков по настоянию адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена стал командиром шхуны “Радуга”, которая еще в 20-х годах использовалась для гидрографических работ. В летнюю кампанию ему было поручено крейсирование на одном из участков Балтийского моря. Возвращению Алексея Ивановича в Кронштадт и его новому назначению способствовал Главный командир Кронштадского порта, пять лет тому назад поддержавший его на следствии по делу о “заговоре” офицеров. Наконец-то А.И. Бутаков получил в командование судно, волен устанавливать свои порядки, руководствуясь гуманистскими взглядами на взаимоотношения с командой.

Между тем начальник Оренбургского края и командир отдельного Оренбургского корпуса генерал В.А. Обручев приступил к строительству пограничных укреплений на рубежах с воинственной Хивой. В июле 1847 г. в низовьях Сыр-Дарьи сооружается Раимское укрепление, а в ее дельте – форт Кос-Арал. Летом того же года построены в Оренбурге и перевезены в разобранном виде в Раим две шхуны – военная “Николай” и частная “Михаил” (соответственно для съемки Аральского моря и организации рыболовства). После сборки на “Николае” под командой отставного морского офицера Мертваго началась съемка части моря, прилегающей к устью Сыр-Дарьи. Весной 1848 г. она была продолжена, охватив все северное побережье.

Обручев посчитал необходимым ускорить описные и съемочные работы на Аральском море, поручив их проведение опытным морским офицерам. В конце 1847 г. с этой идеей он обратился в Военное министерство, которое в свою очередь попросило содействия у Морского министерства. Только высококвалифицированный моряк смог бы обеспечить описные и съемочные работы – отдаленное и неизведанное море находится в пустынном окружении, что создает исключительно трудные условия для его обследования. Начальником экспедиции по съемке Аральского моря стал Алексей Иванович Бутаков. Почему это произошло? Как его мечты превратились в реальность?

Назначение в Аральскую экспедицию

В середине XIX в. в развитии взаимоотношений России с народами Средней Азии наступил исторический перелом. Появилась срочная необходимость в более подробном, чем было начиная с 30-х годов XVIII в., изучении и освоении как самого Аральского моря, так и обширного Приаральского края. Известно, что в 1730 г. по просьбе хана Абулхайра были приняты в российское подданство киргизы (казахи) – народ, который кочевал между реками Яик (Урал) и Сыр-Дарьей. Эти люди подвергались беспрепятственным набегам со стороны Хивинского ханства. Многих мужчин убивали, в неволю забирали преимущественно женщин и детей, угоняли скот – основное подспорье местных жителей. С визита посольства М. Тевкелева к хану Абулхайру, состоявшегося в следующем году, начались топографические съемки на северном побережье Аральского моря. Их провели двое геодезистов, входивших в состав первых посланников. Для дальнейшего изучения и освоения Приаралья и Арала большое значение имело основание в 1735 г. города Оренбурга.

До этого времени в течение многих веков об Аральском море имелись неопределенные сведения, а его изображение на картах носило фантастический характер. Первая информация о нем как о Северном море обнаружена в китайских источниках II в. до н.э. – VIII в. н.э. Лишь в трудах арабских ученых IX–X вв. приведены некоторые факты о размерах Арала и особенностях его берегов. Затем на протяжении шести столетий географические сведения не пополнялись. Только в конце XVI в., при Иване Грозном, был составлен “Большой Чертеж”, а позднее написана книга к нему, в которой приводятся довольно верные данные о размерах “Синего моря” (т.е. Арала). Через столетие, в конце XVII в., С. Ремезовым составлен отдельный “Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи”. На нем сравнительно правильно изображены Арал, Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Западноевропейские же географы в то время относили эти реки к бассейну Каспийского моря.

Еще через несколько десятков лет, в 1715–1717 гг., Петром I была послана экспедиция к хивинскому хану, возглавляемая А. Бековичем-Черкасским. Хотя большинство ее участников (включая и князя Бековича-Черкасского) погибло, попав в западную, картографические материалы доставили царю. На их основе в 1720 г. была впервые опубликована карта Каспия, на которой Аму-Дарья показана впадающей в Аральское море. Петр I, представивший карту в Парижскую Академию наук, был избран ее академиком.

Начаты в 1732 г. геодезистами посольства М. Тевкелева первые топографические съемки в Северном Приаралье продолжались в 1740–1741 гг. В низовья Сыр-Дарьи по просьбе хана Абулхайра были направлены Гладышев и Муравин, чтобы исследовать территорию, на которой будет построен город. Оттуда они направились в Хиву, после снова вернулись в Оренбургский край. В результате на карту была нанесена часть берегов Аральского моря и, хотя эта карта не была тогда издана, ею в течение почти столетия пользовались все топографы.

Первая половина XIX в. характеризуется заметной активизацией исследований побережий Арала, произведенных учеными входящими в состав посольств, следующих в Хиву и Бухару. Обычно они начинали свой путь из Оренбурга. В этот период собрано немало отрывочных научных сведений больше всего о западной, меньше о северо-восточном и восточном, совсем незначительная часть о южном берегах. Следует назвать прежде всего Г. Мейендорфа, Х.И. Пандера и Э.А. Эверсмана, обследовавших северо-восточное побережье Арала и низовья Сыр-Дарьи (1820 г.). Ф.Ф. Берг произвел съемку западного берега с рядом астрономических определений (1825 г.). Используя новые съемки и другие материалы, А.А. Ханыков публикует географическую сводку “Описание Киргиз-Казачьих или Кайсацких орд и степей” с приложением новой карты Арала (1832 г.) В начале 40-х годов Г.И. Данилевский и Ф. Базинер¹ провели по пути в Хиву маршрутные наблюдения; собраны также преимущественно расспросные данные о южном берегу и устье Аму-Дарьи (1842 г.). Астрономом Леммом определено более 20 пунктов на северо-восточном побережье и в низовьях Сыр-Дарьи, что позволило сопровождающему его топографу сделать точную съемку преде-

---

¹ Интересно, что карта, составленная по Данилевскому была передана Базинером А. Гумбольдту; она использована для изображения на карте, приведенной в “Центральной Азии”; с ней мог ознакомиться Бутаков при изучении трудов Гумбольдта.

ланного маршрута (1846 г.). О начатых летом 1847 г. и весной 1848 г. со шхуны “Николай” промерных работах в северной части Арала уже говорилось.

За сто с лишним лет, прошедшие со времени проведения в Северо-Восточном Приаралье первой инструментальной съемки (1731 г.), был создан солидный, но разрозненный картографический материал – он собирался длительное время разными исследователями по отдельным береговым участкам. При этом само Аральское море только начали изучать. Лишь в конце характеризуемого периода, исчисляемого со времени принятия казахов в российское подданство, объектом исследований стала его прибрежная северная часть. Пришла пора провести целостное обследование моря, южной частью которого владело Хивинское ханство, что затрудняло работу.

Это понимал Владимир Афанасьевич Обручев – начальник Оренбургского края в 1842–1851 гг. образованный организатор, как о нем отзываются многие современники. В письме военного министра начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову передается содержание его рапорта о начале промеров, произведенных летом 1847 г. у устья Сыр-Дарьи. Сообщается мнение В.А. Обручева о том, что для обозрения большей части Аральского моря, в особенности южного и западного берегов, необходимо прислать двух морских офицеров. Следует построить еще одно судно, для чего требуется направить несколько матросов с унтер-офицерами. Далее говорится, что царь велел назначить 2-х морских офицеров, 3-х унтер-офицеров и 15 матросов.

Уже 12 ноября 1847 г. Морским министерством отдается распоряжение Главному командиру Кронштадского порта Ф.Ф. Беллинсгаузену выполнить императорское повеление, а 1 декабря в письме на имя А.С. Меншикова тот докладывает, что “для описи Аральского моря рекомендует преимущественно лейтенанта Бутакова, командира шхуны “Радуга”, офицера лично ему известного”. Через две недели в Гидрографический департамент Морского министерства поступило распоряжение начальника Главного морского штаба (от 13 декабря), в котором предписывалось для съемки берегов Аральского моря командировать лейтенанта 9-го флотского экипажа Бутакова и корпуса флотских штурманов прапорщика Поспелова². Таким образом, в выборе кандидатуры Алексея Ивановича важную роль сыграл адмирал Фаддей Фаддевич Беллинсгаузен, который давно отличал его среди других достойных моряков. Несомненно, для Глав-

² РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 6435. 53 л.

ного командира Кронштадского порта немаловажным стало мнение офицерства об этом человеке, а оно было весьма благоприятным. Так, еще в послании из Кронштадта от 25 января 1843 г. к брату Григорию А.И. Бутаков пишет: “В Питере я нашел много добрых знакомых и составил себе несколько новых прекрасных знакомств ...на меня смотрят как на какого-нибудь Ванкувера или Кука. Теперь хлопочу об том, чтобы напечатать несколько статей из моих путевых записок”³. К этому прибавилась широкая известность офицера в культурном обществе, в читающей России благодаря опубликованным в “Отечественных записках” замечательным статьям.

Вероятно также, что представление Фаддея Фаддевича не было бы принято во внимание, если бы начальник Главного морского штаба не изменил своего отношения к Алексею Ивановичу. Еще в письме от 14 августа 1843 г. обеспокоенным родителям старший из сыновей говорит: “Дела мои с одной стороны поправляются: мы с князем (Меншиковым – *В.Л.*) снова ...приятели – я уже раз пил у него чай (правда, совершенно нечаянно)”⁴. Возможно и другое объяснение, известное из переписки братьев Бутаковых: по мнению многих офицеров, о находящемся вдали Алексее Ивановиче люди забудут. Этой точки зрения придерживается и В.И. Дмитриев, который отмечает, что: “Подписывая приказ о назначении лейтенанта Бутакова в среднеазиатскую глушь, за тысячи километров от Петербурга, Меншиков избавлялся от беспокойного для него офицера ...не боявшегося выступить с резкой критикой даже по адресу самого начальника Главного морского штаба”⁵.

Как бы то ни было, но Алексей Иванович Бутаков благодаря этому приказу добился исполнения давней мечты об исследовании Аральского моря. И конечно, несказанно был благодарен очередной поддержке адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, который для него был примером истинного моряка, как и отец Иван Николаевич. Теперь оставалось не подвести своего благодетеля: так подготовить и провести экспедицию, чтобы принести пользу Отечеству и цивилизованному миру, открывая еще мало известное море.

---

^{3,4} РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 82.

⁵ Дмитриев В.И. и А.И. Бутаков. С. 21.

Хлопоты об организации Аральской экспедиции

В середине декабря 1847 г. был издан приказ о командировании А.И. Бутакова на Аральское море. Лишь 27 января 1848 г. он сдал командование шхуной “Радуга” другому офицеру. Двумя неделями ранее свершилось важное событие в жизни Алексея Ивановича: 15 января как отправляющийся для описи Аральского моря он был рекомендован в члены Императорского русского географического общества (ИРГО) известным издателем “Отечественных записок” А.А. Краевским и еще тремя крупными учеными, среди которых В.И. Даль – знаменитый филолог и краевед – знаток Оренбургского края, составитель “Толкового словаря русского языка”, один из основателей научного общества.

Конечно, связь предстоящих исследований с членством в ИРГО еще более воодушевляла А.И. Бутакова в организационной деятельности. Ведь прошло всего два года, как 7 октября было открыто общество. Алексею Ивановичу также было известно, что его вице-президентом избран Ф.П. Литке, которого моряк уважал за поддержку в деле “офицерского” заговора на “Або”.

Морские офицеры особенно радовались как созданию близкого им по своим задачам общества (по “возделыванию” географии России, по словам Ф.П. Литке), так и тому, что его главой фактически стал контр-адмирал, прославивший Родину открытиями в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Перед тем как отправиться в Оренбургский край А.И. Бутаков получает отпуск и едет в Николаев повидаться с родителями, проводить отца в отставку, он надеялся встретиться с младшими братьями Григорием, Дмитрием и Владимиром – офицерами Черноморского флота и с сестрами, особенно с Александрой, с которой вел многолетнюю переписку. Алексей Иванович получил поддержку родных, живущих заботами о сыне и брате, чего не хватало еще несемейному человеку, особенно в последние 5 лет неинтересной службы. Отпуск получился непродолжительным,

так как в начале марта 1848 г. он должен был прибыть на исходный пункт Аральской экспедиции – в Оренбург.

Приехав в этот город 4 марта, Алексей Иванович развернул активную деятельность, пробыв здесь до 3 мая. За два месяца был выполнен огромный объем работы, связанной с постройкой шхуны на берегу реки Урал (оборудование судна и снабжение провиантом, формирование и подготовка экипажа). Начиная с марта, в письмах А.И. Бутаков регулярно докладывает начальнику Главного морского штаба о ходе подготовки к Аральской экспедиции.

Так, он сообщает, что 14 марта в полном составе пришла команда из 45-го флотского экипажа (г. Астрахань). В ней 3 унтер-офицера, начавших морскую службу с 1831 г., и 15 матросов, взятых в 1840 г. Следовательно, к предстоящим работам в Аральской экспедиции они посвятили флоту соответственно около 17 и 8 лет, являются опытными моряками (что подтвердилось в плавании). Сообщается, что полным ходом идет строительство шхуны, названной “Константином” (в честь генерал-адмирала Константина Николаевича – *В.Л.*). В порядке и хронометр, привезенный из самого Петербурга.

В очередном послании А.С. Меншикову офицер докладывает: постройка шхуны закончена 28 апреля, 29 судно разобрано и уложено на подводы, а 30 обоз двинулся в Орск; сам начальник экспедиции отправляется туда 3 мая. Он пишет, что генерал Обручев 4 мая выезжает из Оренбурга с тем, чтобы 9-го организовать отправку тележного транспорта из Орска в Раим, в низовья Сыр-Дарьи. Далее сообщает, что получил от Владимира Афанасьевича инструкцию, техническую часть которой составил по его поручению сам. В связи с этим Алексей Иванович выражает удивление, что документ запрещает осмотр устьев Аму-Дарьи и южного берега (по требованию министра иностранных дел К.В. Нессельроде), дабы не нарушать дружеских отношений с Хивой.

Для понимания некоторых дальнейших событий следует ознакомиться с основным содержанием инструкции-предписания, врученной Алексею Ивановичу 3 мая 1848 г. В ней указывается, что начальнику экспедиции разрешается взять из гарнизона Раимского укрепления несколько казаков и солдат, а также рядового (им оказался ссыльный поэт и художник Т.Г. Шевченко) для снятия береговых видов. Кроме того, в состав группы включаются: топограф, переводчик с татарского (тюркского – *В.Л.*) языка, киргизец (казах), знающий берега Аральского моря. Экспедиция должна быть снабжена научными приборами: астрономическими, морскими и геодезическими (среди них 3 хронометра и секстант). В Раиме предлагалось заняться проверкой хронометров; их следо-

вало сличать между собой каждый день. Перед выходом в плавание надлежало определить девиацию компаса, на “Константине” должны быть в наличии трехмесячные запасы морской провизии, медикаментов и проч.

Главная задача первого года плавания по морю – общая рекогносцировка с определением необходимых астрономических пунктов на приметных местах (например, мысах), которые послужат основой для гидрографических работ в 1849 г. Арал желательно пересечь несколько раз в разных направлениях, но исключить при этом южный берег. Выявить и нанести на карту с астрономическим определением районы, удобные для укрытия судов с надежным грунтом для якорных стоянок, а также местонахождения топлива, пресной воды, пастбищных и рыбных угодий. Наряду с журналом описи и промера вести метеорологический и шканечный журналы (с указанием периодичности соответствующих наблюдений, а также основных показателей).

Внимание должно быть уделено и обеспечению безопасности экспедиционных работ. На каждой шхуне по две пушки и необходимое число ружей. На якорных стоянках выставляется вооруженная вахта (третья часть судовой команды). Подчеркивалось также, что начальник экспедиции должен посылать рапорты командиру Отдельного Оренбургского корпуса: на реке Сыр-Дарье через каждые две недели, а в плавании на море в возможных случаях. По окончании плавания представляется основной итоговый документ – отчет с подробным описанием Арала и его берегов (с приложениями: карта Аральского моря, снятые береговые виды, шканечный журнал).

В этой инструкции, подписанной В.А. Обручевым, наиболее существенно следующее. Прежде всего, он считает, что важным дополнением к отчету послужат виды берегов. В связи с этим дается указание взять в Раиме одного рядового для изобразительной работы. Особо обращается внимание на систематическую проверку точности ряда измерительных инструментов, обеспечение их сохранности в экспедиционных условиях. Подчеркивается, что обязательно необходимо проводить астрономические определения местонахождения приметных береговых пунктов, главное, береговых участков, благоприятных для хозяйственного использования.

Требования к экспедиционным работам, судя по их преимущественно естественно-научному содержанию, написаны А.И. Бутакowym, указания же о поддержании надежной безопасности и регулярности связи Аральской экспедиции с Оренбургом принадлежат генералу Обручеву. Существенно, что начальник края утвер-

ждает инструкцию, рассчитывая получить разносторонние и наиболее полные данные о природе Аральского моря и возможностях его освоения.

Владимир Афанасьевич высоко ценил А.И. Бутакова, его образованность и знание морского дела. Вместе с женой он радушно принимает офицера у себя дома; для степного похода к морю подарил ему лошадь киргизской породы и войлочную кибитку. Начальник Оренбургского края разрешил Т.Г. Шевченко участвовать в описной экспедиции для зарисовки морских берегов, а у себя дома заказал ему портрет своей супруги.

Естественно-научная часть намеченных исследований на Аральском море получилась полной и благодаря инструкциям, составленным Ф.Ф. Беллингаузеном по ботаническим наблюдениям, академиком Г.П. Гельмерсеном по геологическим. Об этом будет сказано в отчетной статье “Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г.” “Вестника Географического общества” в 1853 г.

Аральская экспедиция началась с труднейшего дела – транспортировки разобранной шхуны со всем снаряжением из Оренбурга в Раимское укрепление. Для этого надо было преодолеть на верблюдах, впряженных в подводы, около тысячи верст сперва сухой степи, а затем песчаной пустыни. Коротко о тяжелом сухопутном путешествии А.И. Бутаковым сообщается в письме Меншикову. Более подробно – в книге “Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю”, впоследствии написанной прикомандированным к экспедиции штабс-капитаном А.И. Макшеевым. 2 мая он выехал на почтовых из Оренбурга в Орск, там формировался ряд транспортов в пограничные укрепления, в том числе и в Раимское, в транспорт которого входила и команда Алексея Ивановича. 1500 подвод выстроились в две линии по направлению пути, каждая в три нитки, заняв в глубину более версты (под прикрытием роты пехоты, двух сотен казаков и двух пушек). При переходе через Приаральские Каракумы люди страдали от жары и жажды, было много пыли, которая покрывала лицо толстым слоем.

В письме начальнику Главного морского штаба А.И. Бутаков сообщает о благополучном прибытии в Раим на рассвете 17 июня, 1848 г. после более месяца утомительного и опасного пути. Отмечает, что в марте здесь уже побывали хивинцы, разграбившие несколько аулов киргизов и взявшие в плен много людей, в том числе женщин и девушек. А.И. Макшеев о своем пребывании в городе пишет: “После обеда я часто отправлялся на пристань, где Бутаков со своими матросами деятельно собирал шхуну “Констан-

тин”. Сделав поход от Каспия (из Астрахани – *В.Л.*) до Арала, матросы бодро работали с раннего утра до позднего вечера, несмотря ни на палящий зной, ни на мириады комаров. Только купанье днем и полога ночью спасали несколько от этих невзгод¹. 20 июня шхуна была спущена на воду. Она имела длину 53 фута (16 м) с глубиной осадки несколько более 3 футов (около 1 м) благодаря своей плоскодонности, что важно для проведения промерных работ на мелководье.

К этому времени сформировался экипаж из 27 человек. В “Дневных записках плавания А.И. Бутакова на шхуне “Константин”, опубликованных в 1953 г., отмечено: судно вышло в море 25 июля 1848 г., в команде – командир шхуны лейтенант Бутаков, генерального штаба штабс-капитан Макшеев, прапорщики штурман Пospelов и топограф Акишев, фельдшер Истомин. Затем поименно перечисляются переведенные из Астрахани моряки – унтер-офицеры и матросы. Называются также рядовые линейных батальонов – Тарас Шевченко (живописец) и Фома Вернер (для геологических исследований), двое денщиков при Бутакове и Макшееве. Впоследствии Алексей Иванович написал в отчетной статье об Аральском походе (1853): “Вообще говоря, для подобных экспедиций никто не может сравниться с русским человеком, он сметлив, расторопен, послушен, терпелив и любит приключения – мудрено обескуражить его, он смеется над лишениями, и опасности имеют в глазах его особенную прелесть”².

Отправляясь в плавание, А.И. Бутаков высылает письмо светлейшему князю, в котором пишет, что в 1848 г. будет делать общую рекогносцировку всего Аральского моря и определять астрономические пункты; это станет основанием его гидрографических работ в будущем году. Сообщается также, что хронометры доставлены в Раим со всей осторожностью, их несли на руках всю тысячеверстную дорогу. Для уверенности в их точности произведена проверка. Более надежным оказался хронометр, приобретенный в Гидрографическом департаменте, требовали сверки два прибора, которые выданы в отделении Генерального штаба Оренбургского корпуса³.

Интересен фрагмент в переписке Алексея Ивановича с А.С. Меншиковым, где говорится о составе команды шхуны. Пе-

---

¹ *Макшеев А.И.* “Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 46.

² *Бутаков В.И.* “Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г.” С. 3.

³ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 32.

речисляются фамилии и звания обер-офицеров, указывается сколько унтер-офицеров и матросов, а также упоминаются двое солдат – один в прошлом живописец (для снятия видов), другой бывший студент Варшавского технологического института. Последний был взят по предложению начальника Раимского укрепления. Очевидно, начальник экспедиции не считал крамольным привлечь к описным работам этих ссыльных, поэтому без опаски пишет о них.

Итак, приготовления к первому плаванию по всему Аральскому морю закончились. К 25 июля, всего за 5 дней после спуска на воду шхуну загрузили всем необходимым и экспедиция была готова отчалить от пристани Раимского укрепления. О самом плавании можно получить довольно подробное представление по нескольким печатным и рукописным источникам. Среди них особенно ценными являются опубликованные через столетие “Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне “Константин” (1953), а также большая глава книги А.И. Макшеева “Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю” (1896), изданной посмертно. Из рукописей – письма и рапорты о ходе исследований, посылаемые Алексеем Ивановичем своему морскому и военному начальству – А.С. Меншикову и В.А. Обручеву. Опираясь главным образом на эти основные материалы, а также используя дополнительно ряд других, можно с современных позиций описать Аральскую экспедицию и ее научные результаты.

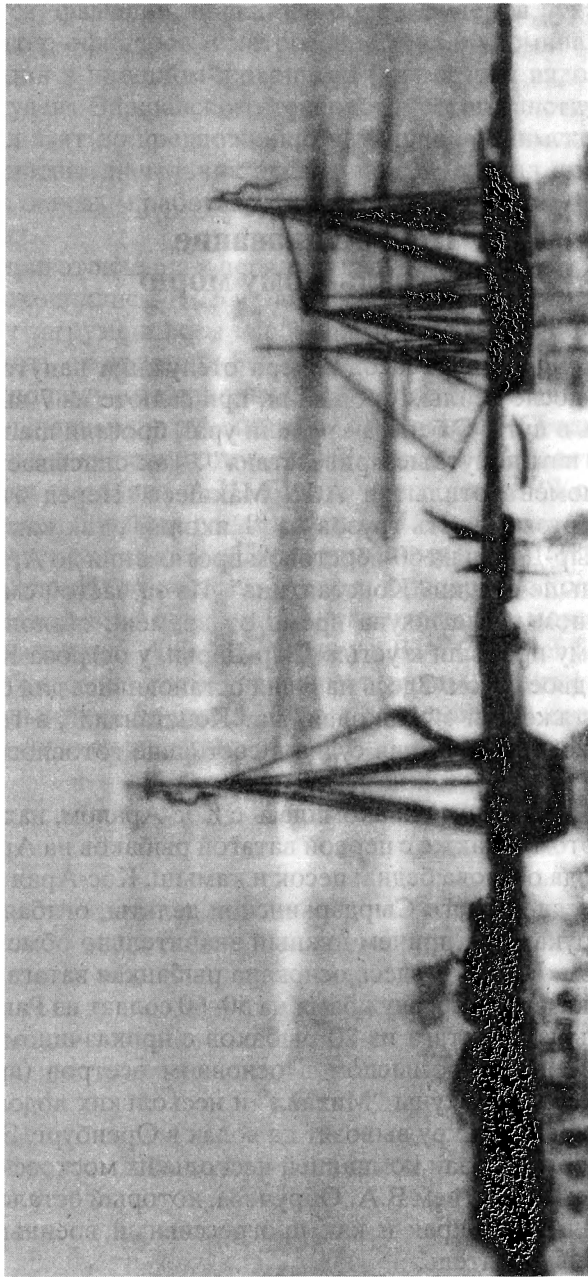
Первое плавание по Аральскому морю

25 июля 1848 г. в 8 часов вечера отслужили напутственный молебен и “после теплых прощаний, при салюте из 7 выстрелов отправились в путь. С берега кричали ура!, бросали шапки вверх и посылали нам попутные приветствия”¹. Так описывает торжественный момент отплытия А.И. Макшеев. Перед этим пришлось перегрузить часть грузов на “Николай”, так как местами фарватер Сыр-Дарьи на 60-верстовом протяжении до Арала имел глубину меньше осадки “Константина”. Из-за частой смены глубины в речном русле шхуна время от времени становилась на мель, поэтому прибыли к устью Сыр-Дарьи, у острова Кос-Арал лишь через двое суток. Здесь на 3 дня остановились для обратной перегрузки тяжестей с “Николая” на “Константин”, а также для окончательного приведения судна в состояние готовности к экспедиции.

За эти дни команда ознакомилась с Кос-Аралом, находящимся здесь фортом, а также с первой ватагой рыбаков на Аральском море. Природа острова бедна: песок и камыш. Кос-Арал располагается в передней части Сырдарьинской дельты, огибаясь двумя устьевыми рукавами, причем южный значительно обмелел и зарос камышом. В 1847 г. здесь основана рыбацкая ватага и сооружен форт с казармами и службами на 50–60 солдат из Раима (в основном больных). Ватага из 20 рыбаков с приказчиком и кормщиком занимается промыслом в основном осетров (аральских шипов) и сомов (со шхуны “Михаил” и нескольких лодок). Соленую ценную рыбу и икру вывозят на волах в Оренбург. Этот промысел был организован компанией нескольких московских предпринимателей с участием В.А. Обручева, который остался в истории Приаральского края и как прогрессивный военный, и как промышленный деятель.

---

¹ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркменскому краю”. С. 52.

Остров Кос-Арал. На рейде шхуны «Николай» и «Константин» (рисунок Т.Г. Шевченко)

Во время стоянки у Кос-Арала А.И. Бутаков впервые определил широту и долготу острова, для чего шхуна перешла к северной его оконечности. После астрономического определения исследователь намеревался сразу направиться в море, но этому помешал сильный противный ветер. Встреча с морем, о которой офицер мечтал многие годы, состоялась утром 30 июля 1848 г. Об этом он кратко пишет в “Дневниковых записках плавания”; в них каждодневно, иногда несколькими строками, освещается ход экспедиции. Некоторые детали повседневных событий можно найти у А.И. Макшеева.

Подробнейшие специальные морские сведения, которые записывали ежедневно, содержатся в “Шканечном журнале шхуны “Константин” 1848 г.”. С самого начала плавания каждый час заполнялись следующие графы: часы, ветер, курсы, узлы, дрейф, случаи. В последней отмечали силу ветра, наступление штиля, уровень воды в трюме (в дюймах), а также особые случаи, в частности, число заболевших.

Плавание оказалось мало благоприятным из-за переменных тихих ветров, которые сопровождались постоянной большой зыбью. “Константину” пришлось лавировать, медленно двигаясь к острову Куг-Арал, куда добрались лишь через двое суток. 1 августа, преодолев 30 верст, нашли удобное для стоянки место. А.И. Макшеев вспоминает, что А.И. Бутаков назвал море расплескавшимся стаканом воды. Сразу же съехали на берег, но время для астрономических наблюдений было упущено, и их перенесли на следующий день.

На Куг-Арале проведены первые научные исследования, о результатах которых вкратце говорится в “Дневных записках”. “Остров Куг-Арал состоит из пластов глины и глинистого сланца; юго-восточный и южный берега его обрывистые и, по-видимому, от действия атмосферических перемен, продолжают обваливаться. Это, однако, менее заметно, чем на северном и северо-восточном берегах, более подверженных господствующим ветрам, отчего там видно много рытвин и ущелий. На столовообразной вершине острова почва преимущественно глинистая солонцеватая и на ней разбросаны кусты саксаульника и гребенщика, клочки нюкника и дикой полыни, а местами растет степной ковыль”². Отмечается также значительная глубина прибрежных вод при мелководном и проходимом в брод проливе,

---

² Бутанов А.И. “Дневные записки плавания А.И. Бутанова на шхуне “Константин” для исследования Аральского моря в 1848–1849 гг.” (Далее “Дневные записки...”).

который отделяет остров от материка. Низменным является лишь северный берег Куг-Арала, сложенный наносным песком и заросший камышом. А.И. Бутаков не забывает указать на наличие пресной воды в копанях; упоминает и о следах недавнего пребывания киргизов (казаков).

Нельзя не заметить, что Алексей Иванович уже с самого начала плавания стремился в научных наблюдениях охватить в комплексе разнообразные составляющие – горные породы, рельеф, воды, почвы, растительность. При этом он не забывал отметить и воздействие человека на природу. Остров Куг-Арал оказался для этого весьма удобным объектом на севере Аральского моря.

Вечером того же 2 августа шхуна подошла непосредственно к северному материковому берегу у мыса Каратюб (у Бутакова – Тюбе-Кара). Весь следующий день здесь – на южной оконечности высокого полуострова, где толщи глинистого сланца пересекаются глубокими оврагами, занимались астрономическими наблюдениями. На мысе Алексей Иванович обнаружил пляж из округлых глинистых камешков; ими образован береговой вал высотой 1–1,5 сажени, имеющий более отлогий внутренний край.

Утром 4 августа “Константин” снялся с якоря и через 12 часов подошел к полуострову Куланды. Это место представляло особый интерес для экспедиции, так как весной того же года во время плавания шхуны “Николай” топографами, выходившими на берег для съемки, здесь был найден каменный уголь. Потому начальник Раимского укрепления и рекомендовал Алексею Ивановичу для исследования месторождения взять в экспедицию бывшего студента Вернера. На протяжении южного берега Куланды с востока на запад, между мысами Изенды-Арал и Узун-Каир, путешественники наблюдали куски каменного угля, в очень малом количестве выброшенные волнами к песчаному побережью. “Находка эта, – пишет Макшеев, – сильно порадовала Бутакова, мечтавшего о пароходстве на Аральском море, и он принялся отыскивать пласты угля”³. Из этой краткой цитаты можно понять, что начальник экспедиции еще в 1848 г. задумывался об учреждении Аральского пароходства.

Вырытые 5 августа у побережья две ямы глубиной до 1,5 саж. были пусты. Нуждаясь в пополнении запасов пресной воды, шхуна направилась к острову Барса-Кельмес, где простояла на якорю 3 дня. Там для съемки были оставлены Макшеев и Акишев с 8 матросами. С утра 9 августа для продолжения поисков каменного

---

³ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 61.

угля “Константин” снова отправляется к острову Куланды, к мысу Изенды-Арал, куда при попутном ветре прибыл через 5 часов.

Здесь А.И. Бутаков занялся определением астрономического пункта, а Вернер с партией вооруженных матросов приступил к рытью в половине версты от берега на глинистой солонцеватой возвышенности нескольких ям. В них на глубине около 5 футов обнаружили пласт качественного угля примерно в 1 фут толщиной. Исследования были произведены на территории около 200 кв. саж.; по приближенным расчетам здесь можно добыть не менее 5 или 6 тысяч пудов угля.

С 8 августа оставленная на Барса-Кельмесе топографическая партия проводила полуинструментальную съемку в масштабе 2 версты в дюйме. В последующие три дня на море свирепствовала страшная буря. Штабс-капитан А.И. Макшеев вспоминает, что путешественники боялись гибели шхуны. Однако вечером 11 августа по окончании шторма “Константин” подошел к острову. “На другой день утром, – пишет А.И. Макшеев, – когда мы сидели с Бутаковым, он встретил меня словами: “Я вытерпел около Куланды сильнейший шторм и крепко боялся, но больше за вас, чем за себя. Если бы шхуну разбило, я бы собрал из обломков лодку и достиг бы Сыр-Дарьи, а вы все умерли с голоду”⁴.

12 августа к острову Барса-Кельмес подошла рыболовная шхуна “Михаил”, поздно вечером оба судна отправились на восточную оконечность острова, где Акишев заканчивал съемку. Здесь на “Константин” временно перешел приказчик рыболовной компании Захряпин, а также ходивший на “Михаиле” казах-проводник Альмобет, знающий береговые урочища Аральского моря. Примечательно, что последний использовал названия, в частности, появившиеся на основе местных преданий. Так, укрепление на Сыр-Дарье названо Раимским по имени почитаемого казахами богатыря Раима, могила которого находилась здесь.

“Михаил” возвращался в устье Сыр-Дарьи. 13 августа А.И. Бутаков отправил с Барса-Кельмеса в Николаев письмо родителям. В нем вначале сказано о команде: “...кроме меня и моего помощника Пospelова, у меня один офицер генерального штаба Макшеев, подвижмый любознательностью, которого укачивает на смерть, и офицер топограф для съемки”. Далее сообщается, что рыбы “здесь тьма: она плавала спокойно от сотворения, а теперь судьба назначила ей могилой российские желудки. Жителей мы не видели нигде, хотя во многих местах находили

---

⁴ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 63.

свежие следы пребывания киргизов...⁵”. Сын с юмором описывает свое житье-бытье на неведомом прежде Аральском море. А ведь всего несколько дней прошло, как смертельная опасность глядела в его глаза.

В “Дневных записках” начальник экспедиции приводит основные данные о форме острова Барса-Кельмес, его величине и природе. Он обращает внимание на преобладающую обрывистость берегов и их прямолинейность, значительную глубину прибрежной зоны, отсутствие удобной якорной стоянки. Отмечает господство возвышенной поверхности с выходами солонцеватой глины и глинистого сланца. На песчаных низменных участках есть колодцы, выложенные изнутри саксаульником, но вода в них некачественная. Почвы и растительность такие же как на острове Куг-Арал. Автор приводит рассказ проводника со шхуны “Михаил” о том, что на Барса-Кельмесе 6 лет жили киргизы (казахи), спасаясь от хивинцев.

На рассвете 14 августа “Константин” опять направился к полуострову Куланды для обследования его юго-западной оконечности – мыса Узун-Каир. Шхуна подошла к нему со стороны обширного залива на северо-западе, где не было волнения. Залив не имел тогда казахского названия (впоследствии ему дали имя Александра Ивановича Чернышева – военного министра). На следующий день провели обследование местности с определением астрономического пункта. Тем самым в 1848 г. было закончено исследование довольно протяженного южного берега Куланды и всего северного берега Аральского моря.

Значительный интерес представляют наблюдения Бутакова по морфологии обследованного берега Куланды. Он описывает обрывистый известковый мыс Изенды-Арал, соединенный с полуостровом узким перешейком из известняковых обломков и указывает, что к северо-востоку отходит каменная гряда. Выяснилось, что мыс Узун-Каир сложен песками, взвеянными в невысокие бугры, местами поросшие камышом. Здесь были обнаружены две подводные косы: песчаная в южном направлении от мыса и известняковая – в юго-западном. Оказалось, что у каменной косы прибрежное дно отличается частой сменой глубин при общей мелководности.

Дальнейшие исследования охватили западный берег, куда шхуна отправилась 16 августа в 10 часов утра с мыса Узун-Каир. В течение более недели, с 17 по 25 августа, с “Константина” производилась морская съемка местности на расстоянии от 2 до 5 верст,

---

⁵ РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 18.

а иногда и больше. Начальник экспедиции, ведя шхуну вдоль каменистого и обрывистого берега, боялся, что судно наскочит на подводные камни. На якорь становились обычно ночью, когда ветер стихал, и только изредка – днем, если начиналось значительное волнение моря. В таких условиях высадки на берег были затруднительны, хотя и необходимы для астрономических наблюдений.

Первая попытка попасть на сушу у мыса Бай-Губек 19 августа оказалась неудачной и едва не закончилась трагически. Со ставшего на якорь на глубине 23,5 саж. судна направилась шлюпка, но пришлось возвращаться из-за отвесных утесов и бурунов. Участник этой береговой вылазки А.И. Макшеев описывает, что произошло дальше: “Между тем дырявая шлюпка уже успела наполниться водой, ветер стал свежеть и море разыгрываться, а шхуна виднелась едва заметной точкой на горизонте. Бутаков посадил на каждое весло по два матроса, всем сидевшим в шлюпке приказал выливать из нее шапками воду, а сам управляя рулем, рассказывал, для придания бодрости команде забавные анекдоты”⁶. С трудом добрались до шхуны.

Только на следующий день, когда судно зашло на западную сторону мыса, под его прикрытием высадка удалась. Здесь А.И. Бутаков провел астрономические определения и геологическое обследование. Оно позволило судить о строении пройденной части западного берега, наблюдаемого издали, где наибольшая глубина достигала 37,5 саж. в 0,5 мили от берега. В своих “Дневных записках” Алексей Иванович отмечает: “Вообще берега Усть-Урта до Бай-Губека вышиной от 300 до 400 ф., обрывистые, утесистые и состоят из пластов известняка, твердого песчаника с окаменелыми раковинами и глинистого сланца, также с раковинами. Они тянутся прямой чертой с малыми изгибами и весьма приглубы, мысы выдаются в море недалеко, так что в шторм судну за ними нельзя укрыться. Растительности почти никакой. Изредка только видны на плоской вершине кусты саксаульника и внизу кусты гребенщика. Местами, подле самой воды, попадаются небольшие песчаные площадки, на которых больше гребенщика, а иногда и камыш – признак присутствия в копанях пресной воды. На высотах видно много киргизских могил”⁷.

Офицер сообщает ряд ценных сведений об этом большом мысе: о двух небольших бухтах с глубиной около 4 саж., имеющих

---

⁶ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 67.

⁷ Бутаков А.И. “Дневные записки...”. С. 21.

песчаное дно, а также о подходящей к ним ложине. У моря она завалена известняковыми обломками, округленными водой, а у подножья известнякового уступа Усть-Урта лежат обвалившиеся в прибрежье глыбы. В одной из бухт, у береговой черты, белый известняк покрыт икрой благодаря множеству рыбы, мечущей ее весной. Это новое свидетельство А.И. Бутакова об исключительном рыбном богатстве Аральского моря.

В течение последующих двух дней – 21 и 22 августа – “Константин” медленно плыл к югу при временных штилях, сделав одну ночную стоянку на якоре. Начальник экспедиции наблюдает постепенное снижение береговых обрывов, в которых обнажаются преимущественно пласты глинистого сланца. Измерение глубин показало их заметное уменьшение. У урочища Аджи-Бая, куда шхуна прибыла под вечер 22 августа, якорь закрепился на дне с глубиной лишь на 4,5 саж. Во время третьей (последней) высадки на западном берегу состоялась дружеская встреча моряков с группой казахов и туркменцев. Из разговора с аксакалами (“белобородыми” или старшинами) с помощью приказчика Захряпина путешественники узнали: киргизы этих мест объявили хивинскому хану, что не намерены терпеть грабежи хивинцев, поэтому перейдут к русским, которые не обижают местное население. Как видно, сказались осторожная политика генерала Обручева в отношениях с казахами.

Опробование морской воды на вкус показало, что она значительно преснее, но имеет все же у Аджи-Бая горьковато-сладковатый привкус. Это не мешает кочевникам пить ее и варить на ней пищу. Обнаружено было и течение, идущее с юга. По этим признакам А.И. Бутаков понял: “Константин” приближается к устью Аму-Дарьи.

Офицер отмечает понижение Усть-Урта, отступающего у Аджи-Бая от моря на расстояние около четырех верст и затем круто возвышающегося примерно на высоту 100 футов. В его геологическом строении принимают участие пласты глинистого сланца и серого песчаника, которые наклонены во внутрь. На этой высоте располагается выровненная поверхность с обломками тех же пород, имеющая ширину около 1,5 версты; она поросла травами и кустарниками из саксаула и гребенщика. Далее параллельно тянется вторая утесистая стена Усть-Урта 80–100 футов высотой.

Весь день 23 августа из-за противного ветра пришлось лавировать в южном направлении, чтобы дойти до мыса Ургун-Мурун, где возвышенный Усть-Урт сворачивает к западу. По пути глубины все уменьшались, а течение с юга заметно усиливалось.

24 августа после ночевки шхуна продолжала лавировать, но не дошла до намеченного мыса, достигнув крайнего южного предела на западном берегу близ мыса Ак-Суат. Здесь А.И. Бутаковым по двум высотам солнца была определена широта в $43^{\circ}44'$. Для этого из-за чрезмерного мелководья пришлось оставить шлюпку за версту от берега. 25 августа с трудом добрались до мыса, который находится в урочище Кынь-Камыс.

Проведенные исследования выявили не только исключительную мелководность моря, но и наличие совершенно пресной воды. Расположенная в прибрежье широкая полоса камыша крайне затрудняла дальнейшее продвижение судна. Посему было видно, что в юго-западном углу Аральского моря находится соединенное фарватером разливающееся от амударьинских вод Айбугирское озеро, о котором говорил аксакал из Аджи-Бая. Гидрографические работы были прекращены из-за опасения вызвать беспокойство хивинского хана. А.И. Бутаков пишет: “В уверенности, что здесь одно из главных устьев Аму, так как пресная вода выбивается в море верст за 15, и повинаясь данной мне инструкции, я не смел продолжить моих исследований, а поэтому решился сделать наблюдения на берегу Кынь-Камыса и потом идти осматривать восточную сторону Аральского моря”⁸.

Таким образом, рекогносцировочное обследование северного и южного берегов было закончено ровно через месяц с тех пор как 25 июля “Константин” отчалил от пристани Раимского укрепления. Съёмка берегов выявила, что они приглубы, преобладают высокие обрывистые склоны, особенно на западе. Обследовано месторождение каменного угля на полуострове Куланды и приближенно определены его запасы. Экипаж сплотился в трудностях плавания, на небольшой плотно “заселенной” шхуне пережил первый жесточайший шторм. Алексей Иванович Бутаков с офицерами и ближайшими помощниками – рядовыми Шевченко и Вернером жили в одной каюте. Под умелым руководством Алексея Ивановича работа спорилась, между членами команды установились товарищеские отношения. Успешно осваивали морское дело и несколько пехотных солдат, пополнивших экипаж шхуны. Был на судне и весельчак – матрос 2-ой статьи Андрей Сахнов, вокруг которого команда собиралась во время коротких передышек, чтобы послушать его смешные “байки”.

В связи с рекогносцировочным характером исследований 1848 г. производились преимущественно полуйнструменталь-

---

⁸ Бутаков А.И. “Дневные записки...”. С. 23.

ные и глазомерные съемки, однако был выполнен ряд астрономических определений опорных пунктов. В правильности морской съемки западного берега усомнился А.И. Макшеев. По его мнению, в сложных условиях, когда: “Взор обманывался невольно, и на этих пустынных берегах рисовались храмы, башни, шатры, колонны и прочее. Вследствие такого разнообразия рисунков, весьма трудно было распознать действительное очертание берегов, и хотя со шхуны производилась съемка их, но верность ее была сомнительна по многим причинам”⁹. Среди них называются: неравномерность скорости шхуны, трудность нахождения резко обозначающихся предметов для их засечки, глазомерное нанесение очертаний берега между засечками, невозможность проверки морской съемки более частыми высадками на берег, ошибки в опознании урочищ со стороны моря местным проводником, который прежде различал их со стороны суши. Указывая на это в своей книге, автор не отметил, что годом позже А.И. Бутаков уточнил первую морскую съемку почти ежедневными астрономическими наблюдениями на западном берегу.

Первоначально решив выполнить инструкцию, не разрешавшую обследовать южный берег, начальник экспедиции распорядился в час пополудни сняться с якоря у урочища Кынь-Камыс и идти в северо-восточном направлении, рассчитывая прямым путем выйти к восточному берегу Аральского моря. Он полагался на карту Арала, полученную в Оренбурге, согласно ей шхуна должны была пройти остров Токмак-Ата милях в 25 к югу. Однако к вечеру показалась островная суша, по всем признакам судно подошло к острову Токмак-Ата. Через несколько часов на мелководье отдали якорь. Вскоре ветер затих и начался затяжной штиль, сопровождаемый зыбью.

Ранним утром 26 августа на берегу острова моряки увидели “...кой-где кибитки, ходили верблюды, бараны и рогатый скот. По временам показывались на аргамаках всадники, смотревшие на шхуну с любопытством, но лодок не было видно”, – записывает А.И. Бутаков в путевой журнал. К вечеру он принимает дерзкое решение: “Не имея возможности сняться с якоря при штиле и противной зыби и желая, чтоб нечаянное пребывание мое этих мест *не осталось бесполезным для гидрографии* (выделено нами – В.Л.), а вместе с тем, чтоб не возбудить подозрений хивинцев, я отправил ночью г. г. прапорщиков Поспелова и Акишева

---

⁹ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 66.

на шлюпке, чтоб промерить далее к югу...”¹⁰. Для большей безопасности было взято оружие и глухой фонарь, а вальки весел обернуты тканью. Команда судна была приведена в полную боевую готовность. Ночь прошла без происшествий, позволила путешественникам на промерной шлюпке незаметно обойти остров с юга. Оказалось, что он соединен с материком песчаной отмелью глубиной не более 2 футов (около 0,5 м).

Утром 27 августа ветер стих и шхуна направилась в море. Но к 11 часам наступил штиль, а зыбь осталась, пришлось отдать якорь. Для обозрения местности Бутаков и Акишев поднялись на мачту, чтобы с помощью компаса засечь румбы на видимые устья Аму-Дарьи, а также 4-верстовой пролив, которым отделялся Токмак-Ата от материка и глазомерно зарисовать их. Кроме того, Алексей Иванович определил широту и долготу стоянки. Ночью со шлюпки снова были проведены промерные работы, в которых участвовали начальник экспедиции и топограф. Разделившись, моряки измерили глубины мелководных, с вязким илистым дном, устьев. Благополучно вернулись на судно за час до рассвета.

Обобщая собранный тайным образом материал А.И. Бутаков пришел к важному выводу: “Сколько можно было судить, те устья, которыми Аму впадает в море подле острова Токмак-Ата, составляют множество наносных островов, поросших большею частью камышом; вне их образуются новые отмели, которые обнажаясь, превращаются также в островки, и таким образом река беспрепятственно стесняет бассейн моря”¹¹. Далее следуют рассуждения начальника экспедиции, раскрывающие широту его взглядов на освоение довольно крупной островной суши.

“Остров Токмак-Ата представляет большие удобства для устройства укрепления или коммерческой фактории. Доступ к нему весьма легкий, хотя судну и нельзя подойти очень близко. Но дно окружающей его отмели состоит из чистого песка с небольшой примесью ила, так что с гребных судов можно выгружать тяжести на телеги, которые, я уверен, не увяжут. Лесу на нем много – конечно, не строевого, но все-таки могущего быть употребленным с большой пользой, что я весьма хорошо мог рассмотреть с вершины мачты; корм для скота должен быть хорош и в достаточном количестве, сколько я мог судить по множеству пасшихся тут верблюдов, баранов и рогатого скота, вероятно, есть также корм и для лошадей, которых я видел довольно много. К сожалению, не могши выйти на берег по данной мне инструкции, я не могу судить о качестве почвы для земледелия, которым, судя по

---

^{10, 11} Бутаков А.И. “Дневные записки...”. С. 21.

наружным признакам, здесь занимаются. Вода пресная подле, и рыбы, в то время, когда она идет на пресную воду, должно быть множество... Для перевозки же тяжестей были бы весьма удобны железные плоскодонные баржи, которые сидят в воде очень мало и поднимают большие тяжести”¹².

К этому добавляются сведения А.И. Макшеева: остров Токмак-Ата назван по имени святого, поэтому летом его посещают паломники, а зимой сюда приезжает хивинский хан. Рассказывая о плавании шхуны у южного берега, автор оправдывает смелые действия начальника экспедиции: “В интересах России и науки Бутаков не мог подчиниться пункту данной инструкции. Нарушая его, он оправдывался противными ветрами, штилем и прочее, но после успеха дела, оправдания эти оказались излишними”¹³.

Два последующих дня – 28–29 августа – из-за мертвого штиля шхуна стояла на якоре. При появлении утреннего легкого ветерка судно попыталось лавировать к выходу в море, но безуспешно, поскольку вскоре наступил мертвый штиль. Лишь 30 августа при северо-восточном ветре “Константин” медленно вышел из большого пресноводного залива Талдык, куда впадает одноименным устьем Аму-Дарья. А.И. Бутаков обратил внимание на то, что ее вода проникает в море еще на 5 верст. Границей перехода мутно-желтой пресной воды в горько-солонатовую зеленую прозрачную морскую является резкая черта, где они смыкаются. 31 августа шхуна очень медленно продвигалась вдоль южного берега к востоку, но на ночь заштилело и пришлось стать на якорь. Поскольку штиль сохранился весь день 1 сентября, стоянка судна продолжалась.

Более благоприятной для дальнейшего плавания погода стала 2 сентября, когда на рассвете задул небольшой ветер. “Константин” продолжил путь вдоль южного берега. К полудню подошли к песчаному выступу, по обе стороны которого расположены заливы Иске и Туще-Бас. С верхушки мачты с трудом просматривался восточный рукав Аму-Дарья, с сильно обросшими камышом берегами. А.И. Бутаков определил его как известный по распросным данным Улу-Дарья. Около полудня ветер посвежел, приняв восточно-северо-восточное направление. Это позволило шхуне медленно двигаться в сторону юго-восточного угла Аральского моря.

В течение 3–6 сентября “Константин” усиленно лавировал к востоку, но с малым успехом, так как ветер стихал к утру, а к

---

¹² Бутаков А.И. “Дневные записки...”. С. 26.

¹³ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 69.

3–4 часам дня заметно усиливался. Это создавало сильное волнение, опасное при господствующем обширном мелководье; приходилось каждый раз становиться на якорь до утра.

В таких неблагоприятных условиях заканчивалось почти двухнедельное рекогносцировочное обследование южного берега. Он оказался низменным (исключая несколько возвышенный остров Токмак-Ата), почти повсеместно заросшим камышом у воды, а его прибрежное дно – мелководным, сложенным в устье илами, в заливах песками. Так, преимущественно противные северные и северо-восточные ветры, господствующие здесь, удвоили срок плавания “Константина” на юге Аральского моря по сравнению со временем (неделя), затраченным на исследование западного берега.

7 сентября судно, наконец, вошло в юго-восточный угол Арала, где на широте 44 экспедицию ожидало ее первое географическое открытие. Матрос, любимец экипажа Сахнов, дежуривший на марсовой площадке, как оказалось, в 20 верстах от материка увидел низменную землю. Съемка показала, что эта вытянутая на северо-восток песчаная полоска, покрытая камышом, саксаульником и гребенщиком, имеет длину в две версты, а ширину сажень 50. Остров был назван А.И. Бутаковым в честь В.А. Обручева как первое открытие экспедиции, снаряженной командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Приказчик Захряпин, по известным ему признакам, определил это место “весьма уловистым”.

8 сентября Алексей Иванович решил направить шхуну по диагонали на северо-запад, чтобы пересечь Аральское море посредине, как предусмотрено инструкцией. Начали именно отсюда потому, что дальнейшее обследование восточного берега, при трудной лавировке осложнялось. Ведь в условиях господства противных северо-восточных и восточно-северо-восточных ветров, разбивающих бурное волнение на обширном прибрежном мелководье, очень опасно было совершать на шлюпке необходимые высадки на берег для определения астрономических пунктов. Благоразумие заставило начальника экспедиции отложить съемку восточного берега на следующий год. В 9 часов утра шхуна снялась с якоря и особенно ходко шла вечером, когда засвежело. Она продолжала плыть всю ночь по открытому морю с постоянной глубиной около 15 сажень.

Утром 9 сентября, в седьмом часу, на западной стороне по ходу “Константина” путешественники увидели высокий остров, который сперва приняли за Барса-Кельмес. Однако, проверка числением убедила Бутакова, что это новое географическое открытие.

“Так как дров и воды оставалось у меня мало, – пишет он в “Дневных записках”, – и я не знал, найду ли их там, то решил зайти наперед к Барса-Кельмесу или полуострову Куланды, а потом, запасшись всем нужным, идти исследовать новооткрытый остров (подчеркнуто нами – *В.Л.*)”¹⁴. Из-за штормового северо-восточного ветра шхуне пришлось простоять на якоре за уже обследованным мысом Узун-Каир в течение почти трех дней, сделав все необходимое.

12 сентября в 6 часов утра нетерпение заставило Алексея Ивановича дать команду сниматься с якоря и идти в юго-западном направлении, хотя море все еще не утихомирилось. Начальник экспедиции сделал это, рассчитывая на уже в который раз показавшие себя хорошие качества шхуны. В 6 часов вечера был отдан якорь у западного берега большого острова, названного именем царя Николая. Заметим, в августе 1848 г. Г.И. Невельской отправился на судне “Байкал” осваивать Дальний Восток. Уже в 1850 г. основал в устье Амура Николаевский пост (ныне г. Николаевск), названный также в честь императора. Но ни А.И. Бутакова, ни Г.И. Невельского это не спасло от последующих монарших немилостей.

Ранним утром следующего дня Акишев с 5 матросами высадился на остров и приступил к его съемке. А.И. Бутаков с К.Е. Поспеловым сделали астрономические наблюдения. Между тем, к концу дня шторм еще более разбушевался, и шхуна стояла уже на двух якорях. Так было все дни пребывания здесь с 12-го по 21-е сентября, что делало невозможной морскую съемку вокруг острова с промерами прибрежных глубин. Пришлось ограничиться топографической, которая и была выполнена Акишевым с 13-го по 19-е сентября.

Кроме того, севернее был открыт узкий песчаный остров с густыми зарослями камыша и саксаула, названный Наследником, а южнее – такого же типа остров, получивший название Константин (по имени шхуны). 21 сентября удалось произвести топографическую съемку первого из них, его длина оказалась равной 9 верстам, а ширина всего 100–200 саж.

Все эти острова, находящиеся в 60 верстах от Усть-Урта, названы Царскими. Об их существовании не было известно ранее. Это подтверждается тем, что на острове Николай моряки встретили множество сайгаков, которые совершенно не боялись их, продолжали стоять на месте даже при ружейных выстрелах.

---

¹⁴ Бутаков А.И. “Дневные записки...”. С. 28.

Команда, полтора месяца питавшаяся солониной, ежедневно съедала по два сайгака. Глядя на моряков, А.И. Макшеев вспоминал, как еще совсем недавно команде приходилось терпеть недостаток в пище, а то и в пресной воде. Ведь привезенное из Оренбурга продовольствие, которое к тому же было заготовлено за долго до экспедиции, испортилось: сухари заплесневели, в солонине завелись черви, масло прогоркло. Впоследствии в своей книге он написал, как в этой обстановке поступал начальник экспедиции: “Бутаков вывешивал иногда на ванту кусок солонины и, когда били рынду (обеденный звон колокола в полдень – *В.Л.*), закусывал им, предварительно сняв белый слой червей и посыпал перцем тех, которые уже забрались в поры мяса; но, мне кажется, он делал это не ради гастрономической причуды или даже голода, а единственно для ободрения команды. По крайней мере я не мог следовать его примеру”¹⁵.

Стремление Алексея Ивановича к обстоятельному исследованию острова Николая не могло осуществиться в эти беспокойные десять дней. Ему удалось произвести лишь самые общие наблюдения за природой. В беглых заметках отмечается существование глинистых возвышенностей в северо-восточной и восточной частях острова, а также обширных заливов на севере и юго-востоке. Автор подчеркивает, что здесь распространены песчаные бугры, заросшие преимущественно саксаульником; внутри острова имеются несколько соленых озер, окаймленных камышом. На небольшой глубине в изобилии есть грунтовая вода. Кроме сайгаков на острове живут лисицы, встречен волк. Много диких гусей, уток, бакланов и куликов.

А.И. Бутаков обратил внимание, что острова Николай и Наследник соединяются отмелью с глубиной меньше 1 саж. Он высказал предположение: в будущем они составят одно целое “потому что на отмель между ними волнение (подчеркнуто нами – *В.Л.*) господствующих северных и северо-восточных ветров беспрестанно наносит более и более песку”¹⁶. С современных научных позиций дается правильное объяснение, как под действием волнения образуется наносная суша. Но в середине XIX в. ее возникновение связывалось с действием морских течений. Приходится удивляться самостоятельности научного мышления исследователя, основанной на его наблюдательности в изучении морских природных явлений.

---

¹⁵ *Макшеев А.И.* “Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю”. С. 57.

¹⁶ *Бутаков А.И.* “Дневные записки...”. С. 29.

21 сентября “Константин” при перемене ветра на южный снялся с якорей и направился по все еще бурному морю в сторону Куг-Арала. По пути зашел на остров Наследник, где была проведена полуинструментальная съемка. С непрерывно продолжающимся перед самым завершением плавания штормом связаны следующие строки в “Дневных записках”: “Вообще же Аральское море, одно из самых бурливых, не имеет для моряков ни одного безопасного и удобного приюта, если за каким-нибудь мысом можно укрыться при одном ветре, то его же надо в высшей степени остерегаться при первой перемене погоды, отчего плавание здесь самое беспокойное”¹⁷.

А.И. Бутаков торопился ввести судно в Сыр-Дарью – опасался, что осенью ее устье сильно обмелеет. Поэтому он отказался от прежде запланированного обследования северной части моря. Воспользовавшись благоприятной сменой направления ветра, утром 22 сентября “Константин” вошел в реку, а 23 сентября в 6 часов вечера стал на якорь в ее устье. Согласно инструкции надо было обосноваться на зимовку там, где осенний и зимний лед не повредит шхуне, поэтому в качестве стоянки избрали небольшой залив острова Кос-Арала со слабым течением. К 25 сентября освободили судно от тяжелых грузов, 26-го протащили шхуну через мель и отшвартовались у форта Кос-Арал, вблизи рыболовной ватаги. 5 октября А.И. Бутаков спустил свой брейд-вымпел и флаг в знак официального завершения первой кампании на Аральском море.

Строго выполняя свои обязанности по текущей отчетности перед генералом Обручевым, уже 24 сентября Алексей Иванович посылает ему второй рапорт с Аральского моря. Он описывает на 10 листах основные события, произошедшие с 13 августа после встречи со шхуной “Михаил” у острова Барса-Кельмес, когда был отослан первый рапорт. Кратко сообщает об исследованиях полуострова Куланды, разведке каменного угля. Затем следуют описания западного и южного берегов (с указанием мысов, глубин и т.п.). Начальник экспедиции приводит первые гидрографические сведения об устьях Аму-Дарьи по произведенным промерам, рассказывает об открытии неизвестного местным жителям острова в юго-восточном углу моря и Царских островов в его центральной части. Докладывает о том, что 23 сентября 1848 г. команда прибыла в устье Сыр-Дарьи.

Сразу же после захода “Константина” в Сыр-Дарью, 25 сентября, А.И. Макшеев попрощался со своими товарищами и от-

---

¹⁷ Там же. С. 39.

правился в Раимское укрепление. Оттуда, пользуясь оказией, через несколько дней выехал в Оренбург, где вручил начальству путевой дневник плавания по Аральскому морю, рапорт А.И. Бутакова

“Семейный” же отчет о кампании Алексей Иванович посылает 3 октября в Николаев родителям, а значит и братьям Григорию, Дмитрию, Владимиру, служившим на Черноморском флоте. Зная, что глава семейства Иван Николаевич очень интересуется результатами его плавания, сын подробно повествует об экспедиционных событиях, употребляя такие выражения как “первое плавание великого главнокомандующего всеми морскими силами Российской империи на здешних водах конечно благополучно и не без пользы”. Далее он пишет об обнаружении пласта каменного угля, открытии в середине моря островной группы (имеются в виду Царские острова. – *В.Л.*). Также приводит данные о распределении глубин – наиболее значительных на западе (до 37 сажен) у крутого каменистого берега (до 300 футов высотой). Рассказывает о том, как богато Аральское море рыбой – осетрами и сомами.

В письме все подается в шутовском тоне: много говорится об особенностях Арала, но ни слова о трудностях плавания, хотя бы о том, что изучаемое море в то же время “одно из самых бурливых... отчего плавание здесь самое беспокойное”, как объективно пишет сам автор в “Дневных записках”.

Через неделю, 10 октября, А.И. Бутаков составляет донесение начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову. В противоположность письму родителям оно написано деловым стилем и более, чем в три раза объемнее официального рапорта Обручеву (на 35 листах)¹⁸. По своему содержанию документ в основном повторяет в развернутом виде оба послания начальнику Оренбургского края. Важно, что донесение Алексея Ивановича начинается признанием заслуг его предшественников. Начиная с 30 июля и заканчивая 23 сентября 1848 г., он описывает ход Аральской экспедиции по обследованию северного, западного и южного берегов, особенно подробно – опасный промер у устьев Аму-Дарьи. Много говорится об открытии новых островов – Обручева и Царских. Сообщается, что брейд-вымпел А.И. Бутакова спущен 6 октября (в “Дневных записках” указывается 5 октября).

Из первых официальных документов, в которых кратко подводятся итоги кампании 1848 г., ясно: была заложена надежная

---

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 32.

основа для завершения в 1849 г. гидрографических работ с составлением окончательного варианта карты Аральского моря. Это сделано героическим экипажем “Константина”, преодолевшим лишения и опасности ради раскрытия тайн неведомого отдаленного пустынного бурного моря. В труднейших условиях были собраны первые комплексные сведения о его природе – геологические, морфологические, гидрографические, метеорологические, ботанические и зоологические. Зимой 1848–1849 гг. на стоянке в устье Сыр-Дарьи экипажу предстояло заняться первоначальной обработкой собранного материала и подготовкой ко второй морской кампании.

Зимовка на Кос-Арале

По прибытии на место зимней стоянки команда начала готовить помещение, поэтому до окончания постройки более недели все жили на шхуне, а затем переселились в сооруженную небольшую крепость с четырьмя орудиями. А.И. Бутаков взялся за изучение татарского языка – общего для киргизов (казахов) и башкиров. Целеустремленный в познании языков, необходимых для пользы дела, Алексей Иванович успел усвоить немного казахских слов, но этого ему было недостаточно. Напомним, что так офицер поступал и прежде, когда перед кругосветным плаванием самостоятельно занялся итальянским и португальским языками, владение которыми тогда пригодилось.

Заботясь о благополучии предстоящей зимовки, начальник экспедиции с начала октября беспокоился о снабжении команды овощами. Он надеялся не только на транспорт, с которым осенью будут привезены лук, чеснок, сушеная капуста и прочее, но и на огороды местных казахов. Здесь разводились в немалом количестве капуста, редька, огурцы, морковь, арбузы и дыни.

Появилась и другая забота: уже тогда жители сообщили ему о тигрице с двумя детенышами, обитающих на острове Кос-Арал, нужно было принять меры предосторожности. Летом джұлбарс (так казахи называют тигра) съел одного человека, затем и четырех волов рыболовной ватаги, 19 ноября – ее лошадь. Надо было действовать.

Совместно с казахами и рыбаками было решено 20 ноября провести облаву на зверя. Собралось человек 45. В письме родителям от 24 ноября под свежим впечатлением от облавы А.И. Бутаков подробно рассказывает о незабываемом событии. Тигра обнаружили недалеко от Раима, в трудно проходимых зарослях камыша, когда продвигались с барабанной трескотней и криками. Облавой окружили густой камыш, в котором притаился хищник. Один из солдат (ранее убивший двух тигров под Раимом), сперва всадил одну пулю в бок страшному зверю, а затем

второй, выпущенной с двух сажен прямо в лоб, положил его за-
мертво.

О дальнейшей повседневной жизни на зимовке Алексей Ива-
нович пишет в новом письме родителям. Он красочно, как всегда
в шутливой форме, рассказывает, что “старший врач моего фло-
та” (фельдшер Истомино) лечит многих больных киргизов, каза-
хов. Описывает, как матросы и солдаты встретили рождествен-
ские святки, на маскараде наряжались генералами, турками, мед-
ведями, тиграми т.п. “Такие мои новости – одичалого жителя пу-
стыни”. Этими словами заканчивает сын свое письмо.

Команда шхуны “Константин” вернулась из путешествия здо-
ровой, почти без потерь личного состава, несмотря на тяжкие ус-
ловия плавания. Это стало возможным благодаря непрерывной
работе начальника Аральской экспедиции о подчиненных. Она
проявлялась не только в разумной организации повседневного
труда и по возможности разнообразного питания, но и веселого
отдыха моряков. Много значило доброжелательное отношение
А.И. Бутакова к местному населению, всячески поддерживаемое
им и среди членов команды. Он изучил казахский язык, заводил
товарищеские отношения с местными жителями. Немало време-
ни Алесей Иванович уделял этнографическим наблюдениям, ин-
терес к которым проявлял, как известно, еще в кругосветном пу-
тешествии.

Начальник экспедиции не мог не заметить таких прекрасных
качеств казахов как дружелюбие и гостеприимство при их бедно-
сти. Кочующие по Сыр-Дарье киргизы (казахи) были четырежды
ограблены хивинцами в течение каких-нибудь 8 месяцев. Офицер
понимает, что дальнейшее присоединение земель, заселенных
подданными хивинского ханства, помогло бы им приобщиться к
более высокой культуре, освободиться от жесткой азиатской дес-
потии. Эти мысли появились у него еще летом, при встрече на
юго-западном берегу с кочевниками, которые знали о преимуще-
ствах русского подданства перед хивинским.

Во время зимовки на Кос-Арале произошел ряд приятных для
А.И. Бутакова событий. 12 января ему присваивается очередной
чин капитан-лейтенанта. Это произошло после того, как 25 дека-
бря В.А. Обручев представил военному министру рапорт об окон-
чании кампании 1848 г. (с описанием Арала и первым вариантом
морской карты). Тогда же генерал обратился к А.С. Меншикову
с просьбой написать для царя заключение на награждение офице-
ра. Император, рассмотрев карту моря, повелел, наконец-то, про-
извести Бутакова в следующий чин. Алексею Ивановичу при-
шлось носить звание лейтенанта 11 лет, что связано, как извест-

но, с длительным гонением на него со стороны всемогущего Меншикова.

27 января, через год после представления А.И. Бутакова в действительные члены Императорского русского географического общества, на Кас-Арал с почтой приходит диплом об избрании. Тем самым, признавалось, что моряк оправдал доверие именитых научных деятелей, рекомендовавших его для изучения Арала. Рекогносцировочное обследование моря состоялось, и начальник экспедиции заслуженно был отмечен признанием научной географической общественности.

Все это еще более вдохновило Алексея Ивановича. С К.Е. Поспеловым он систематизировал астрономические вычисления, а с Вернером – геологические и ботанические коллекции. Много рисовал и писал Т.Г. Шевченко. А.И. Бутаков готовил личный состав к кампании на Аральском море в 1849 г. В связи с расширением объема исследований предстояли значительные изменения в составе экспедиции.

По этой причине выход в море намечался на начало мая, а окончание исследований на вторую половину сентября 1849 г. Гидрографические работы должны были самостоятельно вести уже на двух шхунах – “Константине” (под командованием А.И. Бутакова) и “Николае” (начальник К.Е. Поспелов)¹. Для пополнения команд двух судов намечалось взять солдат-добровольцев. Вместо покинувшего экипаж А.А. Акишева прибыли топографы К.Д. Рыбин и М.Ф. Христофоров.

Бутаков решил отдать большую часть опытных матросов на шхуну “Николай”, а на “Константине” оставить в основном солдат, чтобы выучить их морскому делу. В связи с переходом К.Е. Поспелова на “Николай” Алексею Ивановичу пришлось думать о замене этого надежного морского офицера новыми помощниками – Истоминым и Вернером. Оба – фельдшер и новопроизведенный унтер-офицер – взялись за изучение обязанностей вахтенных офицеров на судне. Начальник экспедиции отлично знал свое дело, так и людей, с которыми собирался работать на научно-исследовательском судне во все еще мало известном море.

О планах проведения кампании 1849 г., а также о последних среднеазиатских новостях он в письмах сообщает начальнику по морскому ведомству А.С. Меншикову. Так, в послании от 9 марта рассказывает о новых случаях проявления симпатий местного населения к русским. Сообщается о приготовлении к предстоящей

---

¹ “Николай” был введен в строй на Арале еще в 1847 г.

экспедиции, о выполнении намеченных первоочередных мероприятий. За несколько дней до выхода судов в море, в письме от 2 мая, офицер подробно описывает, каким образом завершается подготовка обеих шхун и инструментов к предстоящим гидрографическим работам; приводится детальный план их выполнения.

В ходе последней кампании на море А.И. Бутаков намеревался на “Константине” закончить промер и полуинструментальную съемку всех участков Арала, исключая его восточную часть. Планировалось также определить новые астрономические пункты. Большое внимание начальник экспедиции собирался уделить описи ранее полностью не обследованного восточного берега с прилегающими островами. Берег отличается изрезанностью контура при чрезмерной мелководности побережья. Эта трудная и ответственная работа поручалась К.Е. Поспелову, которого Алексей Иванович высоко ценил как сведущего в морском деле самостоятельного в своих действиях офицера. В этих качествах моряка А.И. Бутаков неоднократно убеждался, работая вместе с ним в первой кампании. На базе собранного обширного описного и съемочного материала должна быть составлена первая навигационная карта Аральского моря.

В последние два дня перед выходом экспедиции в море Бутаков и Поспелов проверяли хронометры и определяли девиацию судовых компасов. 6 мая были закончены астрономические наблюдения для проверки хронометров, что позволило официально начать кампанию этого года. На судах подняли флаги, а на шхуне “Константин” и брейд-вымпел начальника экспедиции. Команда перешла на питание морской провизией, которой на три месяца было заготовлено на “Константине” и на 2,5 на “Николае”.

Весь день 7 мая пытались произвести определения девиации компасов на шхунах, для чего перешли от острова Кос-Арал к самому устью Сыр-Дарьи. Однако это не удалось из-за сильного речного течения, которое мешало судну надежно стоять при засечке разных румбов. Пришлось ограничиться определением склонения компаса, а определение его девиации произвести в ближайшее время в удобном закрытом месте при штилевой погоде. Вечером судовые команды провели учебные стрельбы из ружей на берегу. К этому времени с учетом предстоящих работ был окончательно сформирован и личный состав обеих шхун.

На “Константине” остались первые помощники Бутакова – топограф унтер-офицер К.Д. Рыбин и унтер-офицер Ф. Вернер. Для исследования известных местному населению аральских урочищ был взят казах-проводник Сарымбек. Три четверти команды составляли пехотные солдаты и только одна четверть приходи-

лась на опытных моряков. На “Николае” ближайшим помощником К.Е. Поспелова был топограф унтер-офицер М.Ф. Христофоров; экипаж почти полностью состоял из знающих морское дело матросов-астраханцев. Однако шхуна по мореходным качествам заметно уступала “Константину”, так как не могла хорошо лавировать. Это усиливало опасность плавания. Интересно, что имеющие лишь унтер-офицерское звание сведущие топографы Рыбин и Христофоров происходили из солдатских детей. К началу плавания они прошли 15-летнюю суровую армейскую службу. Добавим: на шхуне “Николай” находился Т.Г. Шевченко.

К предстоящей кампании были подготовлены и необходимые журналы наблюдений, среди которых важными отчетными документами являются астрономические и шканечные журналы. Существенно, что содержание шканечного журнала, введенного на шхуне “Константин” на этот год, было расширено. Прежние графы – часы, ветер, курсы, узлы, дрейфы – дополнились двумя новыми – температура воздуха и воды. Тем самым усиливалось научное значение экспедиционных материалов. Из-за недостатка соответствующих измерительных приборов на “Николае” его шканечный журнал по своему содержанию не изменился в сравнении с прошлогодним.

Можно было приступить к гидрографическим работам для завершения описания и картографирования неведомого моря.

Второе плавание по Аральскому морю

8 мая в 8 часов утра, обменявшись 7 выстрелами из орудий, суда вышли из устья Сыр-Дарьи в море. К.Е. Поспелов занялся съемкой восточного берега, а А.И. Бутаков направился далее на юг. К вечеру заштило, “Константину” пришлось становиться на якорь у острова Каска-Кулан. Довольно крупный песчаный остров покрыт преимущественно кустами саксаульника. Ночью резко усилившийся ветер заставил моряков бросить и другой якорь.

Только в полдень следующего дня ветер заметно утих, и шхуна снова медленно двинулась в южном направлении. Однако к вечеру погода прошедшего дня повторилась: не было ни малейшего дуновения, поэтому сделали ночную стоянку у острова Кузь-Джитпеса, сходного по своей природе с Каска-Куланом. Мимо названных островов шхуна шла с большой осторожностью, находясь от них на расстоянии в четырех и более верст, так как морские глубины достигали лишь 1,25 сажень (около 3 м) и менее.

Далее в “Дневных записках” за 1849 год, также как в 1848-м, ежедневно немногими строками А.И. Бутаков описывает приметные события. Подробности некоторых из них, часто опасных, можно найти в письмах офицера; к ним мы будем обращаться в отдельных случаях. Помогут и сохранившиеся записки воспоминаний лиц, знавших его в тот период. Отличаясь скромностью, автор не говорит в “Дневных записках” о том, что касается лично его заслуг; считая успехи экспедиции результатом труда офицеров и матросов.

В течение трех последующих дней – 10 – 12 мая – судно двигалось на юго-восток от острова Кузь-Джитпес, пытаясь выйти к одному из старых сырдарьинских устьев – Куван-Дарье. 10 мая шхуна села на мель, протянувшуюся на 2 версты к северу. А.И. Бутаков подчеркивает, что ее надо остерегаться: мель удалена от берега и не заметна. Поэтому ее называли “Берегись”. На следующий день были проведены астрономические наблюдения

на подходе к устью Куван-Дарья, для чего из-за мелководья воспользовались шлюпкой. 12 мая снова вернулись на “Берегись”, осмотрели ее и определили географические координаты. Здесь был поставлен опознавательный знак.

Пользуясь сменой противного южного ветра на легкий попутный, утром 13 мая “Константин” пошел дальше вдоль прибрежных островов и к 2 часам пополудни стал на якорь у острова Чучка-Баса. Вскоре сила ветра настолько прибавилась, что был отдан второй якорь. Последующие два дня со шхуны все еще нельзя было выслать шлюпку для топографической съемки острова. Лишь 16 мая Рыбину удалось снять его, А.И. Бутаков провел астрономические наблюдения. Чучка-Бас оказался небольшим островом, сложенным из наносов песчанистого и солонцеватого состава (с зарослями камыша и гребенщика). На следующий день шхуна перешла к расположенному неподалеку маленькому острову Чикита-Арал (с такой же природной средой и обилием гнезд бакланов, чаек, “мартышек”, лебедей). Нигде не обнаружили следов пребывания человека. К вечеру перебрались к ничем не выделяющимся острову Чикан-Арал, который находится совсем близко – к югу от обследованных территорий.

18 мая надолго запомнилось Бутакову и команде “Константина”. В 4 часа утра при спокойном море Рыбин с топографической партией отправился на шлюпке для съемки острова. Через 4 часа ветер настолько усилился, что моряки не смогли вернуться на судно. Еще через час ветер достиг невероятной силы, поэтому был отдан второй якорь. Вечером случился страшный шквал с градом, но якорные канаты еще выдерживали. Однако уже глубокой ночью один из них лопнул, тогда отдали еще якорь.

В своем дневнике Алексей Иванович рассказал об этих ужасных сутках, пережитых на стоянке с глубиной всего 3 м: “Волнение развело огромное и, так сказать, бурунное, отчего каждый вал с ужасной силой ударял шхуну, которая вообще легко всплывает на волны, и я ежеминутно ожидал гибели”¹.

К утру 19 мая ветер заметно ослабел и шлюпка с топографической партией смогла благополучно возвратиться на шхуну. Вскоре “Константин” снялся с якоря и направился к материковому берегу, поздно вечером сделал стоянку у северо-восточной оконечности большого песчаного острова Аталык-Арал. Напряженная работа по морской съемке продолжалась. Вчерашние ужасные переживания постепенно рассеивались, но не забывались.

---

¹ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 34.

Примечательным оказалось 20 мая, когда из-за мелководья шхуна осторожно приблизилась к материковому урочищу Кунган-Сандан, далеко выступающему полуостровом в море. Он разделяет большие заливы – Уч-Уткуль (на севере) и Бусай (на юге), которые составляют крайнюю восточную часть Арала. Для безопасности Бутаков с Рыбиным отправились на берег для рекогносцировочного обследования с вооруженной партией. Выяснилось, что примыкающая к морю суша представляет собой низкую песчаную равнину с дюнами вдоль уреза воды, заросшими во многих местах саксаулом. Здесь расположено крупное соленое озеро, имеющее узкое сообщение с морем. Вода в вырытых колодцах оказалась горькой. Моряки обнаружили много лисьих, сайгачьих и кабаньих следов. На следующий день здесь были сделаны астрономические наблюдения.

На рассвете 22 мая провели шлюпочный промер между полуостровом с урочищем Кунган-Сандан и островом Аталык-Арал, а также осмотр этого острова. Берег явно изменил направление на юго-запад, в ту сторону, куда неторопливо шла шхуна “Константин”. Большую часть этого дня судно плыло к югу вдоль восточного берега, в отдалении от него из-за небольших глубин моря. Поздно вечером ветер стих и шхуне пришлось стать на якорь у северной оконечности неизвестного острова.

22 мая было совершено очередное географическое открытие на Аральском море. В дневнике А.И. Бутакова в связи с этим сказано: “остров этот, *не имеющий киргизского названия* (подчеркнуто нами. – В.Л.) и первое открытие мое в нынешнем году, я назвал в честь его светлости начальника главного морского штаба е. и. в. Остров Меншикова”².

В приведенной цитате обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое – название острову дано из-за отсутствия казахского варианта (на языке коренных жителей). Второе – это сделано несмотря на неприязнь Алексея Ивановича к Меншикову, так как поддержка князя могла понадобиться в оправдании вынужденных нарушений инструкции. Несомненно, присвоение названия острову, неизвестному местному населению, имело немалое значение для развития дружеских отношений с казахами, добровольно присоединившимися к России. По той же причине в составе Аральской экспедиции находился казах-проводник, присутствие которого было предусмотрено инструкцией Обручева.

Весь следующий день занимались обследованием и топографической съемкой песчаного острова. Его длина оказалась рав-

---

² Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 35.

ной 14 верст, а ширина – около 1,5. Вдоль берегов были расположены дюны, заросшие камышом. Прибрежный промер выявил, что западный берег приглуб, обнаружены глубины до 2 сажен (более 3 м) вблизи от уреза воды. Юго-восточный берег выделялся отменностью, чему способствовала расположенная здесь мель, где глубины порядка 4–3 и менее футов (около 1 м). На острове удалось немного пополнить запасы найденной здесь пресной водой, но все же на судне ее по-прежнему было мало.

В течение пяти дней, с 24 по 29 мая, шхуна продолжала идти вдоль восточного берега на юго-запад. Покинув свое последнее пристанище утром 24 мая, уже в 10 часов того же дня обнаружили ранее неизвестный небольшой остров. Бутаков назвал его именем Толмачева в честь начальника пехоты Оренбургского отдельного корпуса, солдаты которого составляли большую часть экипажа “Константина”. Обследование острова было отложено в связи с тем, что Алексей Иванович спешил сделать определение астрономического пункта на удобном, возвышающемся берегу. Вечером шхуна подошла к острову Кызыл-Чалы, из-за мелководья якорь отдали на расстоянии около 2 верст от берега.

25 мая Бутаков, Вернер и двое вооруженных матросов на шлюпке направились к возвышающейся над водой землей, оказавшейся крупным островом Джидели. Отсюда открылся вид на узкий пролив, которым Джидели отделяется от материкового урочища Биш-Кум с двумя заливами по обе стороны – по своей природе оно было сходно с материковым урочищем Кунган-Сандан. Здесь также сначала располагается прибрежная песчаная равнина с дюнами, поросшими кустарниками; имеется два соленых озера значительных размеров. Замечены были возвышающиеся песчаные холмы. Астрономические же наблюдения путешественники выполнили лишь через день, так как 26 мая все время дул сильный ветер, не позволявший отправиться на берег.

Несомненный научный интерес вызывают сделанные на двух материковых урочищах природные наблюдения, а также предварительное обобщение собранных материалов посредством сравнительного метода. Обращено внимание на такие приморские морфологические образования как дюны, а также типичные материковые эоловые формы в виде возвышающихся песчаных холмов. Подмечено сходство в растительном покрове обоих урочищ и в образовании соленых озер, еще сохранивших связь с морем.

Вечером 27 мая, после завершения астрономических наблюдений, шхуна направилась к острову Обручева на ночную стоянку. На следующее утро судно снялось с якоря и в час дня стало у острова Толмачева. Топограф Рыбин немедленно приступил к

съемке, которую закончил через 5 часов. Здесь “Константин” простоял на якоре всю ночь. Запись в шканечном журнале гласит, что за сутки ветер имел преимущественно северо-северо-западное и северо-западное направления, временами прерывался штилем, температура воздуха достигала максимума 21°, а минимума 11°; температура воды все время была на отметке 17° (по Реомюру). Отмечено также, что в 4 часа на шхуне 2,5 дюйма воды (в трюме); 8 человек страдают поносом.

Последняя запись объясняет, почему утром 29 мая А.И. Бутаков распорядился сняться с якоря и идти в южном направлении, к крайнему необитаемому протоку Аму-Дарьи при благоприятном ветре. Дело в том, что к этому времени запасы пресной воды иссякли, пришлось пить морскую, появились больные. Вечером шхуна стала на якорь при впадении указанной протоки в залив Джалпак. Казалось, беды связанные с нехваткой пресной воды, закончатся 30 мая. Но... с наступлением нового дня усилился ветер, заставивший судно стоять на двух якорях. 1 июня при временном его ослаблении шхуна перешла на расстояние 1,5 мили от берега, но забортная вода была лишь немного преснее морской.

Только под вечер 4 июня стихло, и можно было подготовиться к шлюпочной вылазке на сушу, запланированной на утро следующего дня. В 7 часов утра Бутаков, Рыбин и вооруженные матросы в поисках места, удобного для пополнения запасов пресной воды, пересекли залив Джалпак. При этом была обнаружена поперечная отмель, а в восточной стороне мелководного залива, впадающий в него речной рукав со слабым течением солоноватой воды. “Это меня весьма удивило, – пишет Алексей Иванович в дневнике, – потому что в прошлом году я нашел подле самого судна совершенно пресную воду; но тогда были продолжительные штилы, между тем как уже 2 месяца сряду господствовали почти непрерывно крепкие северные ветры, которые с осени прошлого года занесли устье еще более и следственно еще ослабили истечение пресной воды”³. Моряки произвели глазомерную съемку залива и заполнили столовой водой два 8-ведерных бочонка. Между тем ветер начал усиливаться, поэтому с трудом выгребли к шхуне, которая остальную часть дня вынуждена была стоять на двух якорях.

Ошибку, совершенную у крайней протоки Аму-Дарьи, нужно было исправить. Бутаков решил увести судно с подветренного неприятельского берега, к тому же с почти непригодной для питья водой, снова к острову Меншикова. Там недавно из копаней

---

³ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 37–38.

брали довольно хорошую пресную воду. После того, как железные ящики заполнили солонатовой забортной водой, утром 6 июня шхуна двинулась в обратный путь. Это плавание при противном умеренно северо-северо-западном ветре, вынуждающем к беспрестанной лавировке, продолжалось с 6 по 10 июня.

6 июня “Константин” побывал у материкового урочища Биш-Кума, но там не было пресной воды. 8 июня после долгого лавирования бросили якорь у острова Толмачева, но вода из вырытых копаней оказалась еще более горькой, чем при первом посещении. Пытались добраться до острова Меншикова, однако, из-за сильного северного ветра пришлось еще сутки простоять на двух якорях у острова Толмачева. Только к ночи 9 июня ветер стих.

Утром 10 числа шхуна направилась к прилегающему с востока к острову Толмачева материковому берегу, но и здесь не обнаружили сносной пресной воды. Подойти к острову Меншикова было очень трудно: на плоскодонном судне сложно лавировать против северного ветра. Да и не было уверенности, что и там не испортилась грунтовая вода. Создалось критическое для здоровья экипажа положение. Для А.И. Бутакова состояние подчиненных являлось первейшей заботой. Он принимает рискованное решение. В “Дневных записках” можно прочитать: “Все мы уже несколько дней страдали от соленой воды поносом и у многих из команды были в животе судороги, – я, опасаясь, чтобы поносы эти не превратились в кровавые и не началась смертность, нашелся вынужденным покориться крайности и, снявшись в ночь, спустился к среднему устью Аму, предпочтя его восточному, в котором господствующие свежие северные ветры могли не дозволить мне еще целую неделю посылать шлюпку за довольно дурной водой”⁴.

Целую неделю, с 11 по 17 июня, шхуна лавировала у средней части южного берега. К острову Токмак-Ата “Константин” прибыл уже 11 июня, в 6 часов вечера, став на якорь в двух милях от устья реки. Моряки немедленно начали черпать свежую пресную воду. Благодаря хорошей питьевой воде здоровье команды стало налаживаться. Воспользовавшись наступившим с утра 12 июня штилем, экипаж наполнял железные ящики пресной водой. Алексей Иванович определил географические координаты судна. Бросалось в глаза отсутствие людей на Токмак-Ата в июне. Казах-проводник объяснил это тем, что только начиная с августа месяца остров посещается как святое место.

Ночью Бутаков и Рыбин совершили опасную на хивинской земле вылазку в срединное амударьинское устье Галдык и одно-

---

⁴ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 38–39.

именный залив, в который впадает один из наиболее мощных рукавов Аму-Дарьи. На шлюпке они прошли до устья через обширную отмель, имевшую глубины 1,5–2 фута (около до 3 м). Начальник экспедиции пришел к заключению, что на мелководьях пароходом можно пройти амударьинским рукавом Талдык, используя один из его протоков с более быстрым течением.

В последующие дни – 13, 14, 15 июня – тихие ветры с зыбью заставили шхуну медленно лавировать в заливе Талдык. Это дало возможность сделать съемку его берегов с судна. Попытка сняться с якоря ночью 16 июня, когда начался ровный северо-западный ветер, не увенчалась успехом. Через полтора часа ветер переменялся на северо-северо-восточный и достиг штормовой силы, прижимая “Константин” к южному берегу. Пришлось стать на оба якоря.

А.И. Бутаков высказал научные соображения о своеобразии устьевых процессов. На основе материала, собранного в устье восточного амударьинского протока, который впадает в залив Джалпак, офицер делает вывод: большую роль в его заполнении наносами наряду с речной деятельностью играет морское волнение. “По-видимому, устье здешнее, – отмечается в дневнике, – судя по наносимым островам, было прежде быстро и вливалось в море большое количество воды; но волнением *господствующих северных ветров и выносимой рекой грязью* (подчеркнуто нами. – В.Л.) нанесло в него столько песку и ила, что оно мало-помалу засоривалось и мелело, а вместе с тем и течение его ослаблялось, отчего значительная часть воды устремилась в новое, самое восточное устье Аму-Дарьи, впадающее в море у Биш-Кума и называется Джан-Дарьей”⁵. Весьма существенно, что такой взгляд опережал представления многих ученых того времени, считавших поступление речных выносов ведущим устьевым процессом.

Беспокоясь о судьбе команды шхуны “Николай”, хотя и надеясь на ее начальника К.Е. Поспелова, А.И. Бутаков с нетерпением ждал ослабления бушующего шторма. Лишь в 1 час пополудни 17 июня ветер стих, “Константин” снялся с якоря и пошел вдоль юго-восточного берега навстречу второму судну. Алексея Ивановича волновало, что на шхуне К.Е. Поспелова пресная вода хранилась в бочках, в которых довольно скоро портилась. Требовалось снабдить команду “Николая” амударьинской водой. Надо было узнать о выполнении намеченного плана гидрографических работ у восточного побережья Аральского моря, а также обменяться собранными сведениями.

---

⁵ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 37.

18 июня в половине 5-го часа пополудни после непрерывного, более суток хода “Константин” стал на якорь у южной оконечности острова Меншикова. Здесь шхуна простояла еще сутки; выпустили две ракеты, но безрезультатно. 20 июня перейдя к одному из небольших островов на восток, близ материкового берега, обнаружили съёмочный маяк, поставленный К.Е. Поспеловым в знак завершения здесь гидрографических работ. Нужно было возвращаться на юг, поэтому весь день 21 июня судно шло вдоль берега. Встреча со шхуной “Николай” состоялась в тот день поздним вечером, далеко к югу от острова Меншикова. К.Е. Поспелов заканчивал съёмочные работы на восточном побережье, осталось лишь 30 миль.

А.И. Бутаков не ошибся, предчувствуя бедствие от нехватки пресной воды на втором судне. По рассказам командира этой шхуны, вода в бочках сохранялась только первые четверо суток. Затем ее вылили в море; пришлось использовать морскую. В команде начались желудочные заболевания. Картина, знакомая начальнику экспедиции. Поиски устья Куван-Дарья привели к пересохшему руслу: земледельцы-казахи его перегородили в 60 верстах выше по течению. Пришлось некоторое время пользоваться солоноватой водой из копаней на островах, но такая вода портилась через двое суток. Тяжелое положение заставило сделать специальный рейс к восточному устью Аму-Дарьи, в залив Джалпак, где набрали солоноватой воды, какой управлялся “Константин”. Экипаж А.И. Бутакова отдал матросам К.Е. Поспелова 60 ведер драгоценной воды.

В зловещее 18 мая хватил беды и экипаж “Николая”, когда у восточного побережья разыгрался шторм ураганной силы. Команда, состоящая, как известно, в основном из бывалых матросов, возглавляемая замечательным морским офицером, не дрогнула, хотя в страшный шторм положение было не лучше, чем на “Константине”. Уже отмечалось, что по мореходным качествам “Николай” значительно уступал второму судну. Однако обе шхуны выдержали суровые испытания благодаря самоотверженности экипажей, их стойкости, смелости и умелому руководству командиров.

В ночь на 22 июня “Константин” направился к северу для проведения продольного промера моря, а также пополнения запасов продовольствия. На протяжении недели, с 22 по 28 июня, судно двигалось упорно, но очень медленно, со стоянками. Так, в первые три дня шхуне в общем благоприятствовали легкие попутные или боковые ветры, но временами из-за штиля приходилось бросать якорь. 25 июня вовсе пришлось стоять вследствие довольно

сильного противного ветра. В последующие три дня судно беспрепятственно лавировало, используя утром как легкие, так и сильные северо-восточные, а после полудня – северо-западные ветры. Наконец, 28 июня подошли к форту Кос-Арала, остановившись против него с морской стороны. Надо было проплыть через сырдарьинское устье к основному месту стоянки на северной оконечности острова, у рыболовной ватаги. Этого места достигли лишь к вечеру 30 июня.

Как только 28 июня “Константин” подошел к острову Кос-Арал с морской стороны, Алексей Иванович отправил братьям письмо, в котором образно рассказал о пережитой 18 мая жестокой буре. Находясь под свежим впечатлением о своих мытарствах, он подчеркивает, что на Арале с начала апреля дуют северо-восточные и северо-западные ветры. На парусных судах трудно перемещаться с юга на север, поэтому необходимы пароходы.

В этих строках важное значение для науки и практики имеют фрагменты, в которых подчеркивается существенная роль волнения как своеобразного природного фактора, а также заключение: в такой обстановке наиболее целесообразным является освоение Аральского моря с помощью пароходов.

1 июля, на другой день после прибытия “Константина” на свою базу на острове Кос-Арал — Бутаков отправляет Обручеву обстоятельный рапорт о ходе экспедиции, открытии островов Меншикова и Толмачева, состоянии команд (на 15 листах). Этот официальный документ вызвал большой интерес не только сведениями о работе по съемке и описи восточного и южного берегов, о чем более подробно сказано в путевом журнале, но и о трудностях плавания. Сообщается: на шхуне все обстоит благополучно, больных нет. При этом утаивается, что из-за нехватки пресной воды на обоих судах были большие поносы; сказано о мерах, принятых для оздоровления команд. А.И. Бутаков докладывает: при вторичном посещении южного берега ночью с топографом осматривали ближайший проток Аму-Дарьи. Он сообщает Обручеву об острове Токмак-Ата как о лучшем месте для организации рыболовной ватаги.

В рапорте подчеркивается сложная обстановка, в которой пришлось проводить обозрение берегов – в первой половине навигации преобладали довольно постоянные свежие ветра и бурливые погоды. Говорится также о плане дальнейших действий на шхуне “Константин”: обследование северных берегов (в особенности полуострова Куланды), окончание съемки западного берега, промер у Царских островов и в центре Арала. На судне “Николай” предстоит завершить съемку восточного берега (30 миль

на юге и 12 миль на севере) и провести промеры в северной части моря.

В завершение высоко оценивается самостоятельная деятельность К.Е. Поспелова – знающего, распорядительного, неутомимого и отважного офицера. Сказано, что отлично знают свое дело топографы Рыбин и Христофоров. Не забыт унтер-офицер Вернер и фельдшер Истомин, которые овладели штурманским делом и стоят на вахте. Из бывших солдат получились надежные рулевые. Такое окончание рапорта не случайно: оно отражает присущую начальнику экспедиции заботу о подчиненных, которые не подводили его.

Копию этого документа Обручев отправил 23 августа 1849 г. в письмо Меншикову. В послании интересно высказывание, в котором начальник Оренбургского края разделяет мнение Алексея Ивановича: плавание на парусных судах от юга к северу затруднительно из-за господства на море северных ветров. Обручеву хотелось заручиться поддержкой влиятельного князя в вопросе создания Аральского пароходства.

Первые три дня июля Алексей Иванович занимался наблюдениями и вычислениями координат по соответствующим меридианальным высотам солнца в форте Кос-Арал. Команда готовилась к инспекторскому осмотру со стороны местного начальства. Он состоялся 3 июля – было отмечено благополучное состояние экипажа шхуны “Константин”. В тот же день начальник экспедиции отправился в Раимское укрепление за продовольствием, необходимым для продолжения работ. Этим пришлось заниматься целую неделю и только 10 июля Алексей Иванович возвратился на шхуну. Последующие три дня – 11, 12, 13 числа – А.И. Бутаков продолжал наблюдения полуденных высот солнца, чтобы окончательно проверить точность основного хронометра и ввести необходимые поправки.

За две недели стоянки на Кос-Арале на шхуне был произведен текущий ремонт, в том числе и с применением кузнечных работ, приведен в исправное состояние инструментарий. Команда отдохнула от чрезмерных физических нагрузок и почти постоянного нервного напряжения, испытываемых на беспокойном море. Алексей Иванович особенно заботился о свежей провизии и запасах хорошей речной воды. Ведь еще 28 июня, в день прибытия на остров, он посылал шлюпку за водой и за живым бараном для команды.

14 июля шхуна вышла из Сырдарьи в море. В этот день после завершения съемки всего восточного берега Аральского моря (за исключением небольшого участка) на Кос-Арал вернулся “Нико-

лай”. Команда еще не полностью оправилась от перенесенных желудочных заболеваний, а двое членов экипажа тяжело болели цингой. Бутаков немедленно отправил их на лечение в Раимский лазарет. Пospelову же было приказано для окончания съемочных работ через две недели на судне отправиться на остров Чучка-Баса, затем сделать промеры в северной части Арала. После этих наставлений командам можно было расстаться, но сильные юго-западные и западные ветры в течение трех дней не позволяли выйти в море.

Лишь 19 июля, после полудня, ветер ослабел и шхуна “Константин” направилась в залив Перовского для проведения гидрографических работ. Вечером совсем стихло и судно стало на якорь у урочища Кук-Тырнак. На протяжении трех дней проводились промерные работы в заливе, а также преимущественно геологические и морфологические наблюдения на его берегах. Особенно приглянулся Бутакову находящийся в северо-западном углу залива Перовского малый залив Чубар-Тарауз. Его значение для будущего хозяйственного освоения Аральского моря высоко оценено Алексеем Ивановичем. Об этом сказано в экспедиционном дневнике⁶.

“Залив этот, или скорее озеро, с южной и западной стороны мелко, но в северной, вдоль восточного берега и вблизи его, глубина от 8 до 5 ф., т.е. совершенно достаточная для судов, плавающих по Аральскому морю. Совершенно закрытое от всех ветров, озеро это представляет единственную и превосходную природную гавань. Пресная вода в копанях и родниках недалеко оттуда; дрова поблизости, а главное, так как озеро примыкает к пескам Малым Барсукам, которые для караванов и транспортов удобнее Кара-Кум, при учреждении на Аральском море пароходства... По берегам Чубар-Тарауза растет камыш, а в степи, в долине, прилегающей к Барсукам, есть лужайки с травой; в Барсуках же, по словам киргиза моего, везде есть пресная вода в копанях, и пески эти относительно кормов несравненно лучше каракумских, а главное – гораздо короче, чем по пути с Оренбургской линии” .

Значительное внимание Бутаковым уделено описанию природных особенностей залива Перовского и его берегов. По обе стороны входа в залив, достигающего здесь ширины в 4 мили, расположены высокие (до 350 ф.) урочища – на востоке Кук-Тырнак, а на западе Чубар. Они сравнительно круто обрываются к берегу, состоя из пластов глины и глинистого сланца; следующая за возвышенностями глинистая равнина покрыта травой и кустарником.

---

⁶ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 42.

Обширный залив Перовского приглуб со всех сторон, исключая восточную, которая в 2-х верстах от берега имеет глубину 1 саж. (около 1,5). С этой стороны берег выделяется отлогостью, местами встречаются родники с пресной водой, обросшие густым камышом и дикой коноплей. Северный же берег возвышенный и крутой как и берег урочища Кук-Тырнак, имеющего сходное морфологическое и геологическое строение. Довольно близко подходят и песчаные бугры Малых Барсуков. Большая часть залива при илистом дне в 2-х верстах от берега обладает значительными глубинами от 5 до 7 саж. (около 8–11 м), в центральной же части – от 12 до 14 саж. (примерно 19–22 м).

Закончив подробное обследование залива Перовского, Бутаков в 5 часу вечера направил шхуну к полуострову Куланды. При благоприятных ветрах за сутки плавания судно обошло остров Куг-Арал и вечером из-за штиля остановилось у мыса Тюбе-Кара. Ранним утром 24 июля снялись с якоря и через 7 часов прибыли к камню Аулье у восточного края полуострова Куланды, в 6 верстах к северу от мыса Изенде-Арал. Расположенный в версте от берега островок Аулье, по описанию Бутакова, имеет вид белого саркофага размером 20 на 50 саж и высотой 35 ф. (12 м), круто обрывающегося к морю. Камень сложен наклонными пластами известняка, а его поверхность занята гнездами пеликанов и бакланов. Сквозь прозрачную воду видны во множестве осетры, сомы и сазаны; в сторону полуострова Куланды протягивается подводный известняковый риф.

Несомненно, собранные Алексеем Ивановичем детальные морфографические данные об островке-камне имеют существенное научное значение. Они позволяют провести сравнение с новыми сведениями, устанавливая степень разрушения известнякового Аулье, т. е. определить темп абразивного процесса. Так, в 1900 г. выдающимся исследователем Аральского моря Л.С. Бергом (впоследствии академиком) было отмечено уменьшение камня в размерах. Еще через столетия, в 1954 г., наблюдения нашей экспедиции выявили заметное сокращение островка в линейных размерах, причем крутизна склонов увеличилась настолько, что уже нельзя было подняться на его вершину. Об этих географических исследованиях Аральского моря будет сказано в заключительной части книги.

Простояв на якоре ночь на 25 июля, на рассвете шхуна перешла к близ расположенному мысу Изенды-Арал, где утром и в полдень начальник экспедиции провел астрономические наблюдения. Затем судно устремилось туда, где в 3 верстах к западу от мыса Изенды-Арал в прошлом году Вернером был обнаружен

пласт каменного угля. Бутаков вынашивал планы запуска пароходов на Аральском море – надо было позаботиться об их снабжении высококалорийным топливом. Рыбину было приказано произвести детальную топографическую съемку месторождения, а команде – заготовить не менее 10 пудов (160 кг) каменного угля. Последующие три дня шхуна стояла на якоре у мыса Узун-Каир, куда перешли ранним утром 26 июля, чтобы выполнить серию наблюдений часовых углов солнца.

28 июля в 4 часа пополудни “Константин” снялся с якоря и направился для промерных работ в залив, омывающий полуостров Куланды с запада, который не имел местного названия. По предложению Алексея Ивановича он был назван в честь военного министра Чернышева. На картах того времени здесь был отмечен залив Ак-Суат, что, по словам проводника-казаха Сарымбека, неправильно, так как мыс с таким названием находится в другом месте – в южной части Усть-Урта.

К закату солнца на берегах была проведена морская съемка, сделаны промеры глубин в прибрежье и посредине залива. Оказалось, что в 2-х верстах от берегов глубины достигают 7–10 саж., а в центральной части – до 20 саж. Следовательно, здесь они несколько больше, чем в заливе Перовского. Выяснилось также различие в геоморфологическом и геологическом строении берегов залива Чернышева. Низкий восточный у моря покрыт песчаными дюнами, сменяемыми буграми из песков. Далее посредине полуострова Куланды виднеются возвышения из белого известняка. В противоположность ему довольно высокий обрывистый западный берег сложен глинами (высотой около 100 ф., т. е. около 35 м).

В конце дня успешной работы ветер стих и шхуна была поставлена для ночевки на якорь.

29, 30, 31 июля шли описные и съемочные работы в крайнем северо-западном заливе Кум-Суат. 30 числа команде “Константина” пришлось перенести новое испытание штормом жесточайшей силы. Топографическая съемка, начатая Рыбиным еще 29 июля, продолжалась и на следующий день. Тогда же Бутаков провел астрономическое определение мыса Кум-Суат, а затем направился на шхуне вдоль берега, чтобы провести необходимые промеры. Вечером судно должно было взять на борт топографов, которые располагали для работы шлюпкой. Однако в 4 часу дня наступил штиль, заставший “Константин” в большом отдалении от них.

В начале 6-го с берега подул ветер, который со временем усиливался. Начальник экспедиции заметил, что шлюпка идет к судну под парусом. Шхуна поспешила ей навстречу – около 6 часов

вечера приняла топографическую партию, а затем стала на якорь. В тот момент с северо-запада налетел жестокий шквал, который превратился в шторм. “Если бы шлюпка опоздала хоть несколькими минутами, или если б я не снялся к ней по ветру, она погибла бы неминуемо, потому что сила ветра, дувшего с берега, от которого шхуна стояла только в 2-х верстах на 4 1/2 саж. глубине, была такова, что развело значительное волнение, и шхуна отстаивалась на обоих якорях. Счастье наше, что шторм этот, несший к нам с берега облака пыли, был не с открытого моря, ибо тогда и самой шхуне не было бы спасения”⁷. Конечно же, спасением преимущественно “солдатская” команда обязана и самой себе – за время нелегкого плавания она превратилась в экипаж настоящих моряков, пройдя выучку у такого знатока морского дела как А.И. Бутаков.

Перенесенные трудности компенсировались ценными для географической науки наблюдениями, сделанными в заливе Кум-Суат. При обследовании одноименного мыса Алексеем Ивановичем были описаны три береговых вала, имеющих разную высоту. Первая от уреза моря гряда (вал) из глинистой гальки и окаменелых раковин сменяется на расстоянии 10 сажен такой же по составу второй, но повышенной грядой. Та через 15 сажен – еще более высокой. Начальник экспедиции приходит к важному выводу о постепенном понижении уровня моря: “По-видимому, каждая из этих гряд образовалась бурунами при разных высотах уровня воды (выделено нами. – В.Л.). Пространство между второй и третьей грядами заросло уже травой и местами кустарником. От третьей гряды в саж. на 50 идет крутая возвышенность, состоящая из глины и пластов глинисто-песчанистого сланца”⁸. Практическое значение имеет и его заключение о заливе Кум-Суат как об удобном якорном месте при преобладающих северных ветрах, тем более что глубины здесь 2–3 сажени при илистом грунте на дне. Поражает, что А.И. Бутаков, не будучи официально естественным испытателем, приходит к научному обобщению теоретического материала, важного для практики освоения Аральского моря.

К утру 31 июля разыгравшийся жестокий шторм несколько ослаб, что позволило шхуне сняться с якоря и направиться к урочищу Каратамак. Оно отделяется от начинающегося Усть-Урта огромным одноименным оврагом, который находится в 23 верстах по прямой от мыса Кум-Суат. На рассвете 1 августа партия Рыбина отправилась на берег для продолжения топографической

---

⁷ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 45–46.

⁸ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 45.

съемки урочища. Алексей Иванович на шхуне прошел вдоль берега, чтобы сделать промеры. В 9 часов утра встали на якорь против начала Усть-Урта, ограниченного с севера оврагом Каратамак (Черное горло, по-казахски). Высадившись на берег, Бутаков с Вернером занялись геологическими наблюдениями. В 6 верстах к югу от Каратамака ими были найдены залежи каменного угля. Пласты находились в глинистых отложениях берегового склона на высоте 30 и 40 футов (10–13 м). По своему качеству здешний каменный уголь оказался значительно хуже, чем добытый из месторождения у мыса Изенды-Арал.

Съемка берега была закончена на следующий день. Не обошлось без приключений. Высадив на рассвете топографическую партию на берег, на шхуне занялись морским промером. Через некоторое время моряки увидели остановившийся караван из нескольких сот верблюдов и множества баранов, его сопровождали примерно 30 верховых. Казах-проводник определил их как базарчи, занимающихся меновой торговлей, для которой скот добывали разбоем. Опасаясь вооруженного нападения на малочисленную, всего из 6 человек, съемочную группу, начальник экспедиции распорядился сделать предупредительный пушечный выстрел; караван оживился и двинулся своим путем. Соблазн у базарчи был велик: за пленных русских, занимающихся описью берегов Аральского моря, в Хиве дали бы высокую цену. На этом опасност для съемочной партии не окончились, так как послештормовая зыбь была настолько огромной, что возвращающаяся поздно вечером шлюпку чуть не залило в бурунах.

На прямолинейном западном берегу, образованном восточным обрывом Усть-Урта, не было удобных мест высадок для экипажа, что резко усилило опасность описных работ. Бутакову пришлось отказаться от наземной съемки и заменить ее съемкой со шхуны на ходу. Ей западный берег был охвачен с 3 по 6 августа, когда “Константин” стал на якорь у урочища Кынь-Камыс, расположенного, как известно, в юго-западном углу Аральского моря. Каждое утро шхуна снималась с якоря, целый день производилась съемка по счислению, а вечером устраивалась стоянка для ночевки.

Довольно благоприятные условия, обеспечивающие равномерность хода и прямые галсы позволяли со значительной точностью провести работы. Тем самым, прошлогодняя преимущественно глазомерная съемка, выполненная в другой обстановке с частыми переменами курса, лавировкой и зыбью, подверглась существенной корректировке. Морская съемка дополнялась ежедневными астрономическими наблюдениями (в том числе и у мыса Ак-Тумсук).

У урочища Кынь-Камыс “Константин” простоял на якоре с вечера 6 до утра 10 августа. Задержка была вызвана довольно сильными восточно-северо-восточными ветрами, которые не позволяли направиться вдоль южного побережья для проведения промерных работ. Ежедневно по утрам Алексей Иванович отправлялся на берег для астрономических наблюдений, а затем сразу возвращался на шхуну. В урочище расположился большой казахский аул со множеством лошадей, верблюдов, рогатого скота и баранов. Попытка моряков выменять баранов не удалась: кочевники проявили недоверчивость, правда, без враждебности.

Непродолжительные высадки на западном берегу использовались начальником экспедиции и для береговых морфологических, геологических наблюдений. На ряде участков им были отмечены врезавшиеся в береговую склон узкие площадки, возвышающиеся над уровнем моря на небольшой высоте. Их выровненная поверхность еще сохранила следы абразивного действия морских волн, а местами и округлую гальку явно морского происхождения. Однако даже штормы сопровождалась в то время уже более низкими волнами, чем в прошлом. Снова Бутаков, как и на Кум-Суате, объясняет повышенное положение этих береговых морфологических образований прежним, более высоким стоянием уровня Арала.

Наконец-то 10 августа господствующие восточные ветры сменились северо-северо-западным и шхуна начала лавировать в нужном северо-восточном направлении, в сторону острова Токмак-Ата. За три дня, с 10 до 13 августа, используя легкие переменные ветерки, прерываемые частыми штилями, с “Константина” вели глазомерную съемку южного берега Аральского моря. Повсюду виднелась низменная суша, заросшая высоким и густым камышом и сопровождаемая чрезмерным мелководьем на большом расстоянии от береговой линии.

Следующую неделю до 20 августа судно простояло у обрывистого берега Усть-Урта, куда прибыли 13 августа. Это произошло после того, как “Константин” снялся с якоря у Токмак-Ата, чтобы идти к Царским островам. Последовавшая вскоре смена ветра на сильный северо-восточный заставила команду в тот же день бросить якорь против мыса Улькун-Тумсук. Несколько предпринятых попыток уйти отсюда не удалось, поэтому большую часть времени шхуна стояла на двух якорях. Кончились дрова, используемые для приготовления горячей пищи. Заботясь о здоровье команды, Бутаков приказал жечь весла, о чем записано в “Дневных записках” от 16 августа. Через два дня людей пришлось послать за дровами на шлюпке, привязанной канатом к

судну, чтобы потом подтащить ее от берега к шхуне против сильного волнения.

За наступившим к 20 августа штилем подул легкий ветерок в сторону Царских островов. По пути к ним на “Константине” велся поперечный к берегу морской промер; в половине 4 часа полудни увидели небольшой остров. Его обследование было отложено, чтобы использовать редкий здесь южный ветер для непрерывного следования к цели. Вскоре после полуночи 21 августа шхуна прибыла к острову Константину, у южной оконечности которого был брошен якорь.

С рассветом 21 августа на сушу высадилась топографическая партия для съемки, работа закончилась к середине дня. Этот низменный песчаный остров оказался вытянутым в северном направлении на 7 верст, продолжаясь к югу песчаной мелью. На восток от него находились опасные подводные камни, а на запад – небольшой островок. Во второй половине дня судно отправилось к южной бухте острова Николая, которую не удалось обследовать в прошлом году. Однако противный ветер не позволил это сделать, несмотря на многочасовую лавировку. Тогда на следующий день, обогнув остров Константин, подошли к западной стороне острова Николая, где из-за противного ветра пришлось около полудня стать на якорь.

На рассвете 23 августа экипаж отправился для промера северной бухты Николая. Здесь были обнаружены значительные глубины: в северной части до 12 саж. (22 м), а в южной до 5 саж. (9 м); между ними располагалась поперечная к берегу песчаная мель, протянувшаяся до острова Наследника. На ней шхуна испытала сильный удар зыбью, приведший к течи в корме, само судно с трудом стащили с мели. Обследование бухты показало, что она очень удобна для якорных стоянок, так как закрыта ото всех ветров. Вода в копанях хорошего качества; благодаря обилию кустарников можно обеспечить хорошие запасы дров; многочисленны стада сайгаков. Рыболовная компания собралась послать сюда на зимовку свою шхуну “Михаил”.

Около полудня экипаж приступил к промеру Аральского моря в северо-восточном направлении, но из-за северного ветра, вызвавшего большое волнение, у острова Барса-Кельмес пришлось прекратить работы. Всю ночь “Константин” продержался под штормовыми парусами.

На рассвете 24 августа судно приблизилось к этому острову для определения своего местонахождения. К тому времени установилась погода, благоприятная для следования в южную бухту острова Николая, куда и прибыли к вечеру. Поэтому судно стало

на якорь у входа в бухту, близ юго-восточного мыса, на глубине 1,5 саж. (около 3 м). Утром следующего дня, когда ночью ветер еще более усилился, моряки увидели, что на стоящую уже на двух якорях шхуну один за другим наваливаются огромные буруны, которые разбивались за кормой о песчаную косу – продолжение юго-восточного мыса. В какой-то момент “Константин” так сильно ударился о дно, что корма затрещала, а голова руля согнулась. “К счастью, однако, кормовые скрепления выдержали. К полудню ветер достиг наибольшей жестокости и шхуна была в значительной опасности”, – записал Алексей Иванович в путевой журнал. Только вечером шторм прекратился и судно было введено в южную бухту острова Николая⁹.

Два дня – 26 и 27 августа – Бутаков с Вернером обследовали окрестности бухты – прекрасной якорной стоянки. Но здесь не было пресной воды. В северной части бухты исследователи обнаружили озерко с очень хорошей солью. В основании восточного берега обнажались пласты известняка, их наклон к востоку-юго-востоку составлял 10°, к западу они сменялись песчаником, а затем глиной. Известняковая возвышенность была покрыта травами; обитало много сайгаков. Команда, как и в прошлом году, обедала свежим мясом. Из-за сильных ветров начальнику экспедиции в эти дни не удалось провести астрономические наблюдения.

После того, как позже они были сделаны, утром 28 августа отправились на промеры прибрежных вод у Царских островов. Вечером, в штиль, шхуна стала на якорь. Работа продолжалась и 29 августа; в тот день у западного берега острова Николая цистерны залили пресной водой из копаней. Бутаков намеревался на пути к Царским островам приступить к обследованию открытого 20 августа острова.

Важное научное значение имеет то, что Алексей Иванович обнаружил в северной бухте острова Николая врезанную морем абразивную площадку. Она тянется в известняковом береговом обрыве несколько сот саженей на примерно той же высоте над уровнем моря, как и на западном побережье Арала. Это наблюдение подтвердило обоснованность прежнего предположения ученого, будто в прошлом уровень Аральского моря был выше.

С наступлением рассвета 30 августа “Константин” отправился со стоянки у острова Николая на юго-юго-запад, где десять дней назад был замечен неизвестный остров. Когда прошли более половины пути, марсовый увидел с мачты, что на западе бушуют значительные буруны. Вскоре стали уменьшаться морские глуби-

---

⁹ Бутаков А.И. “Дневные записки...” С. 50.

ны. Поднявшись на мачту, начальник экспедиции уже четко различал за бурунами желтую полоску суши из песка. Усиливающийся с северо-северо-запада ветер заставил судно зайти за вытянутый с севера на юг узкий песчаный остров, имеющий длину 3,5 версты и ширину 25 саж. От обеих его оконечностей протянулись довольно длинные подводные косы. На голой песчаной поверхности виднелись лишь два кустика. Остров был назван Бутаковым в честь знаменитого адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена.

После ночной стоянки утром и днем 31 августа на острове были проведены астрономические наблюдения и выполнена инструментальная съемка. Через несколько часов хода шхуна стала на якорь у другого не известного ранее острова. Сразу же была отправлена топографическая партия. Выполненные ею измерения показали, что длина острова составляла 2,5 версты, а ширина около версты; берега приглубы, местами на них встречаются камни. Алексей Иванович назвал этот остров именем адмирала М.П. Лазарева – главного командира Черноморского флота, давнишнего друга семейства Бутаковых.

Проведенные ученым геологические наблюдения позволили ему обнаружить здесь известняковые породы, подобные представленным на острове Николая и на южном побережье полуострова Куланды. Кроме того, посередине северной оконечности острова Лазарева был найден береговой вал из обломков известняка; его высота, равная 12 футам (4 м) над уровнем моря, стала наибольшей для всего острова.

По завершении инструментальной съемки, в тот же день на шхуне приступили к промеру Аральского моря в юго-восточном направлении. На следующий день прибыли в район острова Обручева.

1 сентября стал днем начала новых наблюдений у материкового урочища Биш-Кум, на котором побывали более трех месяцев назад. При подходе к нему по другому пути, среди мелководья был открыт новый остров, который получил имя отставного к тому времени генерала Ермолова – героя Отечественной войны 1812 года, наместника Кавказа, знакомого семьи Бутаковых. Остров удобно расположен в 4-х милях от устьев Джан-Дарьи, поэтому вода в прилегающем обширном заливе пресная, много рыбы. Здесь в изобилии растет кустарник, водятся кабаны. В течение трех следующих дней шхуна простояла на якорю за островом Ермолова. По мнению начальника экспедиции, эта якорная стоянка наиболее спокойная и удобная на Аральском море. Тогда здесь была проведена серия утренних и дневных астрономических наблюдений.

С утра 4 сентября начался переход “Константина” к устью Сыр-Дарьи, продлившийся неделю. Его основной целью было выполнение полосы продольных промеров, а после прибытия на базу проведение наблюдений с вычислением соответствующих высот солнца. После такой проверки хронометра предполагалось сделать несколько астрономических наблюдений в северной части Арала. Надо было спешить! Однако к вечеру наступил штиль и пришлось остаться на ночную стоянку.

Начиная с 5 сентября, шхуна двигалась медленно: преимущественно сильные ветра со шквалами часто сменялись штилями. 8 сентября в 2 часа пополудни очередной штиль захватил судно напротив острова Куг-Арал, пришлось стать на якорь. Еще почти два дня “Константин” фактически “топтался” на месте: “ветер переменялся весьма часто: то стихал, то снова крепчал, и мне удалось подняться вперед весьма мало” – записал Бутаков в путевой журнал. Лишь 10 сентября с наступлением ночи лавированием подошли к южному берегу устья Сыр-Дарьи и стали на якорь. 11 сентября при более благоприятном ветре, но опять с лавировкой и завозом якоря судно вошло в Сыр-Дарью, где уже находился “Николай”.

Три дня – 12, 13, 14 сентября – Алексей Иванович занимался астрономическими наблюдениями, а команда “Константина”, в основном отдыхала, проводила лишь текущий судовой ремонт. Экипажу же “Николая” было приказано делать камышовые маты, которые потребуются осенью и зимой, чтобы покрывать суда от дождя и снега. Этим моряки должны были заниматься до прибытия “Константина” из плавания в залив Перовского. Теперь К.Е. Поспелову можно было временно оставить свою команду, по мнению начальника Аральской экспедиции, “отлично исполнившую все возложенные на нее поручения”. А ведь надо было произвести тщательные гидрографические работы на северном Арале, имеющем изрезанную береговую линию. Она состояла из целого ряда заливов, полуостровов и островов.

К.Е. Поспелову припомнилась недавняя буря, произошедшая перед возвращением шхуны в устье Сыр-Дарьи. Море разъярилось со страшной силой. Матросы каждый момент ожидали гибели судна от навалившихся на него огромных волн. Люди уже надевали белые рубахи, по-старинному обычаю готовясь к смерти. Команда на “Николае” состояла, как известно, в основном из опытных моряков, а на “Константине” из бывших солдат. Страх сковал их. В этот отчаянный миг командир сам стал рубить мачту. Только тогда прийдя в себя, подчиненные свалили мачты в море. Весь экипаж просидел внизу двое суток, пока бушевал шторм.

Лишь на третьи понемногу начало стихать – кое-как пристроив паруса, моряки добрались до устья Сыр-Дарьи.

Те, кто знал К.Е. Поспелова, не удивились его решительным действиям, узнав от команды о страшной истории. Очень хорошо о его личных качествах сказал А.И. Макшеев: “Поспелов был человек сведущий по своей части, предприимчивый, энергичный и вместе с тем чрезвычайно скромный, добрый и мягкий”¹⁰. Именно как сведущего морского офицера Бутаков взял его с собой для проведения серии астрономических наблюдений в заливе Перовского.

Ранним утром 15 сентября шхуна “Константин” отправилась туда, а уже в 9 часов стала на якорь в западной части залива, на южной стороне входа в Чубар-Тарауз. Он рассматривался начальником экспедиции, как известно, в качестве перспективного в хозяйственном отношении. Здесь наблюдения велись в течение трех дней до утра 18 сентября, когда судно снялось с якоря и, пользуясь попутным ветром, отправилось обратным курсом к устью Сыр-Дарьи. Однако через час ветер ожесточился и начался очередной шторм. Его решили переждать за мысом Уч-Чека, находящемся при входе в залив Сары-Чеганак, на западной стороне.

С утра 19 сентября при ослабевшем волнении шхуна направилась к устью Сыр-Дарьи, куда прибыла через несколько часов. Но ветер не позволил обойти расположенную здесь мель, пришлось бросить якорь. Наступивший же к ночи штиль продолжался 20 сентября до заката солнца, когда появился желанный ветер. Воспользовавшись этим, в 10-м часу вечера при свете поочередно выпускаемых с “Константина” и “Николая” ракет судно, наконец, вошло в устье реки.

Нельзя не поражаться смелости Бутакова, который пошел на риск, несмотря на опасность такой операции в темное время суток. И его команда, и он потеряли свойственное им терпение, находясь у конечного пункта экспедиции, да еще после почти 5 месяцев тяжелой кампании. Преодоление трудностей прибавило сил Алексею Ивановичу – он мастерски справился и с этой задачей.

Следующие сутки полностью были затрачены сперва на выгрузку тяжестей с обеих шхун, а затем на переход через входную устьевую мель. Здесь в осеннее время, как известно, уровень воды значительно понижается, однако, мелкосидящая шхуна “Николай” прошла под парусом. “Константин” протаскивали через мель с помощью специальных якорей. Только утром 22 сентября суда прошли на место зимней стоянки на острове Кос-Арал.

---

¹⁰ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям...” С. 81.

Вечером того же дня был спущен брөйд-вымпел начальника экспедиции и флаги на кораблях. Тем самым ознаменовали окончание кампании 1849 года.

Работа экспедиции еще не завершилась. Предстояло составить описание и карту Арала, создать альбом береговых видов, а также привести в порядок собранные образцы горных пород и гербарии. Результатом должно было стать обобщение новых данных, раскрывающих географию еще недавно неведомого моря. Перейдем к рассмотрению самого процесса и содержания обобщения аральских материалов, оценивая его с точки зрения науки и практики того времени.

Итоги Аральской экспедиции

Заинтересованный в успешном завершении Аральской экспедиции, ее инициатор В.А. Обручев разрешил Алексею Ивановичу привлечь рядовых Т.Г. Шевченко и Б. Залесского для подготовки альбома береговых видов моря. Составлять отчетные материалы помогали К.Е. Поспелов и Ф. Вернер, а также К.Д. Рыбин и М.Ф. Христофоров, которые вместе с А.И. Бутаковым вскоре после возвращения из плавания направились в Раимское укрепление. Поэтому ему не потребовалось посылать другой рапорт Обручеву о втором этапе кампании, как это было сделано в прошлом году. Из Раима моряки срочно выехали в Оренбург, по прибытию в который закипела работа по составлению отчетных материалов экспедиции. Заметим, что А.И. Макшеев, служивший в штабе Оренбургского отдельного корпуса, непосредственного участия в этой работе не принимал. Вполне возможно, А.И. Бутаков делился с ним как с бывшим участником экспедиции своими впечатлениями о последней кампании на Арале.

Уже 20 декабря 1849 г. Обручев направляет Военному министру рапорт об окончании экспедиции с представлением: 1) меркаторской карты Аральского моря, 2) альбома береговых видов, 3) карты Арала с окрестностями, 4) извлечения из описания моря, составленного капитан-лейтенантом Бутаковым, 5) астрономического журнала. Сообщается также, что одновременно с рапортом в Горный институт отправляется 150 образцов горных пород (вместе с составленным начальником экспедиции геологическим описанием берегов), а в Ботанический сад – гербарий из 75 растений.

А.И. Бутаков был вызван к Военному министру, а К.Е. Поспелов оставлен Обручевым командовать обеими шхунами, которые предлагалось летом 1850 г. послать для дальнейшей разведки каменного угля на полуострове Куланды. Начальник Оренбургского края уже обратился к начальнику Горных заводов с просьбой направить горного мастера и нескольких рабочих с инструк-

цией. Предусматривалось также исследование образцов каменного угля, чтобы определить возможности его использования на пароходах в Аральском море.

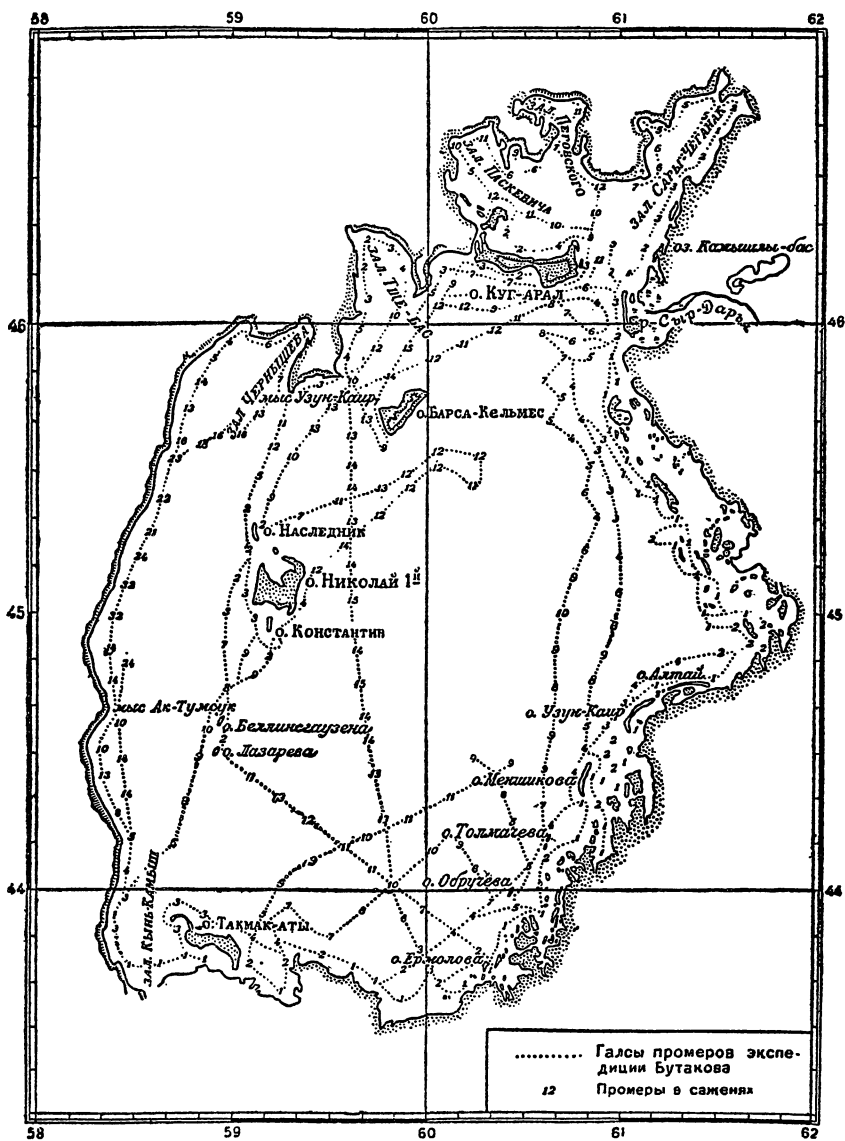
В заключение Обручев испрашивает награды подчиненным по военному ведомству: унтер-офицерам К.Д. Рыбину и М.Ф. Христофорову (производство в прапорщики), личному составу команд (денежные вознаграждения по 5 рублей серебром) и киргизским вожакам (суконные кафтаны, обшитые золотым галуном).

Через две недели, 3 января 1850 г., в официальном донесении в Главный морской штаб Меншикову он сообщает о завершении Аральской экспедиции и возвращении Бутакова в Петербург. Затем, как и в рапорте Военному министру, перечисляет отчетные документы (меркаторскую карту моря посылает). Говорит также о намеченных мероприятиях по освоению Арала: “отбор новых образцов каменного угля на Куланды нынешним летом с привлечением для этого Пospelова; при годности этого угля построить пароход и учредить впоследствии пароходство на Арале и Сыр-Дарье”.

Владимир Афанасьевич просит поддержки в награждении Бутакова орденом Св. Анны 2-й степени, в производстве Пospelова в следующий чин подпоручика. Также он обращается с просьбой поделиться соображениями о постройке парохода, его команде, расходах на содержание экипажа и т. д., сообщить министру иностранных дел “предположение генерала Обручева на счет обозрения рукавов Аму-Дарьи”.

События зимы 1849–1850 гг. развиваются благоприятно для Алексея Ивановича и его сподвижников. 25 января 1850 г. царь награждает его орденом Св. Владимира IV степени (правда, испрашивался более высокий орден Св. Анны 2-й степени) и ежегодной денежной пенсией в 157 руб. 50 коп. Остальным членам экспедиции назначаются испрашиваемые награды. Еще из Оренбурга Бутаков написал Меншикову, что составляет “Сжатый сборник сведений об Аральском море” для Николая I. Одновременно он работал над подготовкой научного доклада для Императорского географического общества, о чем сообщает в послании к Ф.П. Литке от 27 января 1850 г.

Вопрос о постройке парохода для Аральского моря и Сыр-Дарьи начал решаться, когда начальник экспедиции уже находился в Петербурге. Так, 3 февраля военному министру из Главного морского штаба было сообщено, что император наградил Бутакова и К.Е. Пospelова, а также поручил морскому интендантству составить чертеж парохода в связи с просьбой Обручева.

Схематическая копия с карты, составленной с описей А.И. Бутакова и К.Е. Поспелова в 1848–1849 гг., изданной Гидрографическим департаментом Морского Министерства в 1850 г.

В 1850 г. Гидрографическим департаментом Морского министерства печатается первая морская карта Арала. В том же году в “Записках Русского географического общества” публикуется безымянная заметка по материалам экспедиции 1848–1849 гг. с новыми сведениями о море. Это показалось странным всем, кто знал, что возглавлял исследования А.И. Бутаков.

Еще более они удивились, когда в следующем, 1851 году, прочитали в тех же “Записках Русского географического общества” статью “Описание Аральского моря”, автором которой являлся А.И. Макшеев – один из участников первого плавания в 1848 г. Руководитель же экспедиции находился в это время в Швеции, куда был командирован для заказа и постройки двух пароходов для Аральского моря. Однако никто из его современников не высказал своего недоумения в печати.

Лишь спустя столетие академик Л.С. Берг (1949) обратил внимание на странный факт. Вскоре Е.К. Бетгер (1953), который подготовил к печати “Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1948–1949 гг.” в “Предисловии” не только выразил удивление, но и обнаружил в статье А.И. Макшеева ряд дословных заимствований из рукописи путевого журнала начальника экспедиции. Почему это произошло?

Дело в том, что Николаю I доложили о нарушении его повеления не разрешать Шевченко писать и рисовать. Начались поиски виновных для взыскания по Высочайшей Императорской воле. Официальный донос командиру Отдельного Оренбургского корпуса о том, что рядовой рисовал портреты, писал стихи и вел переписку, а также ходил в гражданской одежде, был сделан прапорщиком Исаевым. Генерал Обручев должен был по команде донести военному министру Чернышову, что рядовой Шевченко последние два года находился в подчинении начальника Аральской экспедиции капитана-лейтенанта Бутакова. В самом начале декабря 1850 г. А.И. Чернышев послал в Морское министерство отношение о наложении дисциплинарного взыскания именно на капитан-лейтенанта Бутакова. Уже 9 декабря Александру Ивановичу было отправлено уведомление за подписью начальника Главного морского штаба Меншикова, в котором говорилось “Капитан-лейтенанту Бутакову за упущения по наблюдению за рядовым Шевченко сделать строжайший выговор”¹. Этим дело не кончилось: Алексей Иванович подвергся наблюдению со стороны III жандармского отделения, хотя в то время находился в Швеции.

¹ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 5. Ед. хр. 51. Л. 2–3.

Надо сказать, что замечание Е.К. Бетгера, будто А.И. Макшеев не ссылается на использование материалов А.И. Бутакова, несправедливо. В статье А.И. Макшеева об Аральском море 1853 г. ссылки нет из-за монаршего гнева в адрес начальника экспедиции, но в последней работе 1896 г. она имеется: “По окончании описи Аральского моря я составил по своим заметкам, отчетам Бутакова и топографическим работам бывших при нем топографов, систематическое описание моря...”² В “Предисловии” к этой книге сказано, что ее автор, отслужив в 1847–1855 гг. в отделе Генерального штаба в Оренбургском отдельном корпусе, до конца жизни проработал профессором военной статистики (экономической географии) в Академии Генерального штаба, являясь членом Императорского русского географического общества. К этому следует прибавить: его научное творчество было связано с изучением Туркестанского края, поэтому нужно отдать должное вкладу А.И. Макшеева в Туркестановедение.

В 1852 г. монаршая немилость продолжала проявляться в оценке научного вклада А.И. Бутакова в познание Аральского моря. Представленная в Географическое общество гидрографическая карта рассматривалась на предмет присуждения высшей географической награды – Константиновской золотой медали. Авторитетная медальная комиссия в составе известных морских географов (в том числе знаменитый исследователь Арктики контр-адмирал П.Ф. Анжу) пришла к положительному заключению, предпочтя работу Алексея Ивановича трудам других кандидатов – морского историка А.П. Соколова и профессора геологии С.С. Куторги. В архиве Русского географического общества хранится документ, в котором подчеркнута важность и полезность исследований начальника Аральской экспедиции, “потому что произведена обширная съемка и сделан морской промер в странах мало известных и недоступных, в которых подобные работы всегда сопряжены с лишениями разного рода, а часто и с опасностями; открыты значительные острова и определено их положение, и конечно нет сомнения, что этими трудами г. Бутакова область *географии значительно расширяется*” (выделено нами. – В.Л.)³.

Однако решение медальной комиссии было изменено Советом общества в пользу геологической карты Петербургской гу-

---

² Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизской степи и Туркестанскому краю”... С. 81.

³ Архив Русского географического общества. Фонд I-1852. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 74.

бернии, представленной С.С. Куторгой. Это постановление было утверждено председателем Общества великим князем Константином. И он, и Совет явно учитывали направленный на Алексея Ивановича царский гнев. Труды А.И. Бутакова и А.П. Соколова были отмечены лишь присуждением “Почетного от имени Общества отзыва”.

Только в 1853 г. в “Вестнике Географического общества” опубликовали первую статью самого Бутакова под скромным названием “Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г.”. Перед этим автор выступил с обширным докладом на Общем собрании Императорского русского географического общества. Таким образом, небольшая статья в журнале является первой географической сводкой самого первооткрывателя моря и потому имеет особое значение для истории географии.

Несмотря на небольшой объем, в материале сжато дается полная географическая характеристика Арала: основные данные о геологическом строении берегов, рельефе и грунтах дна, гидрологических и климатических особенностях, почвах, растительности и животном мире. Бутаков указывает, что северный и восточный берега сняты инструментально, а западный и южный подвергались морской съемке по счислению и пеленгам с судна. Автор подчеркивает, что при сравнении съемки западного берега с судна с астрономически определенными мысами Ак-Тумсуком и Ак-Суатом они оказались почти совпадающими. Это доказывает: недоверие к точности съемки западного берега, высказанное А.И. Макшеевым, не оправдано.

Существенно, также, что начальник экспедиции отмечает значительность знаний киргизов (казахов) об Арале – “островном море” – в переводе с их языка; упоминает о различаемых местными жителями двух неравных частей – Малом и Большом морях. Зная о том, что первое из них почти ежегодно полностью замерзает, кочевники со своими стадами временно перебирались на острова. Исследователь передает местное предание о когда-то замерзшем Большом море и делает вывод о вероятном переселении сайгаков на остров Николай.

Важны и приведенные Бутаковым сведения о понижении уровня Арала: “это в особенности заметно по некоторым утесам Усть-Урта и острова Николая, подмытым водой на высоте, до которой в самые сильные штормы нынешнее волнение достигать не может”. На большое научное значение этих наблюдений обратил внимание Л.С. Берг в своем труде “Аральское море. Опыт физико-географической монографии” (1908).

Алексей Иванович отдает дань уважения своим товарищам по экспедиции, без героического труда которых невозможно было выполнить труднейшую задачу по описанию моря⁴. “Считаю приятнейшим долгом воздать печатно полную справедливость г. Поспелову за добросовестную и прекрасно выполненную опись восточного берега; гг. Рыбину и Христофорову, топографам на шхунах “Константин” и “Николай”; фельдшеру Истомину, который, кроме своих медицинских обязанностей был моим подштурманом и замечал по хронометру мои наблюдения, и унтер-офицеру Вернеру, также исполняющем должность подштурмана и бывшим моим геологом и ботаником...”

Среди указанных лиц нет Т.Г. Шевченко, члена Аральской экспедиции, жившего в одной каюте с другими офицерами, отлично выполнившего важную в научном отношении иллюстративную работу. Бутаков не мог этого сделать из-за того же вседержавного гнева Николая I, который испытал и сам.

Благодаря этой публикации и передовая общественность России начинает узнавать о его научном подвиге на Аральском море. Так, уже в 1853 г. в известном журнале “Отечественные записки” литератор П.И. Небольсин в рассказах о своих странствованиях в Заволжье повествует о встрече с предпринимателем Меценатиным. Тот составил проект сухопутной торговли через киргизские степи с Индией, пользуясь старыми картами с неверным изображением Аральского моря. “Я счел за бесполезное познакомить и Меценатина с важным трудом нашего ученого мореходца, результаты исследования которого сделались ныне общим достоянием, будучи обнаружены в “Записках Императорского Русского географического общества...” (выделено нами. – В.Л.). После чтения этого номера “Отечественных записок”, несомненно, число соотечественников, узнавших о Бутакове как об исследователе Арала, значительно увеличилось⁵.

В июне 1853 г. Алексей Иванович получает письмо от знаменитого немецкого естествоиспытателя А. Гумбольдта. Уже говорилось, что русский офицер находился под сильным влиянием натуралиста еще в бытность службы на Балтике. Труды немецкого ученого пробудили его интерес к изучению Аральского моря, поэтому начальник экспедиции отослал А. Гумбольдту два экземпляра своей карты Арала. Тот написал в от-

---

⁴ Бутаков А.И. “Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1818 г. С. 3–4.

⁵ Небольсин П.И. Рассказы проезжего о странствовании по Заволжью, Уралу и Волге”... С. 9.

вет письмо, мимо которого не могла пройти даже власть пре- держащая.

“...Я не могу не гордиться той доверенностью, которой меня удостоивает мореходец, с отважностью и с благоразумной энер- гий преодолевающий бесчисленные препятствия, почти сам стро- ивший суда, на которых должен был совершать свое плавание, и сам собой прибавивший к истории географических открытий та- кую широкую и прекрасную страницу... Пишу к вам эти строки, снова выражая вам свою признательность за присланные вами два экземпляра вашей прекрасной карты Аральского моря, сами- ми вами составленной на основании ваших собственных астроно- мических и геодезических исследований, а также и за любопыт- ную “записку”, при этой карте приложенную; извлечение из нее я сделаю для столь известного Брокгаузова журнала...”⁶.

Далее в послании Гумбольдта сообщается, что один экземп- ляр присланной карты он передал королю Прусскому, который за опись Аральского моря пожаловал Бутакову орденом Красно- го орла IV степени. Тогда же по представлению немецкого учено- го Алексей Иванович был удостоен звания почетного члена Бер- линского географического общества.

Содержание этого письма было полностью опубликовано в следующем году в “Журнале Министерства народного просвеще- ния” и сразу же перепечатано в “Морском сборнике”, который начал издаваться недавно. Интерес вызывает “Предисловие” к этому посланию, отражающее, с одной стороны, гордость за оте- чественную географическую науку, а с другой, – понимание ца- рем значения того, что сделано русским исследователем: “Вели- кий географический подвиг, совершенный г. Бутаковым, пролил новый свет в науке и по значению своему стал примером такой важности, что описание Аральского моря, по Высочайшему Госу- даря Императора Повелению, было обнародовано в пятой книж- ке “Записок географического общества”... штабс-капитаном Ге- нерального штаба Макшеевым”⁷.

Такое объяснение “царской милости” невольно подчеркивает явную несправедливость Николая I в отношении к первоисследо- вателю Аральского моря, которого признала мировая научная общественность.

Позднее стали известны результаты обработки геологиче- ской коллекции, собранной в экспедиции: в 1855 г. Э.А. Эйхвальд

---

⁶ Письмо барона А. Гулебольдта к русскому порядку А.И. Бутакову // Морской сборник. С. 315–316.

⁷ Там же. С. 314.

и в 1859 г. Г.В. Абих опубликовали свои статьи об исследовании образцов моллюсков и горных пород. Сам А.И. Бутаков составил подробное описание берегов Аральского моря, вышедшее в свет после смерти автора в 1872 г.

Подводя итоги деятельности Алексея Ивановича на Арале, необходимо отметить ее исключительную плодотворность и многогранность. Действительно, наряду с научными исследованиями, его интересовали вопросы хозяйственного освоения и самого моря, и Приаралья. Много времени занимала у начальника экспедиции и общественная деятельность, основанная на демократических убеждениях.

В чем же заключается конкретный вклад русского офицера-первооткрывателя в географическую науку, а также тесно связанную с ней практику? Представляется, что в результате двухлетних описных и съемочных работ, выполненных в невероятно трудных условиях, появились новые исключительной важности научные данные, позволившие выявить ряд закономерностей развития Аральского моря и его берегов. Научные заслуги А.И. Бутакова по исследованию Арала заключаются в следующем:

- сделаны новые географические открытия: обнаружены и описаны острова, до этого неизвестные даже местному населению, поэтому нанесенные на карту с названиями, которые были даны исследователем; другие объекты, известные ранее, получили на карте только существующие местные названия;

- получен обширный материал по картографии и гидрографии, на основе которого была составлена первая морская карта Арала;

- зарисованы береговые виды в числе нескольких десятков акварелей, являющихся ценнейшим иллюстративным дополнением к научным материалам об Аральском море; огромная роль в этом принадлежит Т.Г. Шевченко;

- подготовлен научный материал, доказывающий возможность и настоятельную необходимость учреждения пароходства на Аральском море; основной из них – необходимость перевозок при явном господстве северных ветров в навигацию;

- собраны научные данные, характеризующие Арал и Приаралье по геологическому строению и рельефу, гидрографии и климату, растительности и животному миру, отчасти, почвам в виде описания, а также геологическая коллекция и гербарий;

- на базе большого фактического материала подмечен ряд природных закономерностей развития моря и его берегов: а) колебания уровня Арала направлены на его падение во времени, что отражается в создании в прошлом последовательно понижа-

ющихся береговых валов и приподнятых над водой разновысотных абразионных площадок – морских террас; б) ведущим процессом в образовании наносных береговых форм (в том числе, кос) является волнение, а не морское течение, как тогда признавалось; в) решающее значение в формировании дельт в устьевых областях имеет волнение наряду с речным выносом, а не исключительно наносы речного происхождения.

Примечательно, что высказывания А.И. Бутакова о колебаниях уровня Аральского моря нашли подтверждение в дальнейших исследованиях, которые позволили выяснить всю сложность этого явления. Утверждение же о ведущей роли волнения в береговых процессах является общепринятым в учении XX в. о морских берегах, сформировавшемся благодаря активному участию русских и советских ученых. Так что Алексей Иванович является одним из ранних отечественных основоположников учения о развитии морских берегов.

Таким образом, своими научными достижениями он полностью оправдал доверие как своего бывшего начальника по Балтийскому флоту адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, так и вице-председателя руководителя Императорского русского географического общества адмирала Ф.П. Литке, рекомендовавших офицера для этого поистине героического научного подвига, который способствовал славе русской географической науки.

Аральская экспедиция и Т.Г. Шевченко

В научной литературе того времени нельзя найти имени Т.Г. Шевченко, хотя исполненные им в Аральской экспедиции акварельные береговые виды, как отмечалось, являются дополнением к научным материалам. Участие рядового в исследованиях имеет еще и гуманистическую сторону. Для нас важно знать не только то, что он сделал для науки, но и что приобрел для себя в эти два года ссыльной жизни, находясь в среде высоконравственных офицеров во главе с А.И. Бутаковым.

В воспоминаниях современников о Тарасе Григорьевиче, опубликованных в 1861 г. после его смерти, приводятся интересные факты, которые относятся также к периоду солдатской службы Шевченко в 1848–1850 гг. в Оренбургском отдельном корпусе, когда он входил в состав Аральской экспедиции. Значительные сведения об этом рядовом, относящиеся к этапу подготовки к первому плаванью в 1848 г., оставил А.И. Макшеев. Об этом времени можно судить и по литературным и художественным произведениям самого Т.Г. Шевченко.

Аральскому периоду в его жизни посвящена довольно большая доля литературы, вышедшей в свет в советское время. Первая и наиболее известная работа принадлежит именитой писательнице М. Шагинян, опубликовавшей ее в 1940 г. Отдельный раздел “Бутаков и Шевченко” отведен в обстоятельной работе Л.С. Берга (1949), связанной со столетием Аральской экспедиции. Среди газетных публикаций на эту тему можно назвать статьи А. Лурье (1946), А.А. Алексеевой (1953) и других; из журнальных – материал В.И. Резниченко (1961). Научно-художественное воплощение плавание Шевченко по Аралу нашло в повестях Ю. Давыдова (1964, 1988), основанных на разнообразном материале об экспедиции.

Опираясь на эти источники, можно попытаться описать наиболее важные моменты этого периода в жизни Тараса Григорьевича – великого украинского поэта и художника. Без подобной

работы нельзя обрисовать достаточно подробную картину начала аральской эпопеи Алексея Ивановича Бутакова.

Известно, что в марте 1847 г. художник Академии Художеств Т.Г. Шевченко был арестован по доносу провокатора за революционно-демократическую деятельность в тайном Кирилло-Мефодиевском обществе. Уже в мае на суде ему был вынесен приговор, в котором сказано: “за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могли выходить возмутительных и пасквильных сочинений, с запрещением писать и рисовать”. В Оренбург арестованного привезли в июне, через месяц его назначили рядовым пехотного батальона в Орскую крепость.

Прибыв в начале марта 1848 г. в Оренбург, А.И. Бутаков узнал, что в Орске несет солдатскую службу Т.Г. Шевченко. На просьбу к корпусному командиру В.А. Обручеву откомандировать рядового в Аральскую экспедицию для зарисовки береговых видов получает согласие. Тем самым нарушалось строгое исполнение судебного наказания, к тому же слова приговора о запрещении писать и рисовать принадлежат Николаю I. Генерал и лейтенант рисковали, но, беспокоясь о наибольшей пользе исследования Арала для России, старались привлечь к нему разных знатоков своего дела. Несомненно, Алексей Иванович думал и о тяжелой солдатской жизни Шевченко. Вот что вспоминает очевидец того события А. И. Макшеев: “А.И. Бутаков желая облегчить и, если удастся, улучшить участь Шевченко, просил генерала Обручева отпустить его с ним, для снятия береговых видов неведомого до селе моря и хотя по Высочайшему повелению Шевченко запрещено было брать карандаш в руки, Обручев согласился на эту просьбу”¹. Так можно было написать, лишь зная о гуманных настроениях начальника экспедиции.

В начале мая 1848 г. рядовой Шевченко направился с транспортом из Орской крепости в Раимское укрепление, уже находясь во флотской команде лейтенанта Бутакова. Переход в труднейших условиях сперва сухой степи, а затем жгучей пустыни длился более месяца. Об этом Шевченко впоследствии написал в повести “Близнецы”. В ней от имени литературного героя он рассказывает о своих попутчиках, местных жителях и их обычаях, красочности непривлекательной природы. Известно, что в пути автор делал зарисовки, в частности, связанные с бытом казахов.

---

¹ *Макшеев Н.* “Воспоминания А.И. Макшеева о Т.Г. Шевченко. 1914. С. 305–306.

Интересные факты приводит штабс-капитан Макшеев, который совершил поход вместе с Шевченко. “Я предложил несчастному художнику и поэту, – пишет офицер, – пристанище, на время похода, в своей джуламейке (войлочная кибитка – *В.Л.*), и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко сделал пешком, отдельно от роты, в штатском плохеньком пальто, так как в степи ни от кого, и от него в особенности, не требовалось соблюдения формы”². Несмотря на трудности перехода, рядовой был бодрым и веселым, впервые почувствовав достойное отношение к себе.

В Раиме во время сборки шхуны “Константин” Макшеев продолжал жить с Шевченко в одной кибитке. Он вспоминает, как по утрам Тарас Григорьевич писал его портрет, который дорог “как память о художнике”. Новый член экспедиции пользовался полной свободой, общался с местными жителями, носил гражданское платье. Веселое настроение все более укреплялось после тягостной солдатской жизни в Орской крепости. Он чувствовал дружеское отношение к себе со стороны Бутакова.

С упоением творил Шевченко в первом плавании по Аральскому морю в августе–сентябре 1848 г. Зарисовками занимался в основном на северном, меньше на малодоступных западном и южном берегах; несколько изображений сделано на новооткрытых Царских островах. Несмотря на нестерпимую жару, часами рисовал акварелью дикие берега, где преобладает природная окраска буровато-красных и золотисто-желтых тонов, свойственных пустынной местности. Художника охватывал какой-то азарт, желание отразить суть этой природы. Как сказала М. Шагинян в своей работе “Аральская экспедиция”, Шевченко “стремится не контур будущей картины наметить, а передать во всей конкретности характер предмета. Чисто живописное отступает на второй план. Основным становится передача характера, общей физиономии, особенностей открывающегося перед Шевченко мира. Он делает десятки зарисовок береговых скал, десятки зарисовок растений. Он рисует и столпообразные берега... тщательно набрасывает кусты саксаула... “описывает” новый для него мир... разлитый везде и всюду, – в пустынных берегах, в горных грядках, в растениях и животных”³. Становится понятным, почему Бутакову так понравился альбом береговых видов, который впоследствии был представлен им как приложение к отчету Аральской экспедиции.

---

² *Макшеев А.Н.* Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю... С. 30.

³ *Шагинян М.* “Аральская экспедиция”. С. 145.

Творческое вдохновение художника также поддерживало восхищение его работой со стороны Алексея Ивановича, внимание всего экипажа к человеку, который помогает увидеть прекрасное в подчас однообразной окружающей пустынной природе. Тарасу Григорьевичу, убежденному демократу, нравилось товарищеское отношение со стороны офицеров, обед на палубе всей командой. Шевченко понимал, что такой порядок заведен и поддерживается начальником экспедиции, дружеские беседы с которым очень ценил. Особенно близко сошелся с Поспеловым – сыном боцмана, вышедшим в офицеры после долгой морской службы.

С прибытием в самом конце сентября 1848 г. после окончания кампании на остров Кос-Арал развернулось и поэтическое творчество известного в будущем украинского писателя, поэта. За полгода зимовки им создано более 50 произведений, в которых воспевается его родина и описываются места пребывания на Арале. Никогда в своей творческой жизни Шевченко не писал так много и вдохновенно, ни до, ни после ссылки. Год подневольной жизни в казарме Орской крепости, где выполнялись все предписания начальства, стал забываться. Теперь Тарас Григорьевич дышал полной грудью, был волен в своих действиях как поэт, но тоска о родном крае бередила душу. Приведем одно из стихотворений той в общем благословенной зимы 1848 г. на Кос-Арале

Как за недужным, право боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришла тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что же затеять? По Аралу
Уже я брожу, тайком пишу
И все, что некогда бывало
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд
Гоню тоску, чтоб как солдат
Не лезли в душу... Стражник лютый,
Не отстает ни на минуту.

Занимается Шевченко и художественным творчеством. К этому времени относится создание своего портрета, а также многих рисунков с изображением бытовых сцен из жизни местных жителей. Среди них у поэта было много друзей, которых он часто посещал, любил одаривать ребяташек. Принимал участие и в облаве на тигра, устроенной Бутаковым в ноябре 1848 г. Словом, жил вольно в дружном флотском коллективе, руководимым просвещенным моряком-ученым.

Кампанию на Аральском море 1849 г. Тарас Григорьевич провел, как известно, на шхуне “Николай” под началом К.Е. Поспелова. С мая по сентябрь пережил с командой немало трудностей и лишений. Вместе со всеми перенес желудочную болезнь – у восточного побережья не было возможности пополнять запасы свежей пресной воды и приходилось пить вредную для здоровья соленую воду. У северного побережья попали в ужасный шторм, о котором уже упоминалось.

В то же время Шевченко помнит и хорошее, связанное с плаванием на шхуне “Николай”. Замечательные отношения сложились с К.Е. Поспеловым, с которым он был на “ты”. Дружно жилось и со всей командой, состоящей на “Николае” в основном из матросов, а не солдат как на “Константине”. С этими людьми Тарас Григорьевич провел кампанию на Арале в прошлом году; они по-прежнему с уважением относились к живописцу. Все это способствовало тому, что тот с наслаждением делал зарисовки берегов, в особенности в восточной части моря.

Вскоре после окончания кампании Бутаков, Поспелов, Шевченко и Вернер отправились в Раимское укрепление. Здесь некоторое время проживали, ожидая оказии в Оренбург, чтобы выехать для составления отчета экспедиции. Покидая навсегда Аральское море и Сыр-Дарью осенью 1849 г., Шевченко еще на Кос-Арале написал прощальное стихотворение.

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаяю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведанную в этом крае,
Но от него уже вдали.

В произведении сплелись и грусть по прошлому, и признательность за настоящее, и понимание полезности сделанного на отдаленной земле, с которой поэт расстается со сложным чувством, ни восславляя, ни проклиная.

Его грусть немного развеялась за полгода жизни в Оренбурге с ноября 1849 по апрель 1850 г. Этот период по-своему был бла-

гоприятным в условиях ссылки. О многом можно узнать прочтя книгу “Из воспоминаний о Шевченко” Ф.М. Лазаревского⁴. Во время составления отчета Аральской экспедиции, длившегося почти до конца декабря 1849 г., Тарас Григорьевич часто вечерами заходил к нему на квартиру, где бывал К.Е. Пospelов, а иногда и Бутаков. Вместе с хозяином они ужинали, пили чай, пели песни. Как-то Алексей Иванович попросил поэта устроить такой вечер у него на квартире. Ф.М. Лазаревский рассказывает, что Шевченко почти никогда не носил солдатской шинели. По приглашению штабс-капитана Генерального штаба К.И. Герна жил в его доме, близко принимая к сердцу все происходящее в семье этого высококультурного офицера.

О своей жизни аральского периода Тарас Григорьевич рассказывает в письме от 14 ноября 1849 г. давнишнему своему другу В.П. Репниной. Сообщает, что ни с кем не переписывался, так как почта только два раза в году ходила в Раим, в котором “не случилось в это время бывать”. В письме он открывает душу в своем отношении к начальнику экспедиции:

“Проживая в Одессе, быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым; это флотский офицер и иногда бывает в Одессе, у него в Николаеве родственники и родные; это мой друг, товарищ и командир при описании Аральского моря. Сойдитесь с ним. Благодарите его за его доброе, братское со мной обращение, он, ежели, встретитесь с ним, сообщит все подробности о мне”⁵.

В январе 1850 г. при отъезде в Петербург Бутаков передал Шевченко в распоряжение К.Е. Пospelова в Оренбурге, а не отправил на прежнее место службы в линейный батальон Орской крепости. Он также ходатайствовал о производстве этого рядового в унтер-офицеры; его поддержал Владимир Афанасьевич Обручев. За это представление, а также за то, что Тарасу Григорьевичу было разрешено рисовать в Аральской экспедиции вопреки Высочайшему повелению, командиру Оренбургского отдельного корпуса было выражено недовольство Военного министерства. Владимир Афанасьевич все же не принял ограничительных мер и не препятствовал пребыванию поэта в Оренбурге.

Весной 1850 г. на имя генерала Обручева по команде был послан письменный донос прапорщика Исаева о том, что в нарушение Высочайшего повеления, запрещающего Шевченко рисо-

---

⁴ Лазаревский Ф.М. “Из воспоминаний Шевченко”. С. 176—186.

⁵ Тарас Шевченко. “Сборник сочинений”. Том 5. Автобиография. Дневник. Избранные письма и деловые бумаги. (Далее. Собрание сочинений. Том 5). С. 302.

вать, он делает портреты даже высокопоставленных лиц, в том числе и коменданта Оренбургского гарнизона. Связан этот донос с вмешательством Тараса Григорьевича в любовную историю Исаева с женой штабс-капитана Герна, гостеприимством которого пользовался. В апреле 1850 г. пришлось делать обыск у Шевченко, были найдены запретные стихотворения. Обвиняемого по распоряжению Обручева арестовали и отправили снова в Орскую крепость со строгим запрещением писать и рисовать (с указанием ему не иметь чернил, перьев, карандаша, бумаги). В октябре того же года его сослали в дальний угол Оренбургского края – в форт Новопетровский (ныне г. Шевченко) на Мангышлаке. Это не помогло Владимиру Афанасьевичу: в 1851 г. он уволен с поста корпусного командира и генерал-губернатора края; на его место был назначен генерал В.А. Перовский. Большие неприятности, как известно, пережил и Бутаков.

По-прежнему Шевченко вспоминал Алексея Ивановича и надеялся на его поддержку, когда еще семь лет тянул солдатскую лямку в Новопетровском. В переписке с Б. Залесским, с которым прежде работал в Оренбурге по оформлению береговых видов к отчету Аральской экспедиции, он просит в январском послании 1854 г.: “Алексею Ивановичу пожелай всех благ от меня и его новой жизни (в связи с женитьбой – В.Л.)⁶; поблагодари его за память обо мне... Поцелуй Пospelова, ежели он в Оренбурге”⁷. Через два года, в письме к нему от 24 апреля 1856 г. вновь вспоминает своего бывшего начальника по Аральской экспедиции: “Теперь должен быть в Оренбурге А.И. Бутаков; кланяйся ему от меня и проси его, не может ли он походатайствовать обо мне у В.А. (Василия Алексеевича Перовского – В.Л.), проси его, проси всех, мой нелицемерный друже!”⁸.

Спустя два года после того, как было написано это письмо, 10 марта 1858 года, Тарас Григорьевич случайно встретился с Алексеем Ивановичем, когда ехал в Петербург после освобождения из ссылки, в котором сыграли роль и смерть Николая I, и ходатайство Даля и Перовского. В дневнике поэта записано: “Во Владимире на почтовой станции встретил А.И. Бутакова, под командой которого плавал два лета, 1848 и 49, по Аральскому морю. С тех пор мы с ним не встречались. Теперь он едет с женой в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи. У меня при

---

⁶ После свадьбы в Петербурге (1852 г.) женой Бутакова стала Ольга Николаевна Безобразова – дочь отставного генерала.

⁷ Тарас Шевченко. “Собрание сочинений”. Том 5. С. 308.

⁸ Там же. С. 334.

одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет, а он, кажется, готов навсегда там поселиться. Понравилась сатана лучше ясна сокола”⁹.

Это была их последняя встреча, пробудившая теплые воспоминания об Аральской экспедиции, ее участниках, конечно, о Поспелове и Вернере, с которыми Шевченко был особенно близок.

Почему оба так были взволнованы воспоминаниями о событиях десятилетней давности? Конечно же, Бутаков помнил, как много сделал Тарас Григорьевич для дополнения научного содержания отчета экспедиции. Правда, альбом береговых видов, старательно оформленный Шевченко при участии Б. Залесского, царем был возвращен, но от этого не потерял своей научной ценности. Их совместный труд по созданию карты Арала сделал ее картографически совершенной. Был внесен немалый вклад в картографию моря. Карта стала известной в научном мире, а вместе с ней и руководитель экспедиции – А.И. Бутаков.

Поэт, художник не мог забыть, чем обязан этому человеку, возглавляемому им флотскому коллективу, у которого многому научился как во время плаваний, так и на зимовке. Ведь стремясь к научному раскрытию зарисованных естественных объектов, Шевченко еще более влюблялся в природу, жизнь становилась осмысленной. Он помнил и беседы с замечательными офицерами-друзьями, так много дающие для размышлений об изучаемом природном мире. Не забыл и того, что благодаря начальнику экспедиции столько сделал тогда в своем художественном и поэтическом творчестве.

Прошли годы после этой взволнованной встречи. Постепенно становилось ясно, какое важное значение для науки имеют отвергнутые Николаем I аральские береговые зарисовки. Уже в конце прошлого века к этому пришел А.И. Макшеев: “Результаты работ описной экспедиции давно уже сделались достоянием географической науки, но оставалась одна работа, почти никому неизвестная, а между тем заслуживающая внимания. Говорю о прекрасном акварельном альбоме видов Аральского моря, Т.Г. Шевченко”¹⁰.

В советское время многие акварельные рисунки Т.Г. Шевченко собраны и экспонированы в специальном зале Музея ве-

---

⁹ Тарас Шевченко. Собрание сочинений. Том 5. С. 207–208.

¹⁰ Макшеев А.И. “Путешествия по Киргизским степям и туркестанскому краю”... С. 58.

ликого кобзаря украинского народа в Киеве. Ныне изданы все имеющиеся произведения живописи Тараса Григорьевича, которые связаны с экспедицией. Искусствоведы в своих трудах осветили живописную сторону аральских рисунков. Научной же следует заняться специалистам-географам. Это еще шире раскроет вклад художника Шевченко и моряка-ученого Бутаква в науку.

Посмотрим теперь, что было сделано Алексеем Ивановичем по использованию собранных научных данных об Аральском море для его освоения.

Аральская флотилия

Важная заслуга Бутакова заключается в том, что его ценные научные материалы о природе Арала дополняются собранными этнографическими, социологическими и экономическими данными. Основываясь на полученных сведениях, офицер и выдвинул идеи учреждения паромства и дальнейшего развития рыболовства на море. Первоочередной задачей он считал появление Аральской флотилии из паровых железных судов – пароходов и барказов. Как известно, идея была раскрыта в рапортах Обручеву и поддержана им в соответствующих донесениях Оренбургского генерал-губернатора Военному и Морскому министерствам от 20 декабря 1849 г. и 3 января 1850 г.

Вскоре после завершения отчета Аральской экспедиции в конце декабря 1849 г. для дальнейшего продвижения важного дела по освоению обширного Приаралья генерал Обручев направляет Бутакова к Военному министру. В самом начале 1850 г. приступили к составлению чертежа парохода, как сообщил Военному министру Чернышеву начальник Главного морского штаба Меншиков.

Получить полное представление, каким образом происходило воплощение идеи Алексея Ивановича, можно по материалам одного из фондов: «О командировке капитан-лейтенанта Бутакова в Швецию для заказа пароходов “Обручев” и “Перовский” и гребных судов к ним для Аральской флотилии, наблюдения за постройкой, доставку в Петербург в разобранном виде и дальнейшей отправкой в Оренбург» (3 мая 1850 г.–13 сентября 1853 г.)¹. Многочисленные документы, охватывающие более чем трехлетний период, раскрывают историю трудного создания Аральской флотилии при неотступном участии А.И. Бутакова.

В начале мая 1850 г. Военное министерство сообщает Николаю I, что после распространения представленного чертежа реко-

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 192. I–115 л.л.

мендуется заказать пароход в Швеции. Изготовление на Камско-Воткинском заводе невозможно, так как там идет постройка двух пароходов для Каспийского моря. Также принято предложение начальника Главного морского штаба Меншикова о сооружении парового барказа.

Почти через два месяца, 25 июня 1850 г., вышло повеление царя о заказе в Швеции парохода и парового барказа с назначением капитан-лейтенанта Бутакова для наблюдений как наиболее сведущего и вполне ознакомленного с плаванием по Аральскому морю штаб-офицера. Прибавим к этому, что не только знание природных особенностей Арала, но и служба на пароходо-фрегате “Богатырь” стали Алексею Ивановичу рекомендацией для такой заграничной командировки. Получив денежное содержание, он выехал в Швецию, где прежде всего должен был “войти в контракт с дирекцией Мутальского завода”.

В связи с царским распоряжением Военное министерство заранее поставило перед Морским министерством вопрос о способе доставки пароходов из Петербурга в Оренбург. 31 июля 1850 г. Чернышову сообщается план Бутакова, подписанный начальником Главного морского штаба, о переправке летом водным путем до Самары, а зимой – в Орскую крепость и оттуда весной тележным транспортом до Раима, где и будет произведена сборка судов.

В рапорте Военному министру от 7 сентября 1850 г. из Стокгольма Алексей Иванович сообщил, что заключен контракт с дирекцией Мутальского завода об изготовлении двух пароходов. Он согласен с рекомендацией иностранцев сделать два руля – кормовой и носовой, а также два котла высокого давления. По соглашению с дирекцией машины будут доставлены в Кронштадт на специальном шведском судне. В тот же день офицер отправил Меншикову письмо с подробностями условий заказа, в частности, об изготовлении парового барказа, а также о стоимости судов.

Пока с учетом изменений в проекте, одобренных Кораблестроительным департаментом Морского министерства, строились паровые суда, в январе 1851 г. начальник Главного морского штаба отдает распоряжение об отправке в Раимское укрепление специалистов по сооружению эллинга, который необходим для сборки и спуска пароходов. В мае постройка машин идет полным ходом; в июне Алексей Иванович и механик Синкони должны были принять их. Однако 27 июня Бутаков посылает светлейшему князю письмо о том, что исполнение заказа задерживается: вместо двух котлов делается четыре для улучшения судоводных качеств. В ответном послании тот согласил-

ся с новым изменением проекта, подтвержденным постановлением Адмиралтейств-Совета.

В письмах начальнику Главного морского штаба от 9 октября и 16 декабря 1851 г. офицер докладывает, что построчные работы еще продолжаются и потому пароходы могут быть привезены по частям в Петербург только в начале навигации следующего года. Дирекция Мутальского завода дала письменную гарантию о доставке до 15 мая. Это обязательство было выполнено 14 мая 1852 г. с прибытием шведского судна в Кронштадт; в тот же день оно отправилось в Петербург. Царь милостиво разрешил не брать штрафа с судостроительного завода за задержку с транспортировкой.

Из письма военного министра от 17 августа 1852 г. Меншикову стало известно, что Бутаков благополучно привез части пароходов водным путем в Самару, там их в срок разгрузили и на телегах направили в Оренбург. Также отмечается заботливость и усердие капитан-лейтенанта.

3 сентября Алексей Иванович сам сообщает князю, что груз привезен в Оренбург, откуда послано письмо. Следующее сообщение отправлено ему же 7 ноября уже из Раимского укрепления. Офицер извещает, что начались работы по оборудованию порта и сборке пароходов, по переделке на шхуне “Константин”; из Ак-Мечети приехало посольство Кокандского ханства.

Последняя новость интересовала многих военных России, и конечно, Меншикова. В это время южным побережьем Аральского моря с устьевой областью Аму-Дарьи, как известно, владело Хивинское ханство, а земли низовьев Сыр-Дарьи (с крепостью Ак-Мечеть) входили в Кокандское ханство, центр которого Коканд находился в Ферганской долине. После смены В.А. Обручева на посту командира Оренбургского отдельного корпуса началась усиленная подготовка к военному походу вверх по Сыр-дарье против кокандцев. С этим и связано прибытие их посольства осенью 1852 г.

Перовский был заинтересован в ускорении сборки пароходов и переделки шхуны, чтобы суда приняли участие в походе. У Бутакова установилось взаимное понимание с новым корпусным командиром. Тем более, что у Алексея Ивановича остались неприятные воспоминания об Обручеве, связанные с арестом Шевченко и собственными переживаниями того времени. Он писал родным о своих надеждах, связанных с назначением генерал-губернатором Оренбурга В.И. Перовского – они оправдались.

Работа по сборке пароходов продолжалась, о чем Алексей Иванович сообщает в очередном письме начальнику Главного

морского штаба от 6 февраля 1853 г. Паровые суда самим Николаем I были названы в честь двух генерал-губернаторов Оренбургского края; пароход получил название “Перовский”, а паровой барказ – “Обручев”. О том, что они участвовали в боевых действиях, говорится в послании Бутакова А.С. Меньшикову от 31 июля 1853 г., написанном под Ак-Мечетью. Капитан-лейтенант рассказывает о многих событиях, произошедших к этому времени: спуске пароходов и их опробовании, постройке плотов и десантных ботов. Он описывает осаду и взятие крепости Ак-Мечети (переименованной в форт Перовский, в советское время – Кзыл-Орда) при взаимодействии с Аральской флотилией (ее командующий Бутаков имел свой брейд-вымпел на пароходе “Перовский”).

Перед штурмом Ак-Мечети предварительно были произведены рекогносцировочные промерные работы с составлением гидрографического описания Сыр-Дарьи. Для Алексея Ивановича наступила пора, когда его мирная ученая деятельность стала тесно переплетаться с боевой службой морского офицера. В 1853 г. за успешную доставку и сборку пароходов он награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В том же году единовременным награждением в 1000 рублей отмечен за отличие при взятии кокандской крепости.

В письме к Меньшикову от 20 сентября 1853 г. А.И. Бутаков говорит о поездке в Петербург с целью усиления Аральской флотилии – это было необходимо для охраны рыболовства и судоходства, перевозки войск и грузов. Сообщает также о постройке перевозочных ботов. Алексей Иванович не только старался привлечь внимание начальства к развитию родившейся в 1853 году флотилии, но и сам занимался ее укреплением. В этом его поддерживал генерал Перовский, который по докладу офицера заказал Нижегородской машинной фабрике 2 железных барказа и 5 перевозочных шлюпок.

Нелегкая служба Бутакова в 1853–1854 гг. скрашивалась семейной жизнью. Самым близким его помощником стала молодая жена Ольга Николаевна Безобразова. По пути из Оренбурга в Рамим (переименован в Аральское укрепление) 25 мая 1854 г. капитан-лейтенант пишет родителям, что “я опять в степи, но с супругой, которая много рисует киргизов, башкир, лошадей и проч.” Под его начальством находился отряд из 300 казаков и 50 башкир, которые сопровождали тележный транспорт с частями 7 железных гребных судов и грузом для Аральской флотилии – Алексею Ивановичу удалось добиться в Петербурге осуществления части своих планов по ее расширению.

Летом того же года, с середины июля и почти до конца сентября, Бутаков находится в плавании по Сыр-Дарье, занимаясь воинскими перевозками. К этому времени было принято решение о целесообразности перенесения Аральской верфи (в бывшем Раиме) в урочище Казалы, где природные условия более благоприятны. Осенью 1854 г. – на месте существующего здесь форта № 1 был устроен порт и эллинг для вытаскивания пароходов. Развивающаяся флотилия требовала такой перебазировки.

В следующем году около четырех месяцев, с 24 июня по 15 октября, под своим брeid-вымпелом на пароходе “Перовский” с участием парового барказа “Обручев” Бутаков производил опись Сыр-Дарьи. Довольно детально гидрографическими работами была охвачена значительная территория от урочища Кум-Суат, которое находилось в 80 верстах выше форта Перовского, до устья реки. В разгар навигации пришло извещение о том, что 30 августа 1855 г. Алексей Иванович произведен в чин капитана 2-го ранга. Так были отмечены как научные, так и военные заслуги офицера.

Очередная летняя кампания 1856 г. на Сыр-Дарье на трех паровых судах флотилии проводилась на протяжении почти трех месяцев. Зная, что в форте № 1 ждет жена, легче служилось, об этом поделился Бутаков в письме к брату Григорию. Кампания проходила во время начавшейся некоторой либеральной демократизации общества. Это было после неудачной Крымской войны 1853–1856 гг., явившейся толчком к морской реформе. За ее осуществление взялся генерал-адмирал Константин Николаевич, о котором современники говорят как о просвещенном морском деятеле.

Перед началом навигации В.А. Перовскому пришло письмо (с копией для А.И. Бутакова) от 29 февраля 1856 г., направленное от имени генерал-адмирала. Такие послания были адресованы важным лицам – от каждого требовался ответ в виде докладных записок, в которых сообщалось бы мнение о значении отечественного флота, цели его деятельности, составе. Василия Алексеича Перовского просили уведомить о своих соображениях, касающихся деятельности морских чинов и судов на Аральском море. В копии документа для капитана второго ранга Бутакова спрашивалось о его конкретных соображениях по поводу возможностей транспортировки войск по водным путям внутри Оренбургского края и в случае действий правительства в Средней Азии.

В рапорте генерал-адмиралу (копия Перовскому) Алексей Иванович обращает внимание прежде всего на важное обстоя-

тельство: в условиях бурливости Аральского моря и мелководности устьев Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи необходимо использовать выдвигные кили. При возможном военном движении в Средней Азии надо ознакомиться со всей Аму-Дарьей, поэтому офицер высказался о необходимости поездки русского посольства в Хиву. Для плавания вверх по реке предлагает применить железные баржи, которые следует буксировать пароходами (с указанием количества и размеров тех и других, а также мощности паровых машин). Следует заказать буксирные пароходы в Швеции, а баржи на Камско-Воткинском механическом заводе.

Наступивший 1857 год оказался насыщенным для Бутакова многими памятными событиями. Кампания на Сыр-Дарье была самой продолжительной – 192 дня; она началась 5 апреля и окончилась 13 октября. Аральская флотилия интенсивно занималась перевозками людей и грузов фортами № 1 и Перовским. 6 июня 1857 г. Алексея Ивановича за отличие производят в капитаны I-го ранга – звание, соответствующее его должности. В самом конце года вместе с женой офицер выезжает в Петербург, куда вызван в связи с подготовкой к поездке русского посольства в Хивинское и Бухарское ханства. Похоже, что его рапорт генерал-адмиралу был прочтен внимательно. Все шло к предстоящему плаванию по неведомой Аму-Дарье в глубь хивинской земли, нужен был человек с опытом ученого и воина.

Поэтому-то для содействия русскому посольству и был направлен отряд судов под начальством Алексея Ивановича, прошедший через Аральское море и по реке до хивинского г. Кунграда. В составе судов находился пароход “Перовский”, две новые железные баржи, имеющие выдвигные кили, а также железный барказ. Среди членов посольства наряду с дипломатами были ученые, в частности, астроном О.В. Струве. Научной работой занимался сам А.И. Бутаков, который первым провел гидрографическое обследование Аму-Дарьи в нижнем течении. Аральская флотилия совершала и обычные рейсы по Сыр-Дарье. За успешное содействие посольству ее начальник был награжден орденом Св. Анны 2-ой степени с короной.

Особенно напряженным стал следующий год, когда флотилия дважды совершала плавания в Аму-Дарью. Первый раз в июне-июле 1859 г. на флагмане “Перовский” с двумя баржами Бутаков доставил десант из 140 человек пехоты в верховье реки, чтобы снять с Кунграда осаду самого хивинского хана. Тот пытался лишить город недавно объявленной самостоятельности. Его 10-тысячное войско при 10 орудиях отступило, и флотилия вернулась в форт № 1. Второй раз Алексей Иванович отправился в низовья

Аму-Дарьи в конце сентября того же года на мелкосидящем пароходе “Обручев” с двумя баржами, чтобы исследовать в основном дельтовые рукава. Работа была проведена за три недели, причем дважды суда бесстрашно прошли мимо хивинской крепости Нукус. В результате собран значительный материал по гидрографии и картографии дельтовой области.

Как в прошлом, 1858 году, уже в остальное время летней кампании проводились текущие операции на Сыр-Дарье. В конце 1859 г. Бутаков был снова вызван в Петербург по делам Аральской флотилии. Он был пожалован императором Александром II во флигель-адъютанты, что в то время рассматривалось как большая награда.

Тогда же сменивший в 1857 г. Перовского новый командир Оренбургского отдельного корпуса генерал А.А. Катенин в рапорте генерал-адмиралу от 20 декабря 1859 г. просит наградить этого офицера орденом Св. Владимира 3-й степени: “За постоянно-ревностную и истинно-преданную службу, примерное исполнение возложенных на него минувшим летом поручений по исследованию устьев р. Аму-Дарьи и временного занятия г. Кунграда; командировки эти сопровождалась крайними лишениями и трудами”. Обращает на себя внимание, что в представлении подчеркивается как научно-исследовательская, так и военная стороны деятельности начальника флотилии в низовье Аму-Дарьи.

Высоко оценивая действия своих подчиненных в условиях большой опасности, А.И. Бутаков представил к награждению командиров, штурманов и механиков судов, которые участвовали в амударьинских операциях².

По монаршей воле в начале 1860 г. его командировывают в Англию вместо первоначально предлагавшейся Швеции. Туда офицер отправляется с женой для заказа двух железных пароходов, пловучего понтонного дока, баржи и шлюпок. Очевидно, доводы об укреплении Аральской флотилии были приняты во внимание генерал-адмиралом. Выполняя свою, в общем техническую миссию, Алексей Иванович находил время для знакомства с состоянием дел в английском флоте. Новые достижения в кораблестроении Америки также требовали ознакомления. Бутаков добился командировки и побывал в Сан-Франциско; здесь встретился с моряками русской эскадры, нанесшей дружеский визит иностранному государству.

В апреле 1861 г. вместе с женой он вернулся на Арал. Ольга Николаевна сразу же взялась за домашние дела, облегчая нелег-

---

² РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Ед. хр. 5554.

кую службу мужа. Об этом Алексей Иванович рассказывает в письмах к А.О. Смирновой-Россет, известной в петербургских кругах даме. В своих воспоминаниях она пишет: “Алексей Бутаков закупил в Ливерпуле машины и с женой отправился к Аральскому морю; отсюда он мне писал комические письма и описывал, что делает героиня пустыни, его жена, как она варит, готовит обед, каких зверей и птиц она ест, а каких дает только индигенам. Какие звери нас едят, которых мы едим”³. По-прежнему этот человек неизменен в своих шутках.

Будучи художником по образованию, его супруга находила время и для работы над произведениями. Начиная с 1853 и по 1861 г. (с перерывами во время пребывания в Петербурге и Англии) она много рисовала в основном карандашом и акварелью (некоторые из рисунков потом копировала офортом путем гравирования). Изображены эпизоды походной жизни, сделаны многочисленные зарисовки портретов местных жителей, степных и приморских пейзажей и другие (рисунки собраны в нескольких альбомах). Об этом рассказано Г.Н. Чабровым (1957), который подчеркнул, что художественные произведения О.Н. Бутаковой в живой и яркой форме помогают раскрыть содержание исследований на Аральском море.

Интересно, что в командировке ее муж серьезно занялся изучением технических новшеств, введенных в английский паровое судостроение, в частности, применения желобчатого гальванизированного железа. Вскоре, в 1861 г., в “Морском сборнике” об этом им были опубликованы две специальные статьи.

К тому времени состояние Аральской флотилии представлялось следующим образом: паровые (пароход “Перовский”, 40 л. с.; паровой баркас “Обручев”, 12 л. с.) и перевозные суда (шхуны “Константин” и “Николай”, 2 баржи железных, 2 барказа, 5 шлюпок, 1 плоскодонный бот, 4 яла); всего 16 пловучих средств. Кроме того, уже указывались строящиеся (2 парохода, баржа и пловучий док, 6 шлюпок – в Ливерпуле; баржа, 2 паромы, 8 шлюпок – на Камско-Воткинском заводе); еще 22 плавучих единицы⁴. Таким образом, к 1862–1863 гг. численность флотилии должна была увеличиться более чем в два раза.

В сентябре 1861 г. Бутаков известным ему путем уже отправил из Самары части новых пароходов. Вместе с ними в ноябре прибыл на базу Аральской флотилии – в форт № 1. В течение года была произведена сборка обоих пароходов и баржи, которые

³ Смирнова А.О. “Записки, дневник, воспоминания и письма”... С. 228.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 299. Лл. 87–91.

спустили на воду к концу 1862 г. В следующем году собрали и пловучий док. Водоизмещение большого парохода, названного “Аралом”, достигало почти 200 т (при мощности паровой машины свыше 90 л. с.), а меньшего – “Сыр-Дарья” – всего 70 т (с мощностью порядка 40 л. с.). Следовательно, мощность их механизмов в несколько раз превосходила показатели “Перовского” и “Обручева”.

К началу навигации 1863 г. Аральская флотилия уже состояла из более, чем трех десятков пловучих средств; она базировалась на современном тогда портовом хозяйстве, созданном Алексеем Ивановичем, куда входил взаимосвязанный комплекс сооружений – пристань, эллинг и док. Тем самым офицер внес значительный вклад в намеченный план морской реформы, рекомендации по ее проведению на Аральской флотилии были направлены им еще в 1856 г. За прошедшие 7 лет было выполнено не только предложение по расширению и улучшению состава Аральской флотилии, а также ее базы, но и пожелание о проведении гидрографических исследований на Аму-Дарье (с предлогом для их начала – направлением в Хиву дипломатической миссии, включающей ученых).

С дальнейшим изучением Сыр-Дарьи в военных целях связано Высочайшее повеление Александра II произвести ее опись вверх по течению, в местах протекания в ташкентских владениях. Летняя кампания 1863 г. оказалась последней на 15-м году плодотворной деятельности А.И. Бутакова на Арале и Приарале. Утешало лишь то, что навигация знаменательного для него года прошла в занятии любимым делом – изучением гидрографии и картографии совершенно неизвестной прежде средней части Сыр-Дарьи.

В связи с тем, что выше об Алексее Ивановиче рассказывалось в основном как об учредителе и командующем флотилии, далее рассмотрим его вклад в изучение неизвестных европейцам рек Аральского бассейна.

Исследование Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи

Примечательно, что к научным наблюдениям в долгожданной Аральской экспедиции А.И. Бутаков приступил именно на Сыр-Дарье, когда 25 июля 1848 г. “Константин” отчалил от пристани Раймского укрепления. В течение 5 дней шхуна с большими трудностями прошла по мелководной реке и 30 июля, как известно, вышла в море. В “Дневных записках” говорится о том, как судно преодолело главные мели близ устья Сыр-Дарьи, когда пришлось местами стаскивать его силой. Об этом начальник экспедиции пишет в дневнике 26 сентября 1848 г., рассказывая о вхождении “Константина” в устье реки из моря при возвращении из первой аральской кампании.

Начальные наблюдения на Сыр-Дарье и в ее дельте нашли отражение в опубликованной в 1853 г. работе Бутакова об экспедиции на море в 1848 г. Отмечается, что наивысший уровень воды в дельте (при глубине фарватера 3–3,5 фута) наблюдается в июне-июле, когда в горах усиленно тают снега. Интересны для использования в навигационных целях следующие наблюдения: “Зимой лед лежит во многих местах дельты на дне, и тогда вода продирает под ним путь и углубляет фарватеры, которые потом снова заносит илом и песком. Берега реки поросли высоким и густым камышом, достигающим в высоту до 20 футов (почти 6 м)¹.

Исследователем приводятся основные сведения о Сыр-Дарье, ее главных рукавах, дельтовом острове Кос-Арал, на котором в 1848–1849 гг. находилась зимняя стоянка шхуны “Константин”. Приводится много новых сведений о прежних рукавах, расположенных к югу от главного устья того времени. По рассказу старейшего аксакала, лет 60 тому назад в высохшем рукаве – Куван-Дарьи воды было намного больше, чем в нынешней реке; в то время существовал, ныне пересохший, еще один рукав – Янги-Да-

---

¹ Бутаков А.И. Сведения об экспедиции, снаряженной в 1848 г. для описи Аральского моря. С. 7.

рья, хотя и со слабым течением. Алексей Иванович делает важный вывод, что Сыр-Дарья перемещает свои русла в северном направлении.

Ее рекогносцировочное обследование было произведено летом 1853 г., перед осадой и взятием кокандской крепости Ак-Мечети. Тогда А.И. Бутаков, только возглавивший созданную им флотилию, под своим брeid-вымпелом на “Перовском” отправился вверх по Сыр-Дарье. Это было первое плавание парохода по реке. Вместе с Алексеем Ивановичем были его сподвижники по Аральской экспедиции К.Е. Поспелов и К.Д. Рыбин. В походе принял участие гидрограф капитан-лейтенант Н.А. Ивашинцев, который позднее прославился своими исследованиями на Каспийском море.

Результатом первого рекогносцировочного обследования стали данные о глубинах, скорости течения, особенностях дна, которые были обобщены в виде гидрографического описания реки. Эти материалы в следующем году Ивашинцов опубликовал в журнале “Морской сборник”, познакомив читателей с почти неизвестными до этого низовьем Сыр-Дарьи и прилегающей степью.

Первые гидрографические сведения о части нижнего течения реки были пополнены подробными данными, благодаря организованной через два года специальной описи всего низовья. На протяжении около четырех месяцев, с 24 июня по 15 октября 1855 г., Бутаков производил гидрографические работы на Сыр-Дарье, начав их в 80 верстах выше форта Перовского, у урочища Кум-Суат, и закончив в ее устье. Как отмечалось, исследования велись на пароходе “Перовский”, а на мелководных участках использовался паровой барказ “Обручев”. Результаты были обнародованы Алексеем Ивановичем сначала в “Морском сборнике” (1857 г.), а затем в известном немецком журнале по общему земледелию (1858 г.).

В опубликованных работах приводятся довольно подробные сведения о рельефе, климате, гидрологии, а также некоторые данные о почвах, растительности и животном мире низовья Сыр-Дарьи. Обращает на себя внимание комплексность изучения природы реки. Лишь при таком подходе можно получить наибольшие практические результаты. Бутаков наблюдал взаимодействие природных составляющих, в особенности в дельтовой области, о чем кратко, но ярко сказано в статье “Морского сборника”.

«Перед впадением своим в Аральское море, Сыр-Дарья образует дельту, с множеством протоков, большей частью мелких. Главные рукава ее омывают с севера и с юга остров Кос-Арал. По рассказам киргизов-старожилов, главное устье Сыра, лет за 30,

было южнее. Я был на нем в 1849-м году, и оно имело тогда едва заметное течение: его *засорили ежегодно осаждаемые после половодья наносы и занесли пески, намываемые прибоем Аральского моря* (выделено нами. – В.Л.). Там, где прежде течение могло ворочать камни, как выражались киргизы, теперь обширные разливы и болота, густо заросшие камышом и кугой.... Вообще, русла устья Сыр-Дарьи перемещаются к северу, что и я мог заметить в течение восьмилетнего знакомства моего с этой рекой: главный фарватер протока, идущего к северу от Кос-Арала, которым вливается в Аральское море почти вся Сыр-Дарья, – фарватер, которым в 1848 году я проводил шхуну “Константин” для описи Аральского моря, занесло в 1852 году и река промыла себе новый, севернее его и глубже тогдашнего. Мели, едва обнажившиеся в 1848 и 1849 годах, превратились теперь уже в острова, густо поросшие камышом, кугой и тальником; в дельте образовались новые мели, которые без сомнения скоро также превратятся в острова. Осаждение земляных частиц, выносимых течением реки, и действие морского прибоя, намывающего песок навстречу течению при господствующим С и СЗ ветрах, оказали весьма заметное действие на самое устье Сыр-Дарьи. Там, где в 1848 и 1849 годах я свободно вылавировав в море на шхуне “Константин”, сидевший на 4½ фута, образовались в течение 6 лет мели, выдвинувшиеся на 4 версты вперед, с новыми фарватерами между ними. Каждую весну, при вскрытии Сыр-Дарьи, лед отрывает от берегов множество салов, т. е. киргизских плотов или паромов, связанных из камыша и куги. ...Лишь только они останутся, на них тотчас же намывает илу или песку, и мало-помалу образуется остров, на котором скоро вырастет камыш и разные водяные травы, а потом кустики тальника. Весьма многие острова Сыр-Дарьи обязаны своим началом именно этому»².

Несомненно, в приведенном сжатом очерке дельтовых образований Сырдарьи, как своеобразной части ее низовий, высказывается ряд важных соображений, подкрепленных фактами большого научного значения. Весьма существенно то, что автор широко использует сравнительно-географический метод исследования, сопоставляя собственные данные о состоянии сырдарьинской дельтовой области 1848–1849 гг. с результатами 1855 г. При этом стремится выделить несколько факторов дельтообразования, а не свести к одному – отложению в устье речных выносов.

---

² *Бутаков А.И.* Краткое описание реки Сыр-Дарьи от форта Перовский до устья.

Очень важен вывод о явно выраженных тенденциях перемещения устьев реки на север. Для усиления его обоснованности к прежним, более долгосрочным сведениям о перемещении старых рукавов Куван-Дарьи и Янги-Дарьи, Бутаковым привлекаются в общем аналогичные факты, связанные с главным устьем Сыр-Дарьи, охватывающие менее десятка лет. При этом выясняется все та же тенденция смещения в северном направлении.

За 8 лет, прошедшие между исследованиями устья реки, усложнились представления Алексея Ивановича о дельтообразовании. Как моряк, он не случайно в 1848–1849 гг. подметил, что волнение оказывает существенное влияние на этот процесс, прежде объяснявшееся преимущественно устьевым отложением речных выносов. Однако новые исследования 1855 г. в дельте Сыр-Дарьи, проведенные в устьевой области со стороны суши, привели к необходимости учесть взаимодействие волнения с речным осадконакоплением. Более того, ученый расширяет свои представления о механизме первоначального накопления речных наносов. Как выяснилось, непосредственным толчком к их выпадению может служить антропогенный фактор – искусственные плоты, сделанные обычно из камыша. Затем вступает в действие биологический фактор – появляющиеся заросли камыша, тальника и другой водной растительности.

Не случайно интересные научные высказывания А.И. Бутакова, посвященные природным закономерностям развития низовий Сыр-Дарьи, были опубликованы на страницах “Морского сборника”. Этот журнал, выходивший в свет с 1848 г., – один из прогрессивных печатных органов, известных и за пределами страны. В нем наряду со специальными научно-техническими статьями также публиковались материалы по истории флота, об экспедициях и исследованиях, публицистика и даже художественные произведения на морскую тематику. Издание сыграло большую роль в проведении морской реформы 50–60-х годов XIX в., в которой принял участие и командующий Аральской флотилией. Научным продолжением исследований на Сыр-Дарье являются работы в низовьях Аму-Дарьи, проведенные А.И. Бутаковым через три года. Благодаря им были значительно расширены первые представления о природе устьевой области реки, полученные офицером в его “тайных” плаваниях в 1848–1849 гг. Чтобы были более понятными научные достижения Алексея Ивановича в исследованиях этой области через десять лет, в 1858–1859 гг., припомним, что было сделано им при первом появлении здесь.

Осторожная глазомерная съемка со шхуны “Константин” выявила четыре рукава Аму-Дарьи, впадающие в Аральское море.

Среди них самый западный – Лаудан, воды которого втекали в своеобразное озеро-разлив Айбугир. К востоку от него располагались Талдык, Улькун-Дарья и Улу-Дарья (Яны-су). Между всеми этими рукавами находилось множество мелководных и заросших камышом протоков, которые непосредственно впадали в море, образуя большое количество наносных островов. Ночные промеры обнаружили к юго-востоку от острова Токмак-Ата глубины от 1 до 2,5 фута (не более 1 м), приуроченные к устьям дельтовых протоков. Наблюдения в устье протоки Джалпак позволили заключить, что его обмеление обязано как волнению, так и речным выносам.

Совсем в другой обстановке проходило обследование низовой Аму-Дарьи через 10 лет. Как известно, летом 1858 г. Бутаков с посольством прошел на трех судах в Хиву по Аму-Дарье до г. Кунграда. В это мирное плавание ему удалось провести преимущественно рекогносцировочные гидрографические работы. В обстоятельном письме родителям (на 12 листах) подробно описывается летняя кампания прошедшего года. Алексей Иванович сообщает, что продвинулся по реке еще вверх от Кунграда, хотя пришлось преодолеть препятствия со стороны хивинских чиновников. Он также рассказал о поощрении со стороны генерал-губернатора М.А. Катенина, который официально выразил благодарность за действия флотилии на Аму-Дарье.

В следующем 1859 году обследование низовий было продолжено, но плавание Аральской флотилии было военным по своим целям. На первом этапе, с 14 июня по 22 июля 1859 г., Бутаков принял участие в снятии осады г. Кунграда хивинским ханом. Город защищал бек Магомет Хан, который сверг наместника хана. Во время этой военной операции попутно проводился ряд гидрографических работ. Выяснилось, что прежние четырехкратные обследования низовий Аму-Дарьи в течение десятилетия позволили собрать рекогносцировочные данные по гидрографии и картографии.

Поэтому на втором этапе, с 13 августа по 23 сентября, начальник флотилии на вооруженном мелкосидящем пароходе “Обручев” с двумя баржами проводит довольно подробное изучение амударьинской дельтовой области. Были собраны преимущественно инструментальные данные для навигационно-гидрографического описания низовий реки, дополняющие накопленные ранее сведения. Относительно особенностей отложений и рельефа дельтовой области Бутаков ограничивается указанием на преобладание глинисто-солончаковой почвы и низменной поверхности, покрытой разнообразной естественной и культурной растительностью.

Подробные исследования выявили общую схему расположения рукавов и протоков в дельте Аму-Дарьи. Главных рукавов, как и десять лет назад, осталось четыре: Лаудан на северо-западе, Тальдык и Улькун-Дарья в середине, Яны-су на северо-востоке. В промежутке между ними по-прежнему находится большое количество мелководных заросших камышом протоков, впадающих в море. Сама дельта начинается у Нукуса.

Первым рукавом, отделяющимся от Аму-Дарьи влево (выше г. Ходжайли), оказался Лаудан, который проходил через камыши озера Айбугир вдоль Устюрта, имея слабое течение и глубину всего 1,5 ф. 22–24 июня 1858 г. через Айбугир на лодках переправлялось русское посольство в Хиву, которое шло из Оренбурга западным берегом Арала. Для содействия ему из устья Сыр-Дарьи сюда прибыли пароходы “Петровский” и “Обручев” Аральской флотилии.

Ниже по течению (у г. Ходжайли) от Аму-Дарьи отходил вправо Куван-Джарма, затем вливавшийся в озера. Оттуда начинался Яны-су, имевший здесь ширину до 40–70 саж. при глубине 5–8 ф. Аму-Дарья медленно со скоростью от 0,5 до 1,5 узла вливалась свои воды в залив Туще-Бас на юго-востоке Арала. Бутаков заметил, что рукав стал менее многоводным, чем в 1848–1849 годах, хотя прошло всего 10 лет.

Еще ниже (в 65 верстах от г. Ходжайли) река 200 саж. шириной и 3–7 футов глубиной выделяла несколько протоков, в том числе и наиболее крупный – Корайбали. Разлившись, они образовывали зарастающие камышом озера, из которых и вытекал самый многоводный рукав Аму-Дарьи – Улькун-Дарья. Однако по наблюдениям Алексея Ивановича к 1858 г. его объем воды уменьшился. В трех верстах от начала Улькун-Дарья имел ширину 80 саж. при глубине 4–6 футов.

Этот рукав, в свою очередь, не доходя 10 верст до моря раздваивался, более значительная западная протока получила название Кичкен-Дарьи. В Улькун-Дарью справа впадало несколько протоков, названных Кук-узюк и обладающих значительной глубиной в 6–7 саж. при ширине 15–20 саж. Через нижний из них в 1859 г. Бутаков и проник сперва в Улькун-Дарью, а затем через камышовые озера в Корайбали, оттуда – в главное русло Аму-Дарьи. Самый многоводный рукав в 70 верстах от собственного устья отделял от себя вправо протоку Казак-Дарья, которая впадала в море примерно посередине между Улькун-Дарьей и Яны-су.

Рукав Талдык, вливающий свои воды в Арал к югу от острова Токмак-Ата, в противоположность остальным главным руслам Аму-Дарьи, представлял собой не прерываемую озерами

часть последней, получившей название Талдык ниже г. Кунграда. У моря он разделялся на протоки. Бутаков обратил внимание на исключительную динамичность устьевой части этого рукава. Если в 1848–1849 гг. исследователь наблюдал здесь довольно быстрое течение и глубины на बारे в 3 фута, то в 1858 г. ему пришлось отметить, что благодаря наносам бар переместился в сторону моря на 2 версты вперед при падении глубины до 1,5–1,25 футов и образовании вязкого дна.

Становится понятным, что открытие обширной амударьинской дельтовой области всецело принадлежит А.И. Бутакову. Только благодаря проведенным им исследованиям гидрография и картография неведомой области “приведена в исправное состояние”, как тогда говорили. Существенно и то, что на собранном огромном фактическом материале офицер-ученый продолжал разработку теоретических представлений об основных закономерностях развития дельтовых областей. Причем, как и при обобщении данных по сырдарьинской дельтовой области, широко применял сравнительно-географический метод исследования.

Бутаков окончательно убеждается в динамичности основных элементов дельтовых областей – рукавов и протоков, баров и отмелей, островов – в их беспрестанной изменчивости во времени и пространстве. Еще более утверждается в своем выводе о том, что в дельтообразовании ведущую роль играют волновые процессы и вынос речных наносов при активном участии водной растительности. Такой многофакторный подход объясняет интенсивность нарастания дельтовой суши, достигающую, в частности, в дельте Аму-Дарьи с 1848–1849 по 1858–1859 гг. ежегодного темпа порядка 100 саж. (около 210 м).

Важно, что к этим представлениям Алексей Иванович пришел путем совершенствования своих теоретических взглядов по мере расширения и обобщения фактического материала. Приходится удивляться научной прозорливости исследователя, который опередил современников – зарубежных и отечественных ученых-географов в познании истинных дельтообразующих процессов. Эти теоретические выводы были важны для практики, в особенности для определения судоходных свойств рукавов и протоков в связи с освоением дельтовых областей.

К изучению Сыр-Дарьи офицер вернулся на четвертый год после гидрографических исследований в амударьинской дельте. В особом разделе “Полного послужного списка контр-адмирала Алексея Бутакова 2-го”, где фиксируются все его плаванья, начиная с первого в 1828 г., в качестве кадета-первогодка, записано: «В 1863 г. на пароходах “Арал” и “Сыр-Дарья” под своим брейд-

вымпелом, по Сыр-Дарье с 1 апреля по 14 октября; в ту же навигацию произвел опись реки от форта “Перовский” вверх до урочища Байлдыр-Тургая на расстоянии 807 верст с 9 июня по 20 июля» (выделено нами – В.Л.)³.

За почти полтора летних месяца 1863 г. Алексеем Ивановичем впервые произведена съемка средней части Сыр-Дарьи, дополняющая прежнюю съемку ее нижнего течения (с общим протяжением от устья реки 1500 верст). В ходе гидрографических работ были собраны ценные данные о распределении глубины, местонахождении мелей, скоростях течения реки, грунтах дна и другие. Графическим результатом, имеющим большое научное и практическое значение, явилась первая карта Сыр-Дарьи от форта Перовский и до урочища Байлдыр-Тургая (ныне Баиркум). Составленный под руководством Бутакова ее авторский оригинал находится в фондах Российского государственного архива ВМФ.

Казалось, теперь-то Алексей Иванович еще активнее развернет свою деятельность по изучению и освоению Аральского бассейна с его морем и реками. Но 26 августа 1863 г., вопреки желанию, его “отчисляют”, говоря канцелярским языком, от командования Аральской флотилией с переводом в столицу – Петербург, для службы в Балтийском флоте. Рухнули планы о дальнейших исследованиях Приаралья и Арала. Об этом А.И. Бутаков с горечью пишет брату Григорию. Оставалось одно: вдали от любимого моря продолжать обобщение собранных экспедиционных материалов и публиковать результаты своей работы, знакомя с ними цивилизованный мир.

---

³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Ед. хр. 639.

Снова на Балтике. Незабываемое Аральское море

После того как в августе 1863 г. неожиданно для себя А.И. Бутаков был назначен на Балтику, ему пришлось долго заниматься сдачей Аральской флотилии. За 10 лет много труда было вложено морским офицером в ее укрепление – суда плавали в условиях пустынного Аральского бассейна. Ведь недаром существовали особые пункты предписания, в том числе и о том, что “принимать каждые 3 года службы в Аральской флотилии как принимается служба в Сибири за 4 года”. Плавания здесь приравнивались к походам в заграничных водах, а время, проведенное на Сыр-Дарье и Аральском море, считалось как служба против неприятеля. Все это имело значение при составлении послужного списка для исчисления выслуги лет.

Только 24 февраля 1864 г. вместе с женой Алексей Иванович вернулся в Петербург. Через два месяца, 19 апреля, его производят в контр-адмиралы с пожалованием аренды (особой пенсии) в 1500 руб. на 12 лет. При этом назначают начальником штаба практической эскадры, на которой совершали летнее плавание по Финскому заливу и Балтийскому морю великие князья Алексей Александрович (сын царя Александра) и Николай Константинович (сын генерал-адмирала Константина Николаевича). Невольно офицеру вспомнились ранние годы службы на Балтике, когда он в 1838 г. плывал с таким же подростком великим князем Константином Николаевичем, уже тогда назначенным Николаем I генерал-адмиралом. Штабная служба на “придворной” эскадре осенью того же года сменилась должностью заведующего морскими командами, расположенными в Петербурге, что приносило мало удовлетворения А.И. Бутакову.

Осенью 1864 г. свой отпуск Алексей Иванович с Ольгой Николаевной провели в ее имении, унаследованном от матери. Впечатлениями об этой поездке он поделился с братом Владимиром, который в письме от 6 ноября другому брату Григорию передает содержание полученного послания: “Леля и Ольга возвратились

из своей Могилевской Пустошки и Леля мне подробно описал как он глупо там себя чувствовал; вообще его письмо полно забавного юмора. Они подарили крестьянам землю и прослыли дураками (его выражение) на всю Могилевскую, возвратились в Питер очень довольные”¹.

Это письмо подтверждает, что став контр-адмиралом, Бутаков остался таким же, каким был с молодости. Тот же юмор и гуманизм сквозит даже в пересказе его послания. Подстать своему мужу и Ольга Николаевна, владелица земли в деревне Пустошка, разделяющая его взгляды. Несмотря на насмешки губернских дворян, супруги добровольно передали свою землю крестьянам, посчитав неполной реформу 1861 г., согласно которой освобождение от крепостной зависимости не предполагало выделения крестьянам земли. Оба “очень довольные” вернулись домой, где Алексея Ивановича ждали приятные занятия, к которым он собирался приступить: подготовить к печати еще неопубликованные труды по Аралу и Приаралью.

Во время кампании 1865 г. одно назначение по службе следовало за другим. А.И. Бутаков начал ее весной командующим Невским отрядом судов, имея адмиральский флаг на яхте “Королева Виктория”. Летом служил младшим флагманом на броненосной эскадре, начальником которой являлся контр-адмирал И.Ф. Лихачев. Осенью ему было поручено командование шхерной эскадрой броненосных судов, во главе которой плавал с дружеским визитом в Швецию (Стокгольм); король этого государства наградил русского офицера орденом Св. Олафа 1-й степени.

Таким образом, на протяжении 1864–1865 гг. морская служба ученого не отличалась постоянством в исполнении должностных обязанностей, к чему он привык в Аральской флотилии. Привыкнув быть самостоятельным командиром, Алексей Иванович тяжело переносил это.

Возможность отвлечься от неинтересной службы он находит в научной работе, которой занимается по вечерам. В ноябре 1864 г. представляет в Морской ученый комитет записку “О вновь усовершенствованных англичанином Гелем ракетах без хвостов”, основываясь на материале, собранном во время командировки в Англию в 1860–1861 гг. В августе следующего года туда же подает новую записку “Об изобретенном иностранцем Гелем способе отнимать у пороха воспламеняемость и возвращать его в короткое время”.

¹ РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 27.

Основное внимание А.И. Бутаков продолжает уделять обобщению материалов, собранных в Аральском бассейне. В 1865 г. в журнале “Русская старина” выходит в свет статья “Эпизод из современной истории Средней Азии”, в которой он делится с читателями воспоминаниями об истории Мухамед-Хана, ставшего ханом Кунграда после устранения в 1858 г. наместника хивинского хана. Рассказывает о том, что для укрепления своей власти новый правитель использовал туркмен, которые грабили население, вызывая его недовольство. В июне 1859 г., во время исследования дельты Аму-Дарьи, Бутаков видел Мухамед-Хана, когда недовольство нарастало, а в августе того же года заговорщики убили хана. Тем самым, автор показал сложные социально-политические процессы, происходящие в Средней Азии, с которыми следует считаться.

Приятным для следователя напоминанием об Арале и Приаралье стало то, что в 1865 г. король Италии наградил его знаками Командорского креста ордена Св. Маврикия и Лазаря за гидрографические работы в Средней Азии.

С самостоятельного командования шхерной эскадрой броненосных судов, требующего современных знаний военно-морской техники, в кампании 1866 г. офицер почему-то был возвращен на должность младшего флагмана броненосной эскадры под начальством И.Ф. Лихачева. Об этом он сообщает брату Григорию в письме от 3 июня. Плавание в Финском заливе продолжалось до 19 сентября, причем последний месяц кампании Алексей Иванович исполнял обязанности командующего броненосной эскадрой (за отсутствием по болезни Ивана Федоровича). В письме к брату Владимиру он сообщает, что заканчивает плавание с оказавшимся непорядочным И.Ф. Лихачевым, чему очень рад. В конце декабря 1866 г. А.И. Бутакова назначают членом Морского технического комитета по артиллерийскому отделению, созданного при Морском министерстве.

Все это было далеко от его научных устремлений. Потому в свободное от службы время исследователь по-прежнему занимается подготовкой аральских материалов к печати. В 1866 г. вышла статья в немецком географическом издании, посвященная описанию Сыр-Дарьи между фортом Перовский и урочищем Бойлдыр-Тугай. Благодаря этому западно-европейские географы ознакомились с неизвестной прежде частью этой реки. Соответствующий же материал на русском языке отсутствовал.

Порадовало и опубликование в том же году статьи о дельте и устье Аму-Дарьи, в которой довольно подробно описывается сложная гидрографическая сеть, составленная рукавами и протоками дельтовой области реки. Сопоставляются глубины в устьях,

которые наблюдались в 1848–1849 гг. и в 1858–1859 гг. О самом многоводном рукаве Улькун-Дарье (великая река) автор говорит, что глубина его бара “подвержена беспристанным изменениям: переходя через него в конце июля 1859 г. я нашел на нем только 2 1/2 фута воды и должен был выгрузить пароходы дочиста, послать в воду людей с лопатами разгрести себе путь и протаскиваться вперед шаг за шагом; а в августе и сентябре 1859 г. на баре было 4 и 4 1/2 фута и я переходил через него как нельзя легче под парами”². В статье описываются города Кунград и Нукус, занятия каракалпаков – земледелие и садоводство, отчасти, скотоводство. Говорится, как в 1859 г. суда прошли по Улькун-Дарье, оказавшись в середине хивинской армии, да к тому же сели на мель, но жители не отважились напасть на вооруженные шхуны. В конце рассказывается об освобождении русской женщины, угнанной в неволю еще в 1836 г. из станицы севернее Орска. Приведен список из пяти определенных Бутаковым астрономических пунктов в дельте Аму-Дарьи.

1866 год закончился награждением Алексея Ивановича орденом Св. Владимира 3-й степени за отличие по службе. Напомним, что этот орден, но 4-й степени он получил в 1850 г. за успешное окончание съемки Аральского моря. В 1859 г. представлялся к ордену Св. Владимира 3-й степени за исследование устья Аму-Дарьи, но был отмечен другой наградой.

Начало 1867 года нашло двойственный отклик в душе Алексея Ивановича. Он был рад назначению самого близкого ему по духу брата Григория на должность начальника броненосной эскадры вместо И.Ф. Лихачева. Морская общественность знала Г.И. Бутакова как героя первых пароходных сражений в Крымской войне, “достойного ученика М.П. Лазарева, обладающего превосходными умственными и нравственными качествами”, как записано в “Общем морском списке” (1897). В то же время Алексей Иванович был огорчен, когда в начале февраля 1867 г. его направили в распоряжение Главного командира Петербургского порта “для ближайшего наблюдения за боевым образованием и порядком в казармах морского ведомства, в Петербурге расположенных”. В июле–октябре офицер исполнял обязанности эскадрмайора при императоре (вместо временно отсутствующего генерал-майора, занимающего эту должность).

Снова ученый ищет удовлетворения в освещении через печать своих аральских трудов. Именно в 1867 г. в английском географическом журнале была опубликована его статья о дельте и

---

² Отечественные записки. 1866. № 1. С. 137.

устьях Аму-Дарьи. Лондонское географическое общество высоко оценило научный труд об Аральском бассейне, наградив автора золотой медалью. В том же году сообщение об этом факте было помещено на страницах “Морского сборника”, с законной гордостью говорилось об очередном признании успехов отечественной географической науки и одного из ее выдающихся деятелей.

Наступивший 1868 год стал для А.И. Бутакова годом, когда он не совершал плаваний, продолжая служить под начальством Главного командира Петербургского порта по “казарменным делам”.

Свои обязанности офицер выполнял добросовестно, что было свойственно этому человеку, несмотря на то, что задачи не всегда соответствовали его интересам. Алексея Ивановича награждают очередным орденом – Св. Станислава 1-й степени “за отличие по службе”.

Приятной обязанностью было участие в выпускных экзаменах, которые А.И. Бутаков принимал в марте-апреле 1868 г. у воспитанников Морского кадетского корпуса, находясь в составе экзаменационной комиссии, созданной по приказу генерал-адмирала. Прошло 32 года как он покинул Морской корпус, проучившись 9 лет. Вспомнились преподаватели, которых теперь уже не было, товарищи, конечно же, среди них и Г.И. Невельской, широко известный в морских кругах. Заметны были большие изменения в составе кадетов и программе обучения, хотя предметы в основном сохранились.

Новшества стали результатом морской реформы, начавшейся во второй половине 50-х годов. Возглавивший ее генерал-адмирал Константин Николаевич одной из задач считал подготовку знающих офицеров, в совершенстве владеющих основами современного морского дела. Начиная с 1861 г., в Морской корпус стали принимать по конкурсу детей не только дворян, но и заслуженных флотских и армейских офицеров, а также гражданских чиновников. В 1867 г. учебное заведение было преобразовано в Морское училище с 4-летним обучением, в которое принимали 16-летних юношей. Крупные преобразования связаны с именем нового директора (с 1861 г.) В.А. Римского-Корсакова (старшего брата знаменитого композитора). Он был выпущен офицером из кадетского корпуса в 1838 г., на 2 года позже А.И. Бутакова. Командуя шхуной “Восток” в 1853 г. совершил переход из Портсмута на Дальний Восток, где действовал по указанию руководителя дипломатической миссии в Японии вице-адмирала Е.В. Путятина (на фрегатах “Паллада” и “Диана”). Впоследствии на шхуне “Восток” он произвел опись западного берега Сахалина, первый в истории прошел из Японского моря в устье Амура через пролив Не-

вельского. Эти исследования были своеобразным продолжением работы знаменитого Г.И. Невельского. В 1865 г. уже в директорской должности В.А. Римскому-Корсакову присваивается звание контр-адмирала.

Конечно, А.И. Бутаков знал о нововведениях, зачинщиком которых выступал его бывший сотоварищ по Морскому корпусу. Среди них самостоятельная работа, сокращение строевой подготовки, отмена ряда предметов и ежедневный уход в город после занятий. Алексею Ивановичу было интересно узнать результаты такой реформы. Предстояло как устно, так и письменно (от 6 до 10 вопросов в каждом билете) проэкзаменовать 20 воспитанников. Каждый выпускник должен пройти испытания по 12 предметам: закон божий, навигация, астрономия, морская артиллерия, морская съемка, морская практика, практическая механика, теория кораблестроения, физическая география, законоведение, русский язык, французский или английский язык.

Вспомнил А.И. Бутаков, как в декабре 1832 г., в этом же здании сдавал выпускные экзамены по 16 предметам. Многие из них были теми же, что у нынешних выпускников, но появились и новые – практическая механика и морская практика. Не стало в этом списке статики, математики, физики, химии, истории. Зато единый экзамен по астрономии и навигации был разделен на два. В наступившее время паровых судов заметно усилились требования к практической морской подготовке молодых офицеров.

Этого не мог не оценить моряк, давнишний приверженец замены парусных судов флота паровыми. Однако, как стороннику знания нескольких иностранных языков, ему вряд ли понравилось, что вместо экзаменов по французскому и английскому, которые сдавались прежде, можно ограничиться одним из них.

После работы в экзаменационной комиссии, Алексей Иванович до осени 1868 г. занимался текущими делами в морских командах Петербурга, посещая казармы и проверяя выучку моряков. Он понимал этих людей, нужды матросов и унтер-офицеров. Подчиненные отвечали взаимностью в отношениях со справедливым и знающим начальником, но тому хотелось большего, чем позволяла инспекторская служба. Ведь А.И. Бутаков впервые не вышел в море, на очередную летнюю кампанию, хотя по-прежнему мечтал об активной деятельности.

Возникает вопрос: почему блестящий военно-морской офицер, научный исследователь по-существу находился в стороне от важных флотских дел?

О его достижениях было известно не только в прогрессивной морской среде, но и в широких кругах общественности. Так,

А.О. Смирнова в салоне которой читали собственные произведения Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Толстой и бывали выдающиеся деятели, в своих воспоминаниях говорит о морских офицерах, в частности о А.И. Бутакове, что это "... были порядочные люди: из них вышли наши герои Корниловы, Нахимовы и трое Бутаковых (Алексей Иванович, Григорий Иванович, Иван Иванович – *В.Л.*), ознаменовавших себя различными подвигами. Спокойные, хладнокровные, эти рыжички, как звали их солдатики, были замечательные люди. Я встретила Григория и Алексея у фельдмаршала Барятинского (активный участник Кавказских войн и Крымской войны – *В.Л.*), и наслаждалась их разговорами"³.

Наверное прав В.И. Дмитриев, автор первой биографической книги об Алексее Ивановиче, дающий такое объяснение:

«Царские сановники сознательно мстили Бутакову за смелость и широту его взглядов, за открытую критику царивших во флоте крепостнических порядков, за гуманное отношение к "политическому преступнику" Тарасу Шевченко, за непокорный характер. Трудно было придумать более неподходящие должности для исследователя Арала, научные заслуги которого были высоко оценены учеными всего мира»⁴.

Действительно, для начальства А.И. Бутаков был "неудобным" человеком на протяжении всей своей офицерской жизни от мичмана до контр-адмирала, но за патриотизм и гуманизм его всегда любили подчиненные.

Пришла осень 1868 г., когда Алексей Иванович почувствовал ухудшение здоровья, что прежде ему было незнакомо. Бутаков с детства был крепышом, любил парусный спорт, занимался греблей и катанием на коньках. Из писем к родным известно, в частности, что в зимовку на Кос-Арале он катался на коньках (как и Т.Г. Шевченко). Алексей Иванович не признавал изнуряющие картежные игры, довольно распространенные среди офицерства.

К началу 1869 г. боли в области печени усилились, пришлось обращаться к начальству по поводу отпуска для лечения. В феврале офицеру был предоставлен отпуск в Германию. Сейчас же остановимся на деятельности Алексея Ивановича как представителя географической общественности.

---

³ Смирнова А.О. Записки. Дневник, воспоминания, письма. С. 327.

⁴ Дмитриев В.И. А.И. Бутаков. С. 52.

В Русском географическом обществе

Как неоднократно отмечалось, в научном творчестве А.И. Бутакова огромную роль играла его активная работа в Императорском русском географическом обществе (ИРГО), одним из давних членов которого Алексей Иванович являлся. Известно, что по времени своего возникновения оно находится в ряду первых Географических обществ в мире: Парижское (1821 г.), Берлинское (1828 г.), Лондонское (1830 г.), Русское (1845 г.), Нью-Йоркское (1852 г.).

Впоследствии выяснились подробности его основания осенью 1845 г., позволяющие установить решающую роль в этом адмирала Ф.П. Литке, академика К.М. Бэра, адмирала Ф.П. Врангеля – отцов-основателей Общества. Членами-учредителями Русского географического общества (с 1847 года – Императорского русского географического общества) были 17 человек, имена которых известны в истории русской и мировой науки. Сама идея его организации была высказана К.М. Бэром весной 1844 г., устав написан Ф.П. Литке в мае 1845 г., а первое общее собрание состоялось 7 октября 1845 г. Вице-председателем был избран Ф.П. Литке, который фактически стал руководителем Русского географического общества.

Основными направлениями деятельности созданного общества явилась обширная экспедиционная, издательская и просветительская работа. Первейшей задачей стало познание географии Российского государства. Данное направление определил Ф.П. Литке – высокообразованный и культурный моряк, ставший в дальнейшем во главе Академии наук. Этот человек знаменит своими арктическими и кругосветными плаваниями. Его авторитет в ученых и придворных кругах повысил значение Императорского русского географического общества не только в нашей стране, но и за рубежом. Впоследствии была учреждена золотая медаль имени Ф.П. Литке, которой награждались лица, внесшие большой вклад в географию морей и побережий.

Понятно, почему в первые два года существования общества одним из кандидатов в его члены стал А.И. Бутаков: в начале 1848 г. он отправлялся для описи Арала, чтобы познать географию неизвестного моря на территории нашей страны. Когда надежды тех, кто рекомендовал Алексея Ивановича, были оправданы, предполагалось заслушать его научный доклад на общем собрании. О подготовке материала Бутаков сообщает в письме Ф.П. Литке от 27 января 1850 г.

Конечно же, было опубликовано географическое описание Арала, составленное его исследователем. Кроме того, намечалось награждение офицера Константиновской золотой медалью за гидрографическую карту Аральского моря. Никто не сомневался в том, что оно заслуженно. Это еще более подняло бы авторитет как Императорского русского географического общества, так и самого исследователя неведомого моря.

Как известно, ничего из этого не произошло, Бутаков целых три года находился в забвении. С переездом в Петербург в 1864 г. Алексей Иванович активно включается в работу географического общества. К своему двадцатилетию ИРГО под руководством Ф.П. Литке развернуло свою деятельность, опираясь на принятый в 1849 г. Устав. В его § 1 записано: “Русское географическое общество имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах”. Это важнейшее положение полностью выполнялось А.И. Бутаковым, который распространял собранные и обобщенные географические сведения об Арале и Приаралье как в своей стране, так и за рубежом.

Согласно Уставу Общество разделялось на 4 отделения: математической географии (вопросы геодезии и картографии), физической географии (изучение геологии, климатологии, гидрологии, ботанической и зоологической географии, страноведения), статистики (социально-экономические вопросы) и этнографии (собственно этнография и антропология). В разное время их возглавляли такие видные ученые как естествоиспытатель К.М. Бэр, статистик А.П. Заблоцкий-Десятовский, астроном В.Я. Струве, геолог Г.П. Гельмерсен и другие. Разностороннего в своей научной деятельности исследователя Арала интересовали доклады на заседаниях всех отделений, в особенности физической географии.

Географическое общество занимало помещение в красивом трехэтажном здании Министерства народного просвещения у

Чернышева моста. Здесь проходили общие собрания, заседания Совета и отделений. Организованная при ИРГО научная библиотека была “открыта для всех, занимающихся географией”, как сказано в Уставе. В ней были собраны ценные географические труды на различных языках, среди них и редкие издания. Со временем библиотека превратилась в одно из географических хранилищ мирового значения. Создан был и архив рукописей по различным разделам географической науки.

Совет – коллегиальный орган Общества периодически выбирался на Общем собрании тайным голосованием 15 видных деятелей в области географической науки. Причем 8 человек избирались специально, а 7 остальных вводились из руководства ИРГО и его отделений. Поэтому членство в Совете являлось большой честью для действительных членов Общества.

Во второй половине 60-х годов состав этого коллегиального органа был увеличен до 18 человек. В 1867 г. в него вошли как прежние видные деятели, так и вновь избранные. Среди старейших членов Совета, в частности, были академики К.М. Бэр, Г.П. Гельмерсен, К.С. Веселовский, а из избранных впервые – известные своей деятельностью в географической науке адмиралы А.И. Бутаков, Н.А. Ивашинцев, К.Н. Посыет и другие.

Работа в Совете Императорского русского географического общества была не только почетной, но и очень ответственной. Ведь, согласно Уставу: “Совет отчитывается в своих действиях в годовом собрании Общества; для рассмотрения отчета собрание избирает из своей среды ревизионную комиссию в составе семи членов. При Совете состоит редакционный комитет, ответственный за издания Общества”. В общем, работы хватало для всех членов Совета, а общественный контроль за их деятельностью был, хотя и демократичным, но и требовательным. Такой порядок строго поддерживался многолетним руководителем Общества Ф.П. Литке. В общественную работу включился и А.И. Бутаков.

Незадолго до этих выборов, в 1865 году, произошло крупное событие в издательской деятельности ИРГО, за которое также отвечает его Совет. Вместо прекративших свое существование периодических изданий “Записки Русского географического общества” и “Вестник Географического общества” началась публикация “Известий Императорского русского географического общества”, продолжающаяся в настоящее время, т. е. на протяжении 140 лет. 13 января 1865 г. на заседании Общества была принята следующая структура “Известий”:

“1. Действия Общества (протоколы заседаний, труды и заключения комиссий, отчеты экспедиций, распоряжения Совета и пр.).

2. Краткие географические статьи.

3. Географическая летопись (“известия о важнейших отечественных и иностранных путешествиях и географических открытиях, а также обзор ученой деятельности в России по разным отраслям знаний, входящих в программу Общества”).

4. Библиография (обозрение новых трудов по географии)”.

Таким образом, содержание нового журнала было направлено, прежде всего, на то, чтобы довести до членов Общества и научной общественности новости о деятельности ИРГО, а также сообщать об успехах отечественной и зарубежной географической науки. Это подтверждается материалами первого тома “Известий”, посвященными протоколам заседаний Общества и его отделений, научным сообщениям об экспедициях и поездках, заседаниям иностранных географических обществ, обзору новых книг (среди них и иностранных) и др. К редакционной работе над поступившими для опубликования рукописями привлекались и члены Совета.

Для Императорского русского географического общества важно было не только помещать в “Известиях” информацию об иностранных географических открытиях, но и печатать сведения об отечественных открытиях в зарубежной прессе. Как известно, такую работу выполнил А.И. Бутаков, его статья о дельте и устьях Аму-Дарьи появилась в английском географическом журнале (1867 г.). Новая публикация привлекла внимание коллег в Лондонском географическом обществе – 27 мая 1867 г. на годовичном собрании под председательством президента, являющегося также членом Петербургской Академии наук, известного геолога Р.И. Мурчисона ими было принято решение присудить русскому офицеру золотую медаль основателя Лондонского географического общества. Это обосновывалось тем, что Алексей Иванович учредил плавание на Аральском море, а также успешно провел исследование главных устьев Оксуса (Аму-Дарьи) и доказал, что по Сыр-Дарье пароходы могут подниматься на 500 миль вверх по течению. Впервые для Европы были открыты сообщения с Китаем через западный Туркестан.

Императорское русское географическое общество высоко оценивало научную и общественную деятельность своего действительного члена, и члена Совета, а также почетного члена Берлинского географического общества. Об этом говорится в

отчетных трудах РГО дореволюционного и советского периодов.

Так, в трехтомном труде “История полувековой деятельности Русского географического общества 1845–1895 гг.” П.П. Семенова-Тян-Шанского, сменившего Ф.П. Литке на посту вице-председателя, освещается работа Бутакова на благо географической науки. Подчеркивается, что морской офицер является одним из старейших членов Императорского русского географического общества. Кратко описывается его вклад в географию Арала, составление морской карты, а также исследование Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Отмечается роль форта Перовского как опорного пункта “прекрасных сухопутных и морских съемок низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря, произведенными тогда в исполнение своих служебных обязанностей, с 1853 по 1856 г. действительными членами общества капитан-лейтенантами Бутаковым и Ивашиным”.

В статье А.И. Макшеева об Аральском море говорится, что экспедиция включает “в себе весьма важные для географической науки результаты как его собственных наблюдений, так и вообще по замечательной и обильной по географическим своим работам экспедиции действительного члена А.И. Бутакова, участником которой... был и Макшеев”¹.

В связи с наступившим в 1948–1949 гг. столетним юбилеем со времени проведения съемки Арала Л.С. Берг опубликовал большую статью “А.И. Бутаков – исследователь Аральского моря” (1949 г.), о чем уже упоминалось. В 1948 г., на заседании отделения по истории географических знаний он выступил с докладом на эту тему. В очерке же пишет, что по случаю знаменательной даты “следует напомнить о жизни и деятельности этого замечательного моряка и выдающегося географа”. Подробно рассказывает о человеческих качествах Алексея Ивановича, о кругосветном плавании, Аральской экспедиции, взаимоотношениях Бутакова и Шевченко, деятельности офицера вдали от Арала. Первоисследователю озера-моря еще в начале XX в. Лев Семенович отдал дань уважения, назвав южный мыс на острове Барсакельмес его именем.

Самому А.И. Бутакову не все аральские рукописи удалось напечатать. Две его работы вышли в свет посмертно, причем первые они были изданы в Средней Азии. В 1872 г. в “Туркестанских ведомостях” (Ташкент) были опубликованы статьи “О дельте и устьях Аму-Дарьи” и “Берега Аральского моря (геологические

---

¹ Макшеев А.И. Описание Аральского моря... С. 37.

заметки)”. В них приводится материал, до этого неизвестный в столь подробном изложении. Примечательно также, что в советское время в Государственной публичной библиотеке УзбССР им. Навои была обнаружена часть принадлежавшего начальнику экспедиции дневника плавания по Аралу, который был опубликован в 1953 г. в Ташкенте Е.К. Бетгером.

Нет сомнения, что организация в 1897 г. в Ташкенте Туркестанского отдела Императорского русского географического общества стала возможной благодаря первоисследователям Средней Азии: Семенову-Тян-Шанскому, Северцову, Федченко, Мушкетову, Ошанину, Воейкову, а также Бутакову. Именно этот отдел в 1899–1902 и 1906 гг. снарядил на Арал новую экспедицию под руководством Л.С. Берга, достойного продолжателя научных изысканий Алексея Ивановича Бутакова.

Безвременная кончина

Наступающий 1869 год Алексей Иванович встретил больным человеком, который ожидал ответа на прошение о предоставлении отпуска для лечения за границей. Вся большая семья Бутаковых встревожилась, узнав из переписки о серьезном заболевании любимого Лели. Обеспокоенный Григорий Иванович обращается с запросом к начальнику отделения артиллерии Морского министерства, подчиненным которого является А.И. Бутаков, о положении дела с отпуском брата. В письме от 27 февраля 1869 г. ему сообщается, что тому “по Высочайшему повелению предоставлен отпуск за границу с сохранением содержания для лечения”. В февральском письме из Севастополя Владимир Иванович просит Григория Ивановича: “Обними за меня крепко Алексея и пожелай ему всего хорошего в путешествии вместе с Ольгой. Когда они уезжают?”¹.

В начале марта 1869 г. Алексей Иванович и Ольга Николаевна выезжают из Петербурга за границу. Находящийся в это время в своей броненосной эскадре на Балтике Григорий Иванович запрашивает по судовому телеграфу начальника пограничной станции Вержболово: “Проехал ли и когда контр-адмирал Бутаков, выехавший 9 марта?”². Ему ответили, что пересек границу 10 марта. Текст телеграммы хранится в РГАВМФ, позволяя представить то смятение младшего брата, которое вызвала болезнь Алексея Ивановича, самого близкого ему по душе. Поэтому с нетерпением Григорий Иванович ждал письма; оно пришло в конце марта. Ольга Николаевна в послании от 23 марта сообщает³, что получила письмо от 17 марта, дала телеграмму из Берлина; уже проехали Франкфурт, Базель и прибыли в швейцарский курортный городок у Женевского озера; здесь им очень нравится. Тут же приписка Алексея

---

¹ РГА ВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 33.

² Там же.

³ Там же.

Ивановича: “Брате! Мы добрались благополучно до здешних мест, где действительно хорошо. Квартира отлична. Перед глазами чудные пейзажи из гор и Женевского озера. Твой Алексей”.

Как видно, в марте А.И. Бутаков чувствовал себя немного лучше, лечение началось, устанавливался определенный жизненный порядок. Его супруга писала о том, что они встретили знакомого полковника Генерального штаба Жилинского с женой и вместе посетили маленький концерт. Ее несколько успокоило, что “Алексея с величайшим наслаждением его слушал тогда как всю зиму музыка его так утомляла. Будем ждать газет с нетерпением”. Об улучшении здоровья Алексея Ивановича стало известно и его матери, которая из Николаева в послании к Григорию пишет о том, что ее обнадеживает, но и тревожит: “Узнала, что Алексею стало лучше, не знаю, верить ли этому?”⁴. Недоверие оказалось вещим: в апреле состояние его здоровья ухудшилось.

В письме от 13 апреля Ольга Николаевна сообщает Григорию Ивановичу: “...Алексею хуже, раздражение увеличилось... Признаться, что это ухудшение внезапное... ее внезапность меня приводит в отчаяние”⁵. Ссылается на подробное послание, которое привезут возвращающиеся в Петербург Жилинские. К нему прилагается фотография Бутаковых вдвоем. Алексей Иванович старается не падать духом, о чем можно судить по его приписке: “Мы обитаем в долине роз и райских наслаждений, как говорил покойный Алексей Иванович Ермолов (в честь него Бутаков, как известно, назвал один из островов на Аральском море. – *В.Л.*), подробности о которых должны передать податели сего. А газет хоть каких-нибудь – уж не забыто ли сделать распоряжение? Ведь нам ничего не известно о матушке России”. Это говорится, когда здоровье слабеет, будущее ненадежно и неясно. В другом письме в конце апреля Ольга Николаевна порадовала Григория Ивановича, что мужу снова стало лучше. Они собираются поехать в Женеву. Проходит еще месяц, в конце мая из городка-курорта Швальбаха в Германии, где условия для лечения были лучшими, супруга Бутакова сообщает: “но Алексей меня не радует – мне кажется, что он нисколько не поправляется”.

Прошло еще три недели, временами ухудшение здоровья офицера сменялось небольшим улучшением – радоваться было нечему, однако О.Н. Бутакова не ожидала, что смерть мужа может наступить внезапно. Это произошло в Швальбахе, 16(28) июня 1869 г., между 6 и 7 часами вечера, о чем подробно было написа-

---

⁴ Там же.

⁵ Там же.

но в скорбном письме: “...Это случилось вдруг, – почти мгновенно, утром он выбрился, сам по обыкновению выпил чай, мы пошли гулять, но через несколько шагов дышать с трудом (не разборчиво)... он говорит – ну теперь пойдем дальше. Но вдруг через несколько шагов я чувствую, что он начал шататься... прохожие люди посадили его на стул... глаза закатились... вдруг он крикнул – и все было кончено”⁶.

Можно представить какой неожиданный удар получила Ольга Николаевна. Еще час назад ничто не предвещало смертельного исхода. Алексей Иванович занимался обычными житейскими делами, собрался на ежедневную прогулку и тут в считанные минуты наступила смерть. Все это произошло в далекой стране, в чужом городе, среди незнакомых людей. На коляске покойного повезли в город Висбаден прямо в церковь и справили панихиду. Потом его супругу повели на кладбище для выбора места захоронения. Всего на 54 году жизни не стало на свете человека, который с молодости отличался физическим здоровьем, жизнерадостностью и юмором.

Тяжело переживала эту внезапную утрату престарелая мать, потерявшая всего несколько лет назад мужа, а за год до смерти Алексея – дочь Анну. С ней в Николаеве остались еще сын и дочери, с которыми она встретила неожиданную беду. Григорий в это летнее время участвовал в учениях на броненосной эскадре на Балтике. От него пришла телеграмма: “Николаев, Херсонской губернии, адмиральше Бутаковой. После похода приеду вместе погоревать об Алексее. Обнимаю Вас, брата, сестер”⁷. Так, в семейном кругу переживали потерю дорогого мужа, сына и брата.

О смерти одного из выдающихся деятелей России, преданного гражданина, ученого и писателя, в периодической печати появилось лишь несколько небольших заметок. Так, через полтора месяца, 18 августа 1869 г., в популярном еженедельнике “Всемирная иллюстрация”, начавшемся издаваться в том же году, сообщалось:

“28 июня скончался в Швальбахе контр-адмирал Алексей Иванович Бутаков, известный первый гидрограф Аральского моря, со времени присоединения его к владениям России. Ему же прежде всего мы обязаны устройством в Аральском море русской флотилии. Алексей Иванович известен и как литератор, помещавший свои статьи в разных периодических изданиях”.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 33.

⁷ Там же.

В заметке отражено основное, что было сделано Алексеем Ивановичем Бутаковым для Родины, но почему-то ни слова не сказано о мировом признании его научных трудов, вкладе в географическую науку, который так высоко был оценен зарубежными учеными.

Это было сделано только в известном журнале “Морской сборник”. В некрологе подробно описывается жизненный путь выдающегося моряка⁸. Прежде всего подчеркивается роль его просвещенного отца, умевшего “и в сына вдохновить любовь к знанию и труду, которыми впоследствии так отличался Алексей Иванович”. О многотрудном кругосветном плавании Бутакова на транспорте “Або” старшим офицером сказано, что “многие помнят время его возвращения и ту неохоту, с которой офицеры этого судна рассказывали про свое плавание”, а далее справедливо отмечается “Затем Алексей Иванович Бутаков почти не имел никакого замечательного назначения”. Впервые пишется о той поддержке, какую в то трудное для него время оказал Главный командир Кронштадтского порта адмирал Ф.Ф. Беллинсгаузен, обративший внимание на “блестящие познания во всем, что касается морской службы” ...он рекомендовал Бутакова, лучше сказать, напомнил о Бутакове светлейшему князю Меншикову для назначения к описи Аральского моря, тогда задуманной”.

Довольно подробно освещается экспедиция, ее научные результаты: съемка и обследование берегов Аральского моря, открытие и описание островов, определение нескольких астрономических пунктов, “промер и всю опись дотоле почти неизвестного европейцам моря, составив ему меркаторскую карту”. Отмечается, что Алексей Иванович был членом Императорского русского географического общества с самого его основания. А главное, обращается внимание на высказывания зарубежных ученых. “Нам кажется, – пишется в некрологе, – что прекрасной оценкой ученых трудов Алексея Ивановича Бутакова может служить мнение о них знаменитейшего из европейских ученых А. Гумбольдта” (приводятся значительные выдержки из известного письма этого ученого от 12 июня 1853 г. из Берлина, помещенного в “Журнале Министерства народного просвещения” и “Морском сборнике” за 1854 г.).

Далее описывается последующая служба офицера на Арале и Приаралье: “создание Аральской флотилии, и связанные с этим

---

⁸ Морской сборник, 1869, № 9, Морская хроника. С. 15–21. Нами приводится титульный лист этого номера журнала.

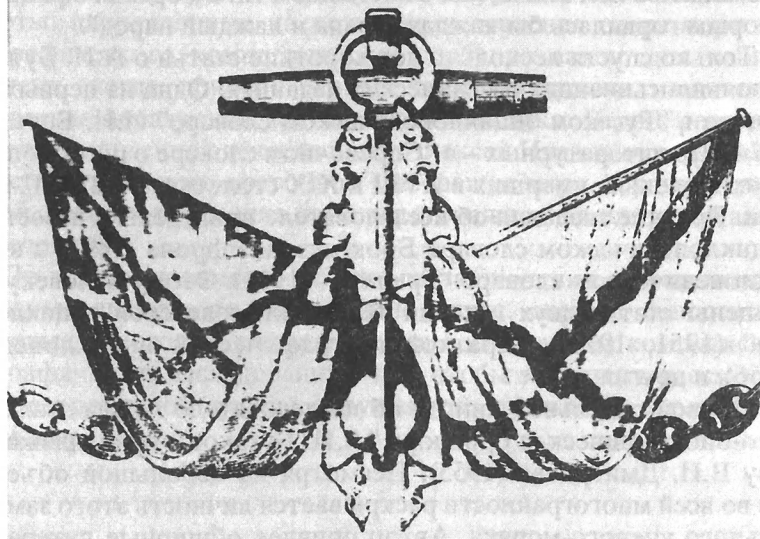

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1569

Титульный лист журнала “Морской сборник” (с некрологом,
посвященным А.И. Бутакову)

командировки по заказу пароходов в Швецию и Англию, участие в боевых действиях флотилии, исследования Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи в пограничных военных условиях. Подчеркивается, что со времени участия в осаде и взятии в 1853 г. кокандской крепости Ак-Мечети на Сыр-Дарье “начались для Бутакова и труды ученые и труды боевые”. О командировке в Англию в 1860 г. замечено: “Используя это поручение за границей А.И. Бутаков, между прочим, успевал следить за совершенствованием морского дела на западе, а новейшие успехи кораблестроения в США привлекли его внимание и туда”.

Последовательно освещаются основные моменты дальнейшей службы Алексея Ивановича на Балтике, его должностные назначения, награды – иностранные и отечественные. Отмечается также писательское дарование офицера: “Отлично образованный, знакомым со многими европейскими языками, много наблюдавший, он некогда одарил своими заметками и нашу отечественную литературу”. Получилась полная картина, отображающая активную деятельность и разносторонность интересов Алексея Ивановича Бутакова.

Выражается сожаление о безвременной кончине человека, который в молодости “не знал, что такое простуда”. Памятная статья о выдающемся представителе отечественного флота, замечательном ученом и военном деятеле заканчивается знаменательными словами: “В заключение... мы выскажем мысль, что не можем вспоминать о нем иначе, как о настоящем типе морских офицеров, которым гордилась бы каждая страна и каждый народ”.

Только спустя несколько лет короткие статьи о А.И. Бутакове появились в энциклопедических изданиях. Одна из первых помещена в “Русском энциклопедическом словаре” И.Н. Березина (1874). Из литературных – в “Справочном словаре о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях” (1876) Г. Геннади. Краткие сведения об исследователе приведены в известном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1891) и в Энциклопедическом словаре “Гранат” – 1911). Этому человеку посвящены статьи двух изданий “Большой советской энциклопедии” (1951, 1971), “Краткой географической энциклопедии” (1966), и других.

Первой отдельной книгой об исследователе Арала стала научно-биографическая брошюра “А.И. Бутаков”, принадлежащая перу В.И. Дмитриева (1955). Несмотря на небольшой объем, в ней во всей многогранности раскрывается личность этого замечательного ученого-моряка. Автор привлек обширные литературные и фондовые источники, основываясь на новых материалах,

попытался объяснить некоторые неясные до сих пор страницы биографии своего героя.

Так, он уделяет большое внимание раскрытию причин того, что первое географическое описание Аральского моря было опубликовано не начальником экспедиции. Правда, утверждение автора, что русская наука А.И. Макшеевым была “введена в заблуждение относительного научного приоритета Бутакова в описании Аральского моря” не представляется убедительным. Еще в 1957 г. я отметил в последней работе Макшеева (1896) ссылку на использование им аральских отчетов Бутакова. Интересны сообщения В. И. Дмитриева, в частности, о том, почему после возвращения Алексея Ивановича с Аральского моря в Петербург его назначали на неподходящие должности.

Нельзя также не согласиться с автором, который закончил свою брошюру словами: “Во имя любви к Родине, во славу отечественной науки и русского военно-морского флота совершал Бутаков свои научные открытия. Вся его пятнадцатилетняя деятельность на Аральском море – героический научный подвиг, яркий пример беззаветного служения отчизне”. Прибавим к сказанному, что назвав Алексея Ивановича Бутакова “магелланом Аральского моря”⁹, авторитетный ученый А. Гумбольдт наилучшим образом раскрывает важное значение его исследований для отечественной и зарубежной науки.

Теперь следует рассмотреть, какое влияние оказал первоисследователь Арала на последующие крупные экспедиционные работы, направленные на познание и освоение озера-моря как географического комплекса. Это особенно важно для нашего времени, когда природа Арала катастрофически изменилась вследствие неразумной деятельности человека. Ведь с результатами антропогенной деятельности Алексей Иванович встречался, в частности, на юго-восточном побережье моря, в устье Куван-Дарья, которое пересохло из-за перегораживания плотиной выше по течению.

По-видимому, вместо обычного заключения, отражающего основные выводы по содержанию книги, следует сопоставить итоговые положения с результатами последующих комплексных географических исследований с тем, чтобы закончить рассмотрением современной судьбы окруженного пустынями Аральского озера-моря.

---

⁹ Дмитриев В.И. А.И. Бутаков. С. 53.

Вы истинно счастливы тем, что не имели здесь предшественников, что сами связали свое имя с исследованием моря...и что сами при пособии точных средств, предлагаемых новейшей наукой, и усовершенствованных инструментов, окончили измерение берегов по всему пространству этого моря. Это истинные открытия в географии...

А. Гумбольдт

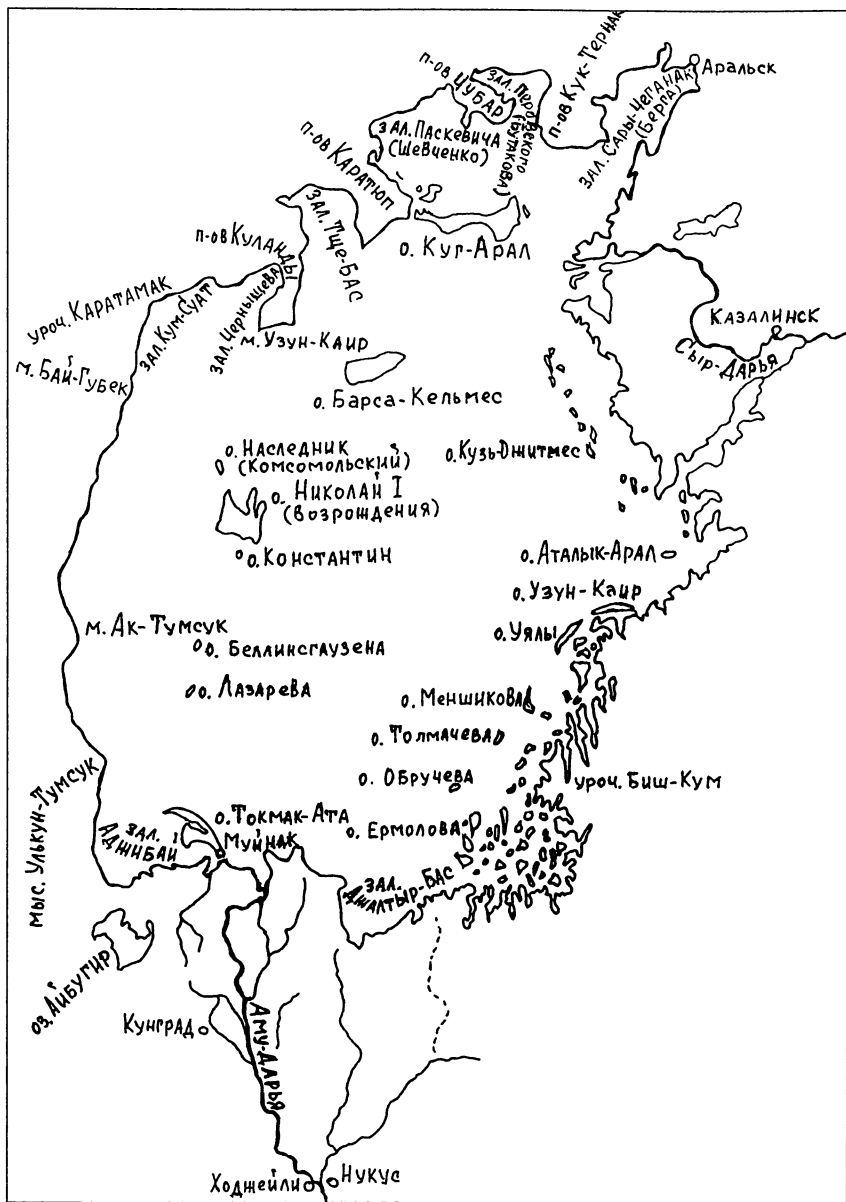
Вместо заключения

В приведенных из письма А. Гумбольдта словах отмечено главное, что определяет истинное открытие А.И. Бутакова в географической науке – исследование Аральского моря и его берегов на новейшем научном уровне. Чтобы выявить преемственность последующих комплексных исследований, в определенной мере аналогичных выполненным Алексеем Ивановичем, коротко охарактеризуем то новое, что внесено им в изучение и освоение озера-моря.

Безусловно, важнейшим научным достижением является исследование Арала как природного комплекса. Это нашло отражение в первой гидрографической карте – синтезе географических знаний о море того времени – давшей целостное представление о нем, что было бы невозможно без познания природы берегов, также изученных первооткрывателем. Весьма существенно, что новые научные знания, полученные им, имели значение для рационального использования Арала, в частности, путем организации пароходства.

Действительно, в экспедиции были собраны многочисленные данные по физической географии, геологии и биологии самого моря, берегов и островов, получен обширный материал по картографии и гидрографии, что позволило составить морскую карту Арала и его описание. Благодаря этому не только в России, но и за рубежом сей обширный природный объект стал известен в научном отношении.

Понятно, почему А.И. Бутаков был удостоен звания почетного члена Берлинского географического общества на основании представленной А. Гумбольдтом собранию Общества карты Аральского моря. Систематически подвергаясь корректировке и дополнениям со стороны гидрографов, она свыше столетия использовалась судоводителями. Доказательством служит изданная в 1951 г. Гидрографическим управлением Военно-морских сил карта Арала, на которой внизу, в правом углу стоит пометка:

Карта-схема Аральского моря
 (по Морскому атласу издания Морского Генерального штаба 1950 г.)

“Составлена по карте Бутакова 1850 г. с корректурами 1921, 1929, 1931, 1933, и 1934 гг.”. Только с начала 60-х годов XX века, когда уровень моря начал прогрессивно падать, она перестала соответствовать действительности.

Как составные природного комплекса Арала Алексеем Ивановичем изучались берега. Первое их подробное описание дано в последней работе исследователя, опубликованной посмертно в 1872 г., о чем уже упоминалось. После введения, раскрывающего общие черты геологии и рельефа суши, следует описание геолого-морфологических особенностей северного, западного, восточного и южного берегов с их отдельными участками и прилегающими к ним островами.

В геологическом строении аральских берегов были выявлены основные отложения, формирующие тот или иной морфологический облик с характерными общими чертами:

– обрывистые северные берега и берега островов Куг-Арал и Барса-Кельмес из глинистых пород;

– невысокие берега полуострова Куланды, группы Царских островов, а также островов Беллинсгаузена и Лазарева из известковых пород с вкраплениями окаменелостей;

– высокие западные берега, созданные плоской возвышенностью Усть-Урта, из песчаных, глинистых и известковых пород, которые залегают в приведенном порядке сверху вниз;

– низменный южный берег из иловатых наносов Аму-Дарьи и песка, намытого волнением северных ветров, такой же низкий восточный берег из новейших песков.

В описании главным образом приводятся данные аральских дневников. Новыми являются сведения по морфологии берегов (с количественными показателями) залива Кум-Суат, мысов Изенды-Арал и Узун-Каир, а также ряда других береговых участков. Основываясь на богатом фактическом материале, А.И. Бутаков выделил по различиям в геолого-морфологическом строении суши четыре района – северный, западный, восточный, и южный. Это обосновано в первую очередь общностью морфологического облика и геологического строения берегов, столь различных для каждого выделенного района.

Существенно и то, что на конкретных данных исследователь пришел к общим теоретическим соображениям о волнении как ведущем факторе образования наносных береговых форм, важной роли колебаний уровня моря в береговых процессах и своеобразии дельтоформирования – результата взаимодействия нескольких факторов, в особенности волнения и речных выносов в устьевых областях.

Идея о многофакторности формирования дельт получила дальнейшее развитие в работе Н.Я. Данилевского, которым опубликована первая в мировой литературе книга о дельтовых процессах “Исследование о Кубанской дельте” (1869 г.). В ней не только детализирован многофакторный подход к изучению дельтообразования, но и разработана принципиальная схема этого природного процесса, ставшая основой для последующих классификаций дельт в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Велика заслуга А.И. Бутакова, учредившего, как известно, Аральскую флотилию, ядро которой составляли паровые суда. Он доказывал, что в условиях господства северных ветров парусные суда малопригодны. Это детище офицера в последующие два десятилетия, в 1863–1883 гг., уже имело в своем составе 6 пароходов вместо 4 прежних, а также другие суда при общей численности команд в 570 человек. Флотилия сыграла значительную роль в военных походах на Бухару (1868 г.) и Хиву (1873 г.). Через десять лет после хивинского похода она была расформирована.

Послебутаковский период. С начала 70-х годов, после присоединения Хивы к России, начался новый период исследований Аральского бассейна, который продолжался до конца XIX в. Для него характерно развитие естественноисторических исследований, направленных на изучение отдельных природных компонентов Приаралья. В их проведении участвовали как представители военного ведомства, так и научных обществ.

Уже в 1873 г. военным исследователем А. Каульбарсом подробно изучаются низовья Аму-Дарьи. Были установлены значительные изменения в гидрографии дельты, произошедшие за время после исследований Бутакова 40-х и 50-х годов. Так, к 1873 г. пересох западный рукав Лаудан и исчезло озеро Айбугир, в которое он впадал. Приводятся также факты, подтверждающие некоторое усыхание Аральского моря, проявившееся в небольшом падении его уровня.

На следующий год организуются сразу две экспедиции: Арало-Каспийская – от Петербургского общества естествоиспытателей, и Амударьинская – от Императорского русского географического общества. Участники первой – геолог П.П. Барбот де Марни и биолог В.Д. Аленицын – занимались соответственно изучением отложений в Западном Приаралье и сбором коллекций по фауне и флоре северного и частично западного побережий с прилегающими к ним островами. В.Д. Аленицыным были произведены также некоторые физико-географические наблюдения в прибрежной зоне моря и на берегах (собраны данные о донных грунтах, температурах морской воды на поверхности и у дна и др.)

Исследованиями второй экспедиции были охвачены южное и юго-восточное побережья Арала. Знаменитым ученым Н.А. Северцовым собраны интересные материалы об изменении береговой линии, указывающие на усыхание озера-моря. Важно, что этот исследователь постулировал не прогрессивное усыхание, а колебания уровня моря в прошлом. В Амударьинской дельте экспедицией были организованы первые метеорологические и гидрологические наблюдения (за испарением речной воды, ее уровнем и расходом и др.). Другой участник – известный геодезист А.А. Тилло произвел нивелировку уровня моря. Для этого на северо-западном берегу был заложен репер, который стал исходным для последующих определений уровня Арала.

В дальнейшем изысканиями в Амударьинской дельте в 1879–1880 гг. занимался и военный исследователь А.И. Глуховский в связи с изучением возможного направления реки по ее старому руслу Узбоу снова в Каспийское море.

В конце 70-х – начале 80-х годов наблюдается некоторое оживление в исследовании природных условий Приаралья, вызванное освоением присоединенных земель. В связи с необходимостью строительства железнодорожного пути в Среднюю Азию в обследовании Северо-Восточного Приаралья приняли участие геолог Яковлев, геоботаник Н.Н. Сорокин и инженер К.К. Шульц. Последний приводит новые данные о заливе Чубар-Тарауз (в заливе Перовского), который вновь был нанесен на карту в 1880 г. При наибольшей глубине 3,5 фута, его площадь оказалась равной 8 кв. верстам, а ширина входа 50 саж. (по данным же Бутакова (1849 г.) глубина в заливе доходила до 8 футов). Тем самым подтверждаются наблюдения начала 70-х годов об убывании моря.

В последующие 80–90-е годы отмечается заметный спад в исследованиях Приаралья. Они носят преимущественно частный характер, хотя некоторые и представляют интерес. Так, в 1889 г. А. Романович выполнил полуинструментальную и отчасти глазомерную съемку дельты Сыр-Дарьи, которая позволила установить крупные изменения, произошедшие за 30 лет со времени исследований Алексея Ивановича Бутакова. Прежде существовавшее в дельте бухтообразное устье с глубинами 3,5 саж. (7,5 м) было образовано наносами с появлением клювовидного островного дельтового выступа Чушка-Арал. Здесь до середины 80-х годов население занималось земледелием. В дальнейшем оно было заброшено из-за заметного повышения уровня моря, приведшего к заболачиванию почвы. В 1890 г. жители покинули это место. Некоторые геологические и геодезические данные собраны в 1892 г. геологом С.Н. Никитиным, производившим на Усть-Урте изыска-

ния в связи с предполагаемым строительством железной дороги от Уральска к Кунграду. Через три года рекогносцировочным обследованием озер в Северо-Восточном Приаралье занялся горный инженер Г.Б. Леонов.

Судя по выполненным работам, в послебутаковский период пополнились географические знания о тех или иных природных компонентах Приаралья, совсем мало информации о самом Аральском море. Наибольший научный интерес представляют наблюдения, которые выявили некоторое понижение уровня моря, с середины 80-х годов сменившееся заметным повышением. Назревала явная необходимость в комплексном исследовании водного объекта в тесной взаимосвязи с изучением Приаралья. Надо было выяснить, являются ли обнаруженные понижения уровня показателем прогрессивного усыхания всей Средней Азии, как думали некоторые ученые.

За это взялся возникший в самом конце XIX в. Туркестанский отдел Императорского русского географического общества, организовав экспедицию под руководством Л.С. Берга, рассчитанную на три года. Лев Семенович – воспитанник Московского университета, в 1898 г. окончивший вуз с золотой медалью. Весной 1899 г. он прибывает в Казалинск на должность смотрителя рыбных промыслов Аральского моря, обладая полной свободой действий. Начальство поставило ему задачу улучшить промысел, но Берг понимал: для этого необходимо прежде всего ознакомиться с состоянием рыболовства и условиями водоема. Затем он пришел к мысли о необходимости многолетнего изучения рыб и рыболовства на Аральском море, природы, для чего после ознакомительной поездки на первом году решил организовать экспедицию.

Исследования Л.С. Берга. Уже летом и осенью 1899 г. Лев Семенович с тремя помощниками-рыбаками на обычной весельной лодке обследовал устье Сырдарьи и прилегающую часть моря. Затем направился к Куг-Аралу, который оказался, как и во времена Бутакова, островом, а не полуостровом по недавним данным. Повсеместно на посещенных берегах наблюдались признаки затопления в связи с явным повышением уровня моря.

В январе 1900 г. ученый побывал в Ташкенте, где сделал доклад на заседании правления Туркестанского отдела Императорского русского географического общества. Он привел факты повышения уровня Аральского моря и подчеркнул большое практическое и научное значение изучения этого природного явления. Берг предложил программу исследований, смету расходов и план трехлетних работ. Правление отдела приняло решение об орга-

низации экспедиции под его руководством. В феврале 1900 г. Льва Семеновича избирают действительным членом Туркестанского отдела Императорского русского географического общества. Ему оказывают финансовую помощь и содействие в приобретении необходимой научной литературы и снаряжения.

В течение полевого сезона 1900 г. на парусной рыбацкой лодке Берг обследовал отдельные участки северного и западного берегов, пересек посредине Аральское море и побывал у восточного берега. Причем от острова Меншикова до устья Сыр-Дарьи из-за противных ветров добирался почти две недели, как это случилось испытать и Бутакову. Также как и судно первоисследователя Арала, его лодка попала здесь в страшный шторм, когда оборвался якорный канат и только второй большой якорь не позволил ей быть выброшенной на берег прилегающей пустыни.

Разнообразные исследования производились с применением новейшего научного оборудования: лота для измерения глубин, различных термометров, ареометров для определения удельного веса воды, батометра для взятия проб воды на различной глубине, шкалы цветов и белого диска для определения соответственно цветности и прозрачности моря, драги и сеточки для взятия проб организмов, анемометра и анероидов для измерения соответственно скорости ветра и давления атмосферы, а также психрометра для определения влажности воздуха. Кроме того, использовались принадлежности для фотографирования и собирания геологических, зоологических и ботанических коллекций. Такой набор приборов и инструментов обеспечивал сбор различных количественных данных, важных при комплексном изучении природных явлений.

Результатом исследований явились многочисленные данные по гидрологии, метеорологии, биологии, геологии и физической географии. Среди них большинство неизвестных прежде сведений о распределении глубин, температур, удельного веса, цвета, прозрачности, основных метеорологических элементов, живых организмов, горных пород и донных отложений, а также форм рельефа. Они были получены в процессе экспедиционного изучения Аральского моря и его берегов на фоне повышающегося уровня.

Выяснилось, что Арал является одним из наиболее прозрачных (свыше 20 м) и самых синих по цветности внутренних водоемов мира. Замечено также повышение уровня воды даже в сравнении с 1899 г., поэтому Берг делает заключение о более высоком его положении, чем в период деятельности Бутакова, т.е. 50 лет назад. Проведенная по просьбе Льва Семеновича летом

1900 г. съемка дельты Сыр-Дарьи показала, что сравнительно с данными карты первоисследователя дельта выдвинулась в море более чем на 2 версты.

Последующей осенью и зимой Берг занимался отправкой собранных коллекций крупным ученым-натуралистам в Ташкент, Москву и Петербург. Он находил время и для углубленного изучения иностранной и отечественной научной литературы: Ф.А. Форель “О природе Женевского озера”, И.В. Мушкетов “Туркестан”, С.О. Макаров “Витязь и Тихий океан” и другие. Сам обрабатывал собранные материалы преимущественно по физической географии и ихтиологии (наука о рыбах). При всей загруженности ученый выполнял служебные обязанности смотрителя рыбных промыслов.

Результатом обработки материалов, собранных летом 1900 г., явились его первые статьи о природе Арала, опубликованные в 1900–1901 гг. в научных журналах. Среди них внимание ученых привлек материал в издании “Землеведение”, который был скромно назван “Очерк физической географии Аральского моря”. Однако в нем природа Арала характеризуется как географический комплекс, отражающий в себе взаимодействие берегов с морской чашей – ее водами, грунтами, организмами. Описываются своеобразие пустынных берегов, протекающие там процессы, основные формы рельефа и особенности их геологического строения. Таким образом, на научном уровне начинающегося XX в., с появлением новых данных Л.С. Берга расширяется физико-географическое описание моря, выполненное Бутаковым на полстолетия ранее.

Летом 1901 г. экспедиция работала на парусной яхте “Орион”, что улучшило условия сбора научного материала. Исследования были охвачены вначале северо-западные и западные берега, затем острова – Николая, Беллинсгаузена, Лазарева, Токмак-Ата, Меншикова, Куг-Арал – с последующим заходом в залив Перовского и возвращением в устье Сыр-Дарьи. По-прежнему много внимания уделялось гидрологическим и метеорологическим наблюдениям. Собраны многочисленные материалы по геологическому строению и формам рельефа берегов и островов, пополнены геологические, зоологические и ботанические коллекции. Произведена нивелировка репера А.А. Тилло, установленного, как известно, в 1874 г.; разница в уровнях оказалась равной + 1,21 м. Тем самым глазомерные оценки повышения уровня моря получили точное количественное обоснование.

В этот год по предложению Берга и при его участии Туркестанский отдел ИРГО открыл метеостанцию в низовье Сыр-

Дарьи (урочище Кызал-Джар), чтобы затем организовать такую же на самом берегу моря на ст. Алты-Кудук (ныне г. Аральск). Тогда же Лев Семенович поднял перед отделом вопрос об установлении мареографа для измерения уровней Арала. Пока же сам установил 4 футштока для получения необходимого количества материала о колебаниях уровня моря. По его просьбе Туркестанский военно-топографический отдел начал подготовку издания карты Аральского моря на основе карты Бутакова.

Завершилось исследование в полевой сезон 1902 г. на той же яхте “Орион”. Сперва были проведены дополнительные работы в северо-восточной части Арала. Потом обследовались восточная и южная, а также в меньшей мере, чтобы изучение было достаточно полным в пространственном отношении, западная части моря. В этот сезон важным научным достижением стало обнаружение высокой солености вод у восточных и южных берегов, приуроченных к заливам, которые недавно образовались благодаря вторжению морских вод в солончаковые пески. К крупнейшим открытиям следует отнести обнаружение на юго-востоке моря нового типа изрезанного берега, состоящего из множества мелких островов, полуостровов, заливов, бухт и проливов. Он назван аральским бухтовым типом берега и введен в мировую географическую науку. Этим сезоном был закончен экспедиционный этап исследований Л.С. Берга на Аральском море.

Однако в Приаралье они были продолжены. В 1906 г. Лев Семенович снова побывал на северном побережье моря, обращая внимание на изучение геологических особенностей песков. Главным же занятием ученого в 1903–1908 гг. является обработка собранных материалов, написание более десятка статей и фундаментального труда по физической географии Арала.

Его обобщение физико-географических и зоологических материалов дополнялось многочисленными данными обработанными такими видными учеными, как геологи А.Д. Архангельский и Н.А. Андрусов, минералог В.И. Вернадский, гидрохимик А.А. Лебединцев, гидробиолог С.А. Зернов, специалисты по насекомым В.Ф. Опанин и по истории Средней Азии В.В. Бартольд и другими. В итоге Туркестанским отделом ИРГО было опубликовано 11 выпусков серии “Научные результаты Аральской экспедиции”. Таким образом до ученого мира были доведены все собранные разносторонние материалы.

Среди опубликованных аральских работ особое место занимает капитальный труд Л.С. Берга “Аральское море. Опыт физико-географической монографии” (с подзаголовком “Научные результаты Аральской экспедиции”, вып. 9) объемом свыше

600 стр., вышедший в свет в 1908 г. В нем в наибольшей степени автор выступает как естествоиспытатель, который изучает море в единстве взаимодействующих его составных частей, во взаимосвязи со всем Аральским бассейном. Вначале подробнейшим образом рассмотрены вопросы истории и картографии Арала, его гидрографии и топографии берегов, а также морфологии. Много внимания уделено климатологии берегов, гидрологии (особенно изменениям уровня моря и его течений), донным грунтам, флоре и фауне. Заканчивается монография описанием геологии и геологической истории моря с заключительными выводами.

В 1909 г. эта работа была представлена автором к защите в Московском университете на степень магистра географии (близка к нынешней степени кандидата наук). Ему сразу была присвоена ученая степень доктора географии. Несколькоми годами позднее монография “Аральское море” удостоивается золотой медали им. П.П. Семенова-Тян-Шанского от Императорского русского географического общества и премии им. Г.П. Гельмерсена от Академии наук. В 1915 г. за исследование ИРГО награждает Л.С. Берга Константиновской золотой медалью, а Московское общество естествоиспытателей избирает своим почетным членом. Ученому было всего 39 лет.

Таким образом, Аральская экспедиция Льва Семеновича в сочетании с другими исследованиями в Туркестане по научному значению составляет следующую эпоху в познании Аральского бассейна. Берг особо подчеркивал роль Бутакова в истории исследований Арала. В книге “Аральское море”, в разделе “Данные XIX столетия”, он выделил подразделы – период до Бутакова, работы Бутакова, исследования после Бутакова; в конце последнего рассматриваются и исследования самого автора.

В чем же видится преемственность аральской экспедиции Л.С. Берга по отношению к экспедиции А.И. Бутакова? Почему исследования обоих ученых и связанные с ними последующие работы в Туркестане составили особые научные эпохи в изучении и освоении Аральского бассейна? Такое сопоставление необходимо, оно поможет еще лучше разобраться в значении экспедиции Алексея Ивановича для последующих поколений работающих здесь ученых.

Прежде всего сходство наблюдается в комплексном географическом подходе к изучению природы моря и его берегов. Оба исследователя при этом используют сравнительно-географический, исторический и количественный методы. В начальной стадии А.И. Бутаковым применяется количественный метод, что выражается в стремлении получить цифровые данные. А. Гум-

больдт сказал: “что сами при пособии точных средств, предлагаемых новейшей наукой, и усовершенствованных инструментов, окончили измерение берегов по всему пространству этого моря”¹.

В исследованиях Алексея Ивановича можно найти зачатки использования исторического метода, когда он описывал морские террасы, правильно связывая их образование с более высокими уровнями Арала в прошлом. Наиболее широко офицер пользуется сравнительно-географическим методом применительно к различным природным комплексам, в частности, к дельтам Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

Л.С. Берг, благодаря совершенствованию к тому времени научного инструментария, значительно расширил получение количественных данных, в особенности по гидрологии и метеорологии. Так, он выявил уникальность моря по некоторым гидрологическим показателям (например, по прозрачности и цветности). Широкое использование исторического метода позволило доказать, что господствующее мнение об исторически недавнем соединении Арала с Каспием и Балхашем (в частности, точка зрения А. Гумбольдта) не подтвердилось. Также оказалось неправильным утверждение о прогрессивном усыхании Аральского бассейна.

Сравнительно-географический метод получил дальнейшее развитие в деятельности Льва Семеновича, что выразилось в детализации. Так, ученый впервые применил метод поперечных к береговой линии промеров, выполненных в прибрежной зоне моря и позволивших получить ценный материал о строении подводного берегового склона. В результате было установлено единство основных береговых элементов надводного и подводного происхождения, составляющих в своей взаимосвязи природный комплекс побережий.

Применяя комплексный географический подход, А.И. Бутков высказал, как известно, теоретические положения, которые развиваются на материале Аральского моря. Среди них представление о ведущей роли волнения в образовании наносных береговых форм, многофакторности формирования дельт и признаков берегового природного районирования. Эти взгляды нашли подтверждение у Л.С. Берга. Первоначальное районирование берегов Арала, основанное на общности морфологического облика и геологического строения, было принято им, но со значительным уточнением и дополнением. При этом исследователь связывал береговые районы с их типами; ровные (западные), ло-

---

¹ Морской сборник. 1854. № 7. С. 315.

пастные (северные), бухтовые с аральским типом (восточные), смешанные или дельтовые (в основном южные). Как видим, научная проницательность А.И. Бутакова предопределила широкое обобщение, которое составило основу берговского берегового районирования.

Преемственность выражается также в стремлении Льва Семеновича связать научные результаты с практикой, что свойственно и Алексею Ивановичу. Если же первоисследователь все внимание обратил на организацию военного парового судоходства, то его преемник способствовал развитию Аральского рыбного промысла. Правда, в связи со строительством железной дороги от Оренбурга до Ташкента, проходящей близ северо-восточного побережья моря, он предсказывал, что в недалеком будущем должно развиваться торговое мореходство. Оно позволит связать морским путем устье Аму-Дарьи с железной дорогой у ст. Аральское море на севере Арала. Это предвидение впоследствии оправдалось.

Сходство в деятельности обоих исследователей Аральского моря проявляется и во многом другом. Так, “научной” родиной того и другого является удивительное море. Отсюда пошла слава крупных ученых. И Бутаков, и Берг многим обязаны Географическому обществу своей страны, действительными и активными членами которого являлись. Оба за аральские исследования удостоивались золотых медалей Географических обществ: – один Лондонского, а второй – Русского. И тот, и другой избирались почетными членами научных обществ. Интересно, что их научные труды по Аральскому морю публиковались не только в центральных изданиях, но и в среднеазиатских, в частности, в “Туркестанских ведомостях” (Ташкент).

Научная деятельность А.И. Бутакова и Л.С. Берга, разделенных полустолетием, благодаря географической комплексности составляет отдельные эпохи в истории исследования этого своеобразного озера-моря – бутаковскую и берговскую. Они послужили толчком для последующих периодов, которым было свойственно углубленное познание отдельных природных компонентов, чтобы на большом дополнительном материале снова перейти к комплексным исследованиям на новом научном уровне.

Послеберговский период. Его начало можно отнести к 1905 г., когда после строительства Ташкентской железной дороги усилилось освоение Приаралья и Аральского моря с его рыбными богатствами. В 1906–1915 гг. много исследований – в основном почвенно-ботанических в сельскохозяйственных целях и геологических в связи с поисками полезных ископаемых было прове-

дено Переселенческим управлением Департамента земледелия Министерства государственных имуществ. Туркестанский отдел Императорского русского географического общества продолжил исследования Л.С. Берга на Аральском море: в 1914 г. Д.Д. Букиничем была выполнена новая нивелировка его поднимающегося уровня и Н.А. Зарудным обследовано восточное побережье с заметно усложнившейся береговой линией.

В советское время, начиная с 20-х и до конца 50-х годов XX в. на Аральском море и в Приаралье разносторонние экспедиционные работы проводились центральными и местными научными учреждениями. В этот период высокого уровня моря наибольшее развитие получили гидрографо-гидрологические, гидрометеорологические, гидрохимические, гидробиологические, ихтиологические, почвенно-биологические, геолого-поисковые, географо-геоморфологические и историко-археологические экспедиционные исследования. Благодаря им настоящее и прошлое природных компонентов Арала и Приаралья было изучено довольно подробно, но этого явно недостаточно для целостного представления о своеобразном объекте, каким является Аральский бассейн. Ведь рациональное освоение возможно, если исходить из единства его взаимосвязанных природных компонентов.

В области же гидрографического, гидрологического, гидрохимического и гидрометеорологического изучения Аральского моря было проделано очень много. Моряками-гидрографами еще в 1920–1921 гг., а затем в 30-х годах велись промерные работы; в конце 50-х выполнена новая съемка всего Арала (более чем через столетие после Бутакова). Гидрологические и гидрохимические работы проводились сотрудниками Государственного океанографического института (А.И. Симонов, Л.К. Блинов и др.), а также Лабораторией озераведения АН СССР (Г.В. Лопатин и др.). Аральской обсерваторией и Амударьинской устьевой станцией Управления Гидрометслужбы Узб. ССР производился систематический сбор гидрометеорологических данных.

Для познания Арала, связей развития его организмов с морской средой было много сделано гидробиологами и ихтиологами. В 1925 г. в качестве руководителя рыбохозяйственной экспедиции на Аральском море вновь появился Л.С. Берг, а в 1929 г. здесь организуется научная рыбохозяйственная станция. С тех пор биологические исследования проводятся непрерывно, что позволило Г.В. Никольскому опубликовать написанную на основе собранных материалов монографию “Рыбы Аральского моря” (1940); в ней обобщены новые данные об ихтиологии и природе моря-озера. В Великую Отечественную войну Араль-

ской станцией совместно с Аралрыбводом была проведена экспедиция по обследованию нерестовых водоемов в дельтах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. В послевоенные годы эта станция при участии ряда центральных научных учреждений продолжала заниматься изучением рыбных нерестилищ, биологии размножения основных рыб и их кормовой базы.

Довольно значительный вклад в познание природы Приаралья, в частности происхождения песков и эволюции дельт, внесли почвоведы и ботаники. Новые данные получены геологами при геологических съемках и поисках полезных ископаемых. Среди сводок выделяется монография А.Л. Яншина “Геология Северного Приаралья” (1953), в которой детально освещается геологическая структура и новейшая геологическая история региона (с привлечением многочисленных литературных источников о природе всего моря). Интерес представляют и специальные исследования донных отложений Арала, выполненные В.П. Зенковичем (1947 г.) и Н.Г. Бродской (1952 г.).

Географо-геоморфологическими работами по изучению рельефа Приаралья и Аральской впадины занимались довольно много ученых, особенно в 40-е и 50-е годы. Наибольшее внимание уделялось вопросам образования Аральской впадины, происхождения песчаного рельефа, развития некоторых береговых форм рельефа и др. Особый интерес вызывают исследования бухтовых берегов аральского типа Б.А. Федоровича (1942) и И.М. Островского (1955), которые развили представления Л.С. Берга, применив метод аэронаблюдения и аэросъемки. Так как рельеф является обычно ведущим компонентом природного комплекса, его своеобразным “скелетом”, то географо-геоморфологические работы в сравнении с изучением других компонентов приобретают важное значение.

Для выяснения природных условий, которые были свойственны Приаралью несколько тысяч лет назад, существенны археолого-геоморфологические исследования, проводившиеся преимущественно в послевоенные годы. Много лет они велись Хорезмской экспедицией известного археолога С.П. Толстова с участием геоморфолога А.С. Кесь. Археолого-геоморфологические работы, как взаимно дополняющие друг друга, позволили собрать интересный материал по истории освоения человеком природных условий Западного, Южного и Восточного Приаралья, в особенности дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

В летние сезоны 1953–1960-х годов (с перерывом), когда уровень Аральского моря занимал высокое для XX столетия положение, я проводил полевые исследования его берегов. Работы

были организованы кафедрой физической географии Алма-Атинского педагогического института (с учетом 2–3 студентов). Материальную помощь и содействие экспедиции оказало руководство Аралгосрыбтреста, а научную поддержку сотрудники Аральской научной рыбохозяйственной станции (преобразованной в Аральское отделение Института ихтиологии и рыбного хозяйства Казахской ССР).

Летом 1953 г. было произведено рекогносцировочное ознакомление в основном с северо-восточной частью Аральского моря. На преобладающих здесь низменных песчаных берегах почти повсеместно наблюдались признаки затопления, размыва и зарастания тростником. На участках коренных берегов, нехарактерных для этой части Приаралья, происходило усиленное срезание береговой суши волнением, лишь местами остались небольшие отрезки древних морских террас. Экспедицией отмечено, что воды прибывающего моря проникали на сушу между песчаными грядами, образуя извилистую береговую линию. Заметно явное влияние прилегающей пустыни Приаральские Каракумы на формирование северо-восточного побережья Аральского моря.

Рекогносцировка показала, что предстоящие экспедиционные работы должны быть направлены на изучение взаимосвязанных частей береговой зоны – наземной и прибрежной. При этом для наиболее полного познания необходимо изучать ее основной компонент – рельеф – на фоне всего природного комплекса, т.е. ландшафта. Следовательно, надо проводить комплексные исследования, используя ландшафтно-геоморфологический подход. Явное же воздействие окружающих пустынь, входящих в аридную (сухую и жаркую) географическую зону, на природу Арала, требует производить исследования на ландшафтно-зональной основе. Такой подход еще не применялся при изучении морских берегов, поэтому предстояла его практическая разработка. Тем самым можно было рассчитывать на дальнейшее развитие представлений Бутакова о многофакторности формирования, в частности, дельтовых берегов, а также теории Берга о специфике образования аральского типа бухтовых берегов при затоплении пустыни прибывающим морем.

Для выполнения плана работы экспедиции намечалось три года ландшафтно-геоморфологических исследований внутреннего водоема аридной зоны, основу которых составляли наземные маршруты в сочетании с прибрежными работами по проведению поперечных к береговой линии морских разрезов, введенных на Арале, как известно, Бергом. Наряду с этим применялись аэровизуальные наблюдения.

Первые два года экспедиционные работы производились на парусном баркасе, а на третий – на морской шлюпке (с применением подвесного мотора). Кроме того, для выполнения отдельных маршрутов использовались попутные суда Аралгосрыбтреста, Аральской гидрометеорологической обсерватории и Аральского отделения Института ихтиологии и рыбного хозяйства КазССР. В ходе полевых работ собирались образцы коренных горных пород, пляжевых наносов, донных отложений, профили подводного берегового склона, данные по нивелировке пляжа, проводились глазомерные ландшафтные съемки характерных береговых участков, были сделаны панорамы, отдельные фотоснимки и зарисовки берегов, а также выборочные аэрофотоснимки.

В полевой сезон 1954 г. было обследовано северное побережье от залива Кум-Суат на северо-западе до бухты Аральской на северо-востоке моря. Последовательно изучалась береговая зона пяти заливов – Чернышева, Тще-Баса, Паскевича (ныне Шевченко), Перовского (ныне Бутакова), Сары-Чеганак (ныне Берга) и четырех полуостровов – Куланды, Каратюб, Чубар и Кук-Тернак; посещен также остров Куг-Арал. Аэровизуальными наблюдениями с аэрофотографированием были охвачены три береговые области: аккумулятивный берег Северо-Восточного Приаралья, дельтовый – Сыр-Дарьи и бухтовый – Восточного Приаралья.

Как выяснилось, в ландшафтном отношении северное побережье представляет собой аридно-останцовое Тургайское плато, которое местами обрывается к морю, образуя абразионно-аккумулятивный берег с лопастным расчленением. Поэтому вершинам заливов свойственны низменные аккумулятивные берега с отмытым прибрежьем, а преимущественно выступающим частям полуострова – высокие абразионные берега с приглубым прибрежьем. На северном побережье отсутствуют пресные поверхностные воды, что определяется аридным климатом, в условиях которого господствуют бурые и солонцовые почвы с изреженной полинно-солянковой растительностью.

В 1955 г. экспедиционные работы велись в основном на парусном баркасе у восточного и южного берегов. Кроме того, рекогносцировочно были осмотрены некоторые острова Акпеткинского архипелага (юго-восточный угол Арала), юго-восточное побережье острова Барса-Кельмес, а также полуостров Муйнак (бывший о. Токмак-Ата). Аэронаблюдения с фотографированием были организованы на юго-восточном, южном, юго-западном и западном берегах; исследователям удалось сделать посадку и произвести ландшафтно-геоморфологическую рекогносцировку

трех характерных участков побережья. Для последующего определения интенсивности абразионных или аккумулятивных процессов были поставлены три репера.

Установлено, что для изученных побережий характерны аридно-песчаные (Северо-Восточное Приаралье с Приаральскими Каракумами и Юго-Восточное – с Западными Кызылкумами) и аридно-дельтовые (сырдарьинская и амударьинская дельтовые области на восточном и южном побережьях) ландшафты. Типичным пустынным ландшафтам северо- и юго-востока Арала свойственны бугристо-грядовые пески, недоразвитые песчаные и солончаковые почвы с полынно-солянковой и саксаульной растительностью, развивающейся в аридных климатических условиях. Формируется низменный изрезанный берег с чрезвычайно отмелым прибрежьем; ему присущи интенсивные процессы затопления, размыва и выравнивания при активном тростниковом зарастании. Климату дельтовых ландшафтов, образованных под влиянием речного гидрологического режима, присущи черты, сближающие его с климатом оазисов. Среди почв преобладают болотные, луго-болотные, луго-солончаковые, а наряду с травяной выделяется древесная и кустарниковая растительность. Береговая линия приобретает своеобразные очертания – клювовидный (дельта Сыр-Дарьи) и лопастевидный (дельта Аму-Дарьи); прибрежная зона отличается значительно выраженной мелководностью.

Завершающими экспедиционными исследованиями 1956 г. была охвачена зона Западного Приаралья, проведены дополнительные работы на восточном и южном берегах. Облетом северного побережья Аральского моря были закончены и аэровизуальные наблюдения с выборочным аэрофотографированием. Сделана нивелировка репера А.А. Тилло на северо-западном побережье, показавшая повышение уровня моря на 1,3 м в сравнении с данными Л.С. Берга. Только за 1954–1956 гг. оно составило по данным Аральской обсерватории около 0,35–0,4 м над многолетним средним горизонтом моря.

Примечательно, что аридно-столовый ландшафт западного побережья Арала определяется восточной окраиной пустынного плато Усть-Урт, круто обрывающегося во многих местах. Его поверхность отличается общей выравненностью, кое-где нарушаемой грядами и западинами. Аридный климат предопределяет развитие преимущественно серо-бурых пустынных почв с преобладанием полынной и солянковой растительности. Высокие и ровные берега, осложненные мощными оползнями, являются абразионными и лишь отчасти аккумулятивными. Всюду наблюда-

ются признаки активного волнового воздействия в виде береговых уступов и узких пляжей. Этому благоприятствует наибольшая на Аральском море приглубость прибрежной зоны, а также преобладающие северо-восточные ветры, которые развивают сильные и частые волнения. Это было отмечено еще А.И. Бутаковым.

Для более полного изучения эволюции бухтовых берегов аральского типа летом 1960 г. мною были проведены дополнительные работы в Юго-Восточном Приаралье, где расположен Акпеткинский архипелаг, состоящий из нескольких сотен островков и разделяющих их бухт и проливов.

Текущая обработка собранных экспедицией материалов, производившаяся после каждого полевого сезона, позволила в 1955–1960 гг. опубликовать около двух десятков работ, а в 1959 г. выпустить в свет брошюру “Аральское море”. В ней была предпринята попытка кратко охарактеризовать водоем как внутреннее море-озеро пустынной зоны, накладывающей своеобразный отпечаток на его природный облик. Несмотря на то, что в то время наблюдался высокий уровень воды в Арале, я обратил внимание на предстоящие изменения природных условий в связи с усилившимся гидростроительством на Аму-Дарье и Сыр-Дарье.

Сводка обработанных и обобщенных материалов, а также литературных данных в виде монографии была закончена со сдачей в печать в 1963 г., а опубликована в 1967 г. под названием “Берега Аральского моря – внутреннего водоема аридной зоны”. Эти сведения стали основой докторской диссертации, защищенной в 1964 г. В монографии я старался развить научные представления А.И. Бутакова и Л.С. Берга – основоположников комплексного географического изучения Аральского бассейна. Акцент был сделан на познание береговой зоны моря – составной части всего природного целого – испытывающего активное воздействие аридной зоны. В связи с этим в книге после истории исследований последовательно рассматриваются: особенности аридной природы Арала и основные факторы берегоформирования, характерные черты береговых регионов, эволюция берегов в геологическом прошлом, за последние сто лет и ожидаемая в ближайшем будущем, их типы.

Особое внимание уделяется последним двум главам, посвященным теоретическим представлениям и практическим предложениям, к которым я пришел. Среди теоретических положений: введение аридно-денудационного типа берегов на северном побережье, выделение нескольких стадий в формировании бухтовых берегов аральского типа, выявление специфики эволюции арид-

ных лагун и другие. Практикам рыбного хозяйства были даны рекомендации по улучшению нерестилищ основных и промысловых рыб, особенно в дельте Аму-Дарьи и в мелководных заливах, а также по созданию рыбопромышленных пунктов и портов-убежищ на западном побережье. Практические предложения сделаны судоводителям прибрежного плавания, в особенности у Восточного Приаралья, берега которого стали более изрезанными, чем во времена А.И. Бутакова. Указывалось, что со второй половины 60-х годов усилится понижение уровня моря. Он заметно будет падать в 70-е и 80-е годы, в особенности, когда начнут вводить в эксплуатацию строящиеся гидротехнические сооружения. К сожалению, все это стало явью в наше время.

Современный период. Судьба Арала. “Современным” уровнем Аральского моря принято считать его положение до начала 60-х годов XX в. с абсолютной высотой 53 м над уровнем Мирового океана. Эта исходная для нашего времени современная величина обязана балансу между поступлением речных вод Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Аральскую впадину, с одной стороны, и их расходом путем испарения – с другой. Соотношение между обоими составляющими к 60-м годам установилось в объеме 60,7 км³ (54,8 км³ – воды речного стока, 5,9 км³ – воды атмосферного происхождения; соответственно примерно 90% и 10%). При этом на сток Аму-Дарьи приходилось приблизительно 65%, а Сыр-Дарьи – 25%. Природное равновесие, которое определяло многолетний абсолютный уровень моря 53 м, сохранялось при расходе, равном величине прихода, т.е. 60,7 км³.

Этот баланс Аральского моря, складывающийся на естественной основе, подвержен периодическим колебаниям, которые связаны с климатическими причинами. Наиболее заметны вековые изменения с амплитудой примерно 3 м. В период с 1780 по 1960 гг. наивысшие отметки, приуроченные к очередному циклу с влажным климатом, приходились на XVIII и XX вв., а самые низкие, связанные с сухим климатом, – на XIX в. (в особенности, на 80-е годы). По прогнозу известного озероведа А.В. Шнитникова (1961), в 60–70-е годы должно было усилиться таяние горных ледников, откуда берут начало реки Аральского бассейна, что определит высокий уровень воды в Аральском море. Прогноз о повышении влажности оправдался. Но вопреки этому естественному фактору, который должен был стабилизировать современный уровень на отметке около 53 м, началось его падение.

Как известно, понижение наблюдается с 1961 г. и прогрессирует до настоящего времени. “Сегодняшний” уровень к 2001 г. понизился почти до 19 м. Дело в том, что вступил в действие мощ-

Аральское море. Снимок из космоса, сделанный в 1981 г.

ный антропогенный фактор в связи с запуском в 1959 г. первой очереди Каракумского канала – началом наступления на природу пустынь. Гидротехническое строительство все более разворачивалось; создавалась обширная сеть оросительных каналов. В середине 60-х годов ими было охвачено 4,5 млн га земель, затрачивалось 50–55 км³ воды. За последующие 25 лет эта площадь увеличилась еще на 2,5 млн га, а потребление воды на 50 км³.

Резкому сокращению речного стока в Аральское море способствовало не только нерасчетливое увеличение площади орошаемых земель, но и низкий уровень ведения хозяйства. Большинство каналов не имеет каменной облицовки, поэтому много пресной воды теряется на фильтрацию – потребляется в 2–3 раза

Изменения в положении береговой линии Аральского моря с 1961 по 2001 год (по данным космических съемок)

больше нормы. Это приводит к скорому выходу почвы из строя вследствие подъема соленых грунтовых вод. Тем более что дренаж поливных вод налажен недостаточно, вследствие чего невозможно современное рациональное ведение сельского хозяйства.

В результате такой организации водного хозяйства, прежде всего, уровень моря к 1989 г. понизился на 14 м, его площадь сократилась в два раза, а объем вод в три раза. Арал превратился в два самостоятельных водоема – Большое и Малое моря с узкой протокой, соединяющей их. Это привело к катастрофическому состоянию природных, социально-экономических и экологических условий Аральского бассейна. На восстановление экологического равновесия в Приаралье и сохранение моря было направлено правительственное постановление, принятое в 1988 г. Советом Министров СССР. Оно основывалось на проводимых в этом регионе рядом научно-исследовательских учреждений трех союзных республик – Российской, Узбекской и Казахской язысканиях. Однако после прекращения существования СССР в 1991 г. закончились важные гидрологические и гидрохимические исследования, а также сбор данных в связи с закрытием гидрологических постов.

В создавшейся обстановке ученые обратились к единственному источнику информации, которую предоставляют космические съемки Аральского моря, проведенные в 1989 (как базовый год), 1991, 1993, 1996, 1997, 1998, 1999, 2001 годах). Представляют интерес результаты, полученные сотрудниками кафедры картографии и геоинформатики географического факультета МГУ (В.И. Кравцова, И.К. Лурье, Т.М. Мудря, 2002). Определение гидрологических характеристик по материалам космической съемки, проведенное по методике кафедры гидрологии университета, позволило установить, в частности, что уровень Большого Арала в 2001 г. составил 34,5 м (снизился в сравнении с 1961 г. почти на 19 м, объем 297 км³ (в 1961 г. – 10 066 км³), соленость 57,2 ‰ (в 1961 г. – 9–10 ‰).

На площадь всего моря в 2001 г. приходилось 24,2 тыс. км² (в 1961 г. – 66,4 тыс. км²), т.е. она уменьшилась почти в 3 раза. К этому времени наступил переломный момент: находящиеся недавно в срединной мелководной части Арала острова (Лазарева, Комсомольский, Возрождения и другие), протягивавшиеся с юга на север, соединились друг с другом и с южным берегом моря, пока отделяясь от северного берега довольно узким проливом. В результате Большой Арал разделился на западную (относительно глубоководную) и восточную (отмелую) части. Уже не существует аральский тип бухтовых берегов в юго-восточной части моря.

Остров Барса-Кельмес превратился в полуостров. На осушенном морском дне формируются песчано-солончаковые пустыни насыщенные солончаковой полукустарниковой и кустарниковой растительностью с участками незакрепленных песков, которые подвергнуты воздействию дефляционных и золотых процессов.

Таким образом, прошедшие с середины XIX века (эпохи А.И. Бутакова) и до настоящего времени 150 лет, можно разделить на два этапа в познании эволюции Аральского моря. Первый, охватывающий примерно столетие, характеризуется в общем высоким уровнем Арала, при котором действовали преимущественно природные процессы, направленные в основном на наступление моря на сушу, но местами и с выдвиганием последней в особенности, в дельтовых областях. Второму – с почти полувековой продолжительностью – свойственно интенсивное наступление суши на море, сопровождаемое усиленной аридизацией при активном участии антропогенного фактора. Для их всестороннего изучения, вызываемого требованиями рационального природопользования, необходимо широко использовать комплексный географический подход, который успешно применял А.И. Бутаков.

В связи с этим особое значение приобретают научные труды первоисследователя Арала. Только благодаря ему географическая наука располагает точными исходными данными о природе этого своеобразного моря-озера почти 150-летней давности. Собранные Алексеем Ивановичем ценные сведения позволяют использовать традиционные количественные и историко-географические методы комплексного исследования. Поучительна для нас и сама жизнь моряка-ученого, совершающего свои научные открытия, патриота, прославляющего Родину неустанными трудами.

Важно для нас и то, что он является представителем славной морской семьи Бутаковых, служивших своему отечеству на протяжении почти двухсот лет. Последний из этого замечательного рода Григорий Александрович Бутаков – внук Григория Ивановича, внучатый племянник Алексея Ивановича. Он участвовал в сражении с флотилией врангелевских войск на Азовском море в 1920 г., награжден орденом Боевого Красного знамени. Умер в звании капитала 1-го ранга.

Закончим книгу словами, сказанными в память об Алексее Ивановиче: "... Не можем вспоминать о нем иначе, как о настоящем типе морских офицеров, которым гордилась бы каждая страна и каждый народ"².

---

² Морской журнал. 1869. № 9. Морская хроника. С. 21.

Важнейшие даты жизни и деятельности А.И. Бутакова¹

- 1816 – 7 февраля родился в Кронштадте.
- 1827–1832 – учился в Морском кадетском корпусе; присвоен первый офицерский чин мичмана.
- 1832–1836 – учился в Офицерском классе для продолжения морского образования как один из лучших выпускников Морского корпуса.
- 1836–1840 – плавал на различных военных кораблях Балтийского флота (с производством в лейтенанты в 1838 г.); опубликовал первые переводы с английского преимущественно географических статей.
- 1840–1842 – участвовал в качестве старшего офицера в кругосветном плавании на военном транспорте “Або” из Кронштадта в Петропавловск-Камчатский и обратно; занимался в основном этнографическими наблюдениями.
- 1842–1847 – продолжал нести офицерскую службу на Балтийском флоте; изучал научную литературу, в особенности по истории и географии Средней Азии.
- 1848–1863 – военно-морская служба на Аральском море, географическое изучение и освоение Аральского бассейна.
- 1848–1849 – назначен начальником экспедиции описи и съемки Аральского моря; первые научные исследования на нем; присвоение звания капитан-лейтенанта.
- 1850 – издана первая морская карта Арала Гидрографическим департаментом Морского министерства; откомандирован в Швецию для заказа двух пароходов для Аральской флотилии.
- 1850–1852 – участвовал в работе по приему построенных пароходов, их перевозки и спуску на воду на Арале.
- 1853 – провел рекогносцировочное обследование нижнего течения Сырдарьи, возглавлял Аральскую флотилию при осаде и взятии кокандской крепости Ак-Мечеть; опубликовал работу “Сведения об экспедиции, снаряженной для Аральского моря”; избран почетным членом Берлинского географического общества.
- 1853–1858 – продолжал участвовать как начальник Аральского флотилии в изучении и освоении низовьев Сырдарьи с выполнением в 1855 г. ее съемки в нижнем течении (с опубликованием статьи в 1858 г. в немецком географическом журнале); произведен в капитаны 2-го ранга в 1855 г. и 1-го ранга – в 1857 г.

---

¹ Даты приводятся по старому стилю.

- 1858–1859 – участвовал во главе Аральской флотилии в содействии русскому посольству в Хиву и исследовании устьевой области Амударьи.
- 1860 – направлен в Англию для заказа двух новых пароходов и дока.
- 1861–1862 – руководил доставкой разнообразных пароходов и дока на Арал, их сборкой и спуском на воду.
- 1863 – продолжил съемку Сырдарьи вверх по течению на расстоянии до устья более 1500 км.
- 1864–1869 – персведен на службу на Балтийский флот (с приведением звания контр-адмирала).
- 1865 – награжден королем Италии орденом Св. Маврикия и Лазаря за гидрографические работы в Аральском бассейне.
- 1866–1867 – опубликовал работы о верхнем течении Сырдарьи в немецком географическом журнале (1866) и в английском – о дельте и Амударьи (1867); награжден золотой медалью за изучение и освоение Аральского бассейна Лондонским географическим обществом; избран членом Совета Императорского Русского географического общества.
- 1868–1869 – продолжал адмиральскую службу на Балтийском флоте.
- 1869 – 28 июня умер в Швальбахе (во время лечения).

Основные труды А.И. Бутакова

- Пуло-Пенанг и Сингапур (из записок морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах // Отечественные записки. 1843. Т. XXVII. Раздел II. С. 47–90.
- Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах // Отечественные записки. 1844. Раздел II. Т. XXXIII. С. 1–44. Т. XXXV. С. 1–26.
- Описание плавания военного транспорта “Або” вокруг света // Записки Гидрографического департамента. 1844. Т. II.
- Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г. // Вестник Русского Географического общества. 1853. Т. VII. С. 1–9.
- (Alexey Butakoff). Survey of the Sea Aval. // Journ. Geograph. Soc., XXIII, 1853. P. 93–100.
- Краткое описание реки Сыр-Дарья от форта Перовский до устьев // Морской сборник. 1857. № 3. Выписка из письма капит. I р. Бутакова из Ливерпуля (Об опытах над плоеным (coagulated) железом, системы Френсиса) // Морской сборник. 1861. № 2.
- (Alexis Boutakoff). Veber den uteren Theil des Syr-Dariah (Jaxartes) zwischen dem Fort Peroffsky und seiner Mündung. // Zeitschr., f. allgem. Erdkunde, IV, 1858. S. 172–189.
- Пароходы с задним колесом из желобчатого гальванизированного железа // Морской сборник. 1861. № 5.
- Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки. 1861. № 11. С. 99–112.
- Дельта и устья Аму-Дарья // Отечественные записки. 1866. № 1. С. 129–138.
- (Alexis Butakoff). Notiz über den oberen Zauf des Syr-Dariah (Jaxurtes) zwischen dem Fort Peroffsky und Bayldyr-Tugai. // Zeitschr. Gesell. f. Erdkunde Berlin, I, 1866. S. 114–128.
- (Boutakoff (admiral) A.) The delta and mouths of the Amu-Daria or Oxus (Transl.) // Journ. R. Geograph. Soc., XXXVII, 1867. P. 152–160.
- О дельте и устьях Аму-Дарья // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1872. № 32.
- Берега Аральского моря (Геологические заметки) // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1872. № 48–50.
- Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне “Константин” для исследования Аральского моря в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953.

Литература¹

- Алексеев В.И.* Геннадий Иванович Невельской. М., 1984.
- Алексеева А.А.* Т.Г. Шевченко и первая карта Арала // Правда Украины. 23 апреля 1953 г.
- Аксельрод Е.* Контр-адмирал Бутаков – исследователь Аральского моря // Известия Всесоюзного географического общества. 1971. Вып. 2. С. 170–171.
- Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. СПб., 1907. Т. 8.
- Берг Л.С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908.
- Берг Л.С.* А.И. Бутакова – исследователь Аральского моря // Очерки истории русских географических открытий. М.; Л., 1949. С. 190–220.
- Берг Л.С.* Алексей Иванович Бутаков (1816–1869) // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 88–91.
- Бетгер Е.К.* Дневники А.И. Бутакова и их судьба // Известия Академии наук Узбекской ССР. 1953. № 2. С. 88–91.
- Бетгер Е.К.* Предисловие к книге “Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953. С. 3–9.
- Бутаков А.И.* // Русский энциклопедический словарь, издаваемый И.Н. Березиным. СПб., 1874. Т. 4.
- Бутаков А.И.* // Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, составленный Г. Геннади. Берлин, 1876. Т. 4.
- Бутаков Алексей Иванович* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 9.
- Бутаков Алексей Иванович* // Общий морской список. СПб., 1897. Ч. 9. Т. 3.
- Бутаков Алексей Иванович* // Большая энциклопедия. СПб., 1901. Т. 4.
- Бутаков Алексей Иванович* // Энциклопедический словарь Гранат. СПб., 1911. Т. 7.
- Бутаков Алексей Иванович* // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. 1951. Т. 8. Изд. 3. 1971. Т. 4.
- Бутаков Алексей Иванович* // Краткая географическая энциклопедия. 1966. Т. 5.
- Бутаков Алексей Иванович* // Морской библиографический словарь. СПб., 1995.
- Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1.
- Горковенко А.С.* Взгляд на прошедшее // Морской сборник. 1876. № 6. С. 1–27.

---

¹ В списке приводятся лишь источники, полные библиографические данные о которых не приведены в тексте.

- Гумбольдт А. Письмо русскому моряку А.И. Бутакову // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. Ч. 82; то же: Морской сборник. 1854. № 7. (с. 313–318).
- Давыдов Ю. Шхуна “Константин” // Вижу берег. М., 1964.
- Давыдов Ю. На шхуне // Волонтер свободы. М., 1988.
- Дмитриев В.И. А.И. Бутаков. М., 1955.
- Ивашиных Н.А. Русские кругосветные путешествия // Записки гидрографического департамента. 1850. Т. VIII.
- Лазаревский Ф.М. Из воспоминаний о Шевченко // Т.Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 176–186.
- Лурье А. Тарас Шевченко и Алексей Бутаков // Красный флот. 1946. № 57.
- Льмарев В.И. Берега Аральского моря – внутреннего водоема аридной зоны. Л., 1967.
- Льмарев В.И. Вклад А.И. Бутакова в исследование берегов моря // Ученые записки Алма-Атинского педагогического института. 1957. Т. 8. С. 142–161.
- Льмарев В.И. Алексей Иванович Бутаков – первоисследователь Аральского моря (к 180-летию со дня рождения) // Записки по гидрографии. 1996. № 237. С. 39–43.
- Льмарев В.И. А.И. Бутаков и Русское географическое общество // Русское географическое общество и флот. СПб., 1996.
- Магидович И.П. Известные русские мореплаватели (справка) // Русские мореплаватели. М., 1953.
- Макшеев А.И. Описание Аральского моря // Записки Императорского Русского географического общества. 1851. Т. V. С. 30–61.
- Макшеев А.И. Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896.
- Макшеев Н. Воспоминания А.И. Макшеева о Т.Г. Шевченко // Русская старина. 1914. № 5. С. 305–308.
- Небольсин П.И. Рассказы проезжего о странствии по Заволжью, Уралу и по Волге // Отечественные записки. 1853. № 1. Смесь. С. 9–21.
- Некролог Свиты его Величества контр-адмирала Алексея Ивановича Бутакова // Морской сборник. 1869. № 9. Морская хроника. С. 15–21.
- Новейшие экспедиции для обследования Аральского моря // Географические известия Русского географического общества. 1850. Вып. 3.
- Пецуров М. Очерк моей жизни. СПб., 1881.
- Резниченко В.И. Т.Г. Шевченко в Аральской экспедиции // Известия Харьковского отделения Географического общества СССР. 1961. Вып. 1. С. 48–49.
- Семенов П.П. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 3.
- Смирнова А.О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929.
- Шевченко Т.Г. Собрание сочинений. Т. 5. Автобиография. Дневник. Избранные письма и деловые бумаги. М., 1956.
- Хлопов В.В. А.И. Бутаков – исследователь Аральского моря // Известия Всесоюзного географического общества. 1966. Вып. 3. С. 265.
- Чабров Г.Н. О.Н. Бутакова и ее художественные произведения // Известия Узбекского филиала Географического общества СССР. 1957. Т. III. С. 137–142.
- Шагинян М. Аральская экспедиция // Молодая гвардия. 1940. № 8. С. 137–148.
- Шагинян М. Тарас Шевченко. М., 1946.
- Шенурин В. Плаванья Аральской флотилии в 1858–1859 гг. // Морской сборник. 1861. № 5.
- Шереметьев Ю. Исследователь Арала (А.И. Батаков) // Морской флот. 1969. № 7.

Шкот П.П. Из воспоминаний русского моряка. Кронштадт, 1886.
Энгельгардт П.А. Морской кадетский корпус (из воспоминаний 1822–1829 гг.) //
Русская старина. 1883. № 10. С. 375–380.

Фондовые материалы архивов

Архив Русского географического общества:

Фонд 1-1852. Представление карты Аральского моря Бутакова к награждению
Константиновской золотой медалью.

Российский государственный архив ВМФ:

Фонд 4. Переписка А.И. Бутакова с родными.

Фонд 19. Письма начальнику Главного морского штаба Меньшикову.

Фонд 224. О составе Аральской флотилии.

Фонд 283, 410. Аральская экспедиция.

Фонд 406. Послужные и формулярные списки членов Морского ведомства.

Указатель имен

- Абулхаир
Акишев А.А.
Аксельрод Е.
Александр П.
Алексеев А.И.
Алексеева А.А.
Аленицын В.Д.
Андрусов Н.А.
Анжу П.Ф.
Архангельский А.Д.
- Базинер Ф.
Барбот де Марни П.П.
Бартольд В.В.
Барятинский А.И.
Бекович А.
Белинский В.Г.
Беллинсгаузен Ф.
Берг Л.С.
Березин И.Н.
Бессарабский П.Н.
Бетгер Е.К.
Блинов Л.К.
Бродская Н.Г.
Букинич Д.Д.
Бутаков А.И.
Бутаков А.Н.
Бутаков В.И.
Бутаков Г.А.
Бутаков Г.И.
Бутаков И.И.
Бутаков И.Н.
Бутаков Н.Д.
Бутакова А.И.
Бутакова К.К.
Бутакова О.Н.
Бэр К.М.
- Венгеров С.А.
- Вернадский В.И.
Вернер Ф.
Веселовский К.С.
Воейков А.И.
Врангель Ф.П.
- Гельмерсен Г.П.
Геннади Г.
Герн К. И.
Гладышев
Глуховский А.И.
Горковенко М.Ф.
Гумбольдт А.
- Давыдов Ю.
Даль В.И.
Данилевский Г.И.
Данилевский Н.Я.
Дахшлейгер Г.Ф.
Делиль
Дмитриев В.И.
- Ермолов А.П.
Ерохин Б.В.
- Заблоцкий-Десятковский А.П.
Залесский Г.
Загряпин Н.В.
Зарудный Н.А.
Зенкович В.П.
Зернов С.А.
- Ивашиңцов Н.А.
Исаев
Истомин
- Катенин А.А.
Каульбарс А.
Кесь А.С.

Константин Николаевич
(генерал-адмирал)
Кравцова В.И.
Краевский А.А.
Крузенштерн И.Ф.
Кузнецов И.В.
Купфер А.Я.
Куторга С.С.

Лазаревский Ф.М.
Лебединцев А.Л.
Ленц Э.Х.
Леонов Г.Б.
Литке Ф.П.
Лихачев И.Ф.
Лопатин Г.В.
Лудвиг
Лурье А.
Лурье И.К.
Льмарев В.И.

Магидович И.П.
Макаров С.О.
Макшеев А.И.
Макшеев Н.
Мейендорф Г.
Меншиков А.С.
Мертваго
Мудря Т.М.
Муравин
Мурчисон Р.И.
Мухамед-Фан
Мушкетов И.В.

Небольсин П.И.
Невельской Г.И.
Неронов Н.Н.
Нессельроде К.В.
Никитин С.Н.
Николай I
Никольский Г.В.

Обручев В.А.
Островский И.М.
Ошанин В.Ф.

Пандер Х.И.
Перовский В.А.
Петр I
Пещуров М.
Поспелов К.Е.

Постников А.В.
Посьет К.Н.
Путятин Е.В.

Резниченко В.И.
Ремезов С.
Римский-Корсаков В.И.
Репнина В.П.
Романович А.
Рыбин К.Д.

Северцов Н.А.
Семенов-Тянь-Шанский П.П.
Симонов А.И.
Смирнов В.Г.
Смирнова А.О.
Соколов А.П.
Соколовская З.К.
Сорокин Н.Н.
Струве В.П.
Струве О.В.

Текелев М.
Тилло А.А.
Толстов С.П.

Федорович Б.А.
Федченко А.П.

Ханьков А.А.
Хлопов В.В.
Христофоров М.Ф.

Чабров Г.Н.

Шагинян М.
Шевченко Т.Г.
Шенурин В.
Шереметьев Ю.
Шкот П.Я.
Шнитников А.В.
Шокальский Ю.М.

Щульц К.К.
Эверсман Э.А.
Энгельгардт Н.А.

Юнкер А.Л.
Яковлев
Яншин А.Л.

Указатель географических названий

- Аванчинская губа
Азовское море
Аджи-Бай
Айбугирское оз.
Ак-Мечеть
Акпеткинский архипелаг
Ак-Суат
Ак-Тумсук
Алтай
Алтын-Кудук
Амстердам, о-в
Аму-Дарья
Амур, р.
Англия
Аральское море (Арал)
Аральская бухта
Арало-Каспийский бассейн
Архангельск
Астрахань
Аталык-Арал
Атлантический океан
Аулье
Африка
- Базель
Бай-Губек
Байлдыр-Тугай
Балтийское море (Балтика)
Балхаш
Барса-Кельмес
Беллинсгаузена о-в
Берга з-в
Берлин
Биш-Кум
Борнхольм
Бусай
Бухарское ханство
- Вержболово
- Висбаден
Владимир
Возрождение, о-в (бывший Николай)
Волга
- Германия
Горн
- Дания
Джалпак
Джан-Дарья
Джидели
Доброй Надежды, мыс
- Ермолова о-в
- Женевское оз.
- Заволжье
Западные Каракумы
- Изенды-Арал
Индийский океан
Индия
Иске
Иссык-Куль
- Казак-Дарья
Казалинск
Казахстан
Камчатка
Капштат
Карабайли
Каракумский канал
Каратюб
Каска-Кулан
Каспийское море
Кзыл-Орда
Киев

Китай
Коканд
Кокандское ханство
Комсомольский, о-в
Константин, о-в
Копенгаген
Корфу
Кронштадт
Кос-Арал
Костромская губ.
Куван-Дарья
Куг-Арал
Кузь-Джитпес
Куланды
Кум-Суат, з-в
Кум-Суат, урочище
Кук-Узяк
Кук-Тернак
Кунган-Сандан
Кунград
Кызыл-Джар
Кызыл-Чалы
Кынь-Камыс

Лазарева о-в
Лаудан
Ледовитый океан
Либава (Лиепая)
Ливерпуль

Малаккский пролив
Мальта
Меншикова о-в
Муйнак, п-ов

Нанкаури
Никобарские о-ва
Николаев
Николай, о-в
Наследник, о-в
Нукус

Обручева о-в
Одесса
Оренбург
Оренбургский край
Орск (Орская крепость)
Охотское море

Павловск
Паскевича з-в
Перовского з-в

Перовский форт
Петербург
Петербургская губ.
Петропавловск-Камчатский
Петропавловский порт
Питкерт
Плимут
Портсмут
Приаралье
Приаральские Каракумы
Пуло-Пенанг

Раим (Раимское укрепление)
Ревель (Таллин)
Рига
Рижский з-в
Рио-де-Жанейро
Ростов

Самара
Сандвичевы (Гавайские) о-ва
Сан-Франциско
Сары-Чеганак
Сахалин
Свеаборг
Свенемюнд
Св. Павла о-в
Севастополь
Северное море
Сибирь
Сидней
Сингапур
Средняя Азия
Средиземное море
Стокгольм
Столовая, губа
США
Сыр-Дарья

Талдык, з-в
Талдык, рукав Аму-Дарья
Татарский пролив
Ташкент
Тенериф
Тихий океан
Токмак-Ата
Толмачева о-в
Турганское плато
Туркестанский край
Тюбе-Кара

Узбой

Узун-Арал
Улу-Дарья
Улькун-Дарья
Улькун-Тумсук
Урал, горная область
Ургун-Мурун
Усть-Урт
Уч-Уткуль

Финский з-в
Франкфурт

Хивинское ханство (Хива)
Ходжайли

Царские о-ва
Центральная Азия

Чубар
Чубар-Тарауз

Швальбах
Швеция

Южная Америка

Яик (Урал), р.
Янги-Дарья
Япония

Содержание

От автора	5
Введение	8
Родословная	10
В морском корпусе	14
Начало службы на Балтике. Тяга к науке	19
В кругосветном плавании. Первые научные наблюдения	24
Продолжение службы на Балтике. Мысли о неизведанном море	34
Назначение в Аральскую экспедицию	37
Хлопоты об организации Аральской экспедиции	41
Первое плавание по Аральскому морю	47
Зимовка на Кос-Арале	65
Второе плавание по Аральскому морю	70
Итоги Аральской экспедиции	92
Аральская экспедиция и Т.Г. Шевченко	102
Аральская флотилия	111
Исследование Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи	120
Снова на Балтике. Незабываемое Аральское море	128
В Русском географическом обществе	135
Безвременная кончина	141
Вместо заключения	148
Важнейшие даты жизни и деятельности А.И. Бутакова	171
Основные труды А.И. Бутакова	173
Литература	174
Указатель имен	177
Указатель географических названий	179

Научное издание

Лымарев Василий Иосифович
Алексей Иванович Бутаков
1816–1869

Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Е.А. Мекиун*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 26.09.2006
Формат 60 × 90¹/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,5. Усл.кр.-отт. 11,8. Уч.-изд.л. 12,0
Тип. зак. 3638

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В.И. Лымарев

**Алексей Иванович
БУТАКОВ**

В.И. Лымарев
Алексей Иванович БУТАКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кругосветный мореплаватель контр-адмирал А.И. БУТАКОВ, отдавший 15 лет своей жизни изучению Аральского моря, по существу является его первооткрывателем. Научные труды Алексея Ивановича по географии Арала широко известны среди отечественных географов. Офицер был принят в число первых действительных членов Русского географического общества. Деятельность А.И. Бутакова признана и зарубежными учеными: он был избран по рекомендации А. Гумбольдта почетным членом Берлинского географического общества и награжден золотой медалью Лондонского географического общества.

ISBN 5-02-034065-0

9 785020 340657 >

